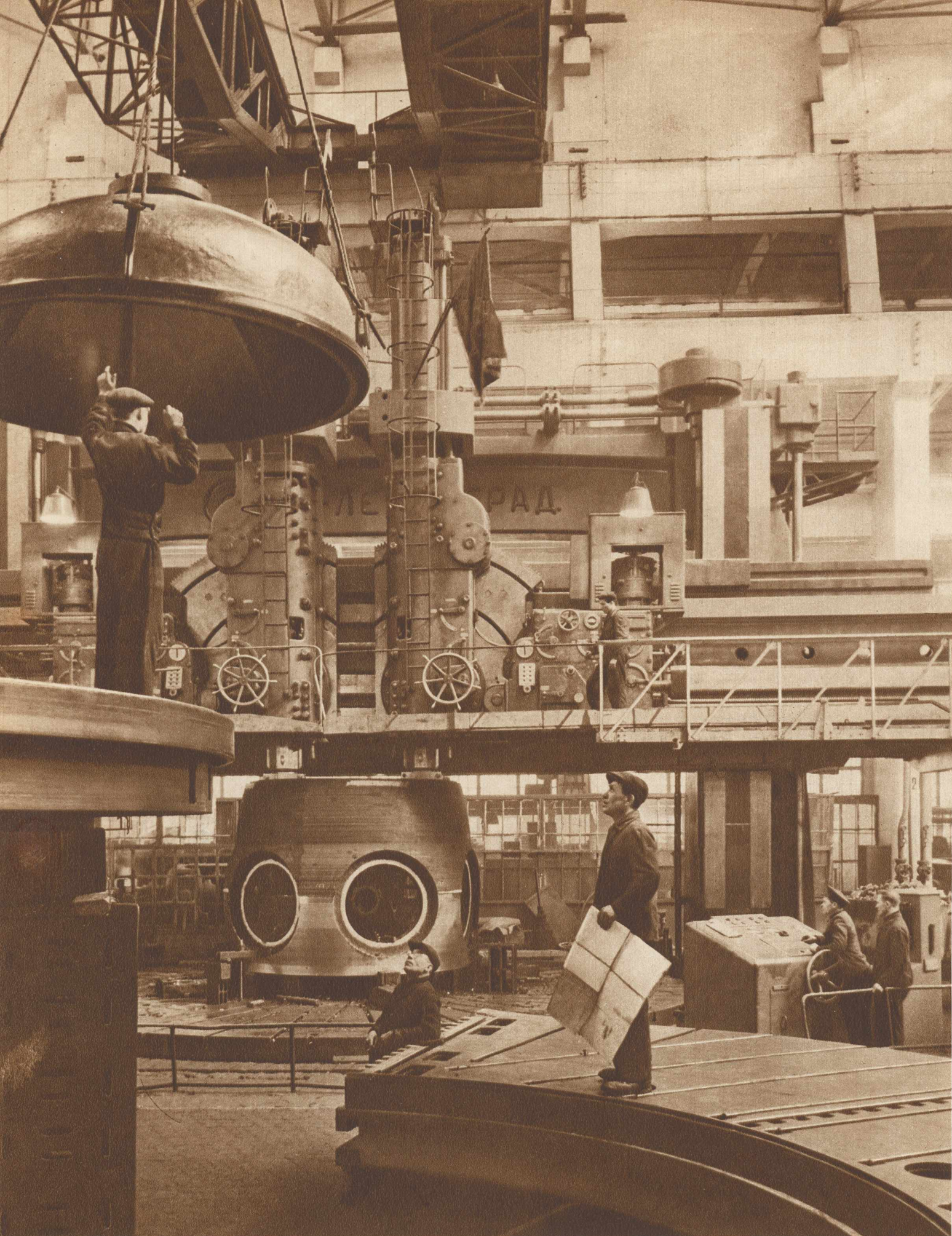

ОГОНЁК

№ 33 АВГУСТ 1953

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Ленинградский металлический завод имени И. В. Сталина. Гидротурбинный цех. Обработка втулки рабочего колеса мощной турбины на карусельном станке.

Фото Дм. Бальтерманца.

На первой странице обложки: Куйбышевгидрострой. Начальник арматурно-сварочного завода Герой Социалистического Труда А. А. Щербинин беседует с ребятами в пионерлагере. (См. в номере очерк «Инженеры»).
Фото А. Гостева.

На последней странице обложки: Завод «Азовсталь» ночью.
Фото Н. Козловского.

На заключительном совместном заседании Совета Союза и Совета Национальностей 8 августа 1953 года

Фото Б. Кузьмина.

НАШЕ ДЕЛО НЕПОБЕДИМО

Неизгладимый след в жизни советского народа оставит пятая сессия Верховного Совета СССР. Принятые сессией законы, обнародованные с ее трибуны величественные цифры, дух сплоченности и единства, которым были проникнуты выступления депутатов,— все это свидетельствует, что наша страна, полная жизненных сил и творческой энергии, неуклонно движется вперед по пути построения коммунистического общества.

Государственный бюджет на 1953 год каждой своей строкой запечатлел гигантские масштабы мирного строительства, осуществляемого в Советском Союзе. С единодушным одобрением и глубочайшим удовлетворением встретили советские люди выступление Председателя Совета Министров Союза ССР товарища Г. М. Маленкова, всесторонне обосновавшего грандиозные задачи в области внутренней и внешней политики социалистического государства.

Есть цифры, которые обладают вдохновляющей силой, за скромной деловой оболочкой которых нетрудно разглядеть величайшие процессы, происшедшие в жизни нашей Родины. Такие цифры были названы на сессии Верховного Совета.

Менее трех десятилетий прошло с той поры, когда Коммунистическая партия взяла курс на индустриализацию страны. Но какими блистательными итогами увенчался этот курс! Не одну треть, как в 1924/25 году, а более двух третей промышленного производства составляет теперь тяжелая индустрия. В 21 раз больше стали, в 19 раз — угля, в 45 раз — электроэнергию производит наша страна. Горы угля и море нефти добываются из недр нашей земли, текут огнедышащие потоки стали, могучую силу электроэнергии разносят по всей стране провода. Пятый пятилетний план предусматривает еще большее развитие тяжелой промышленности — этой основы основ социалистической экономики.

Ныне, когда наличие могучей тяжелой промышленности обеспечивает самостоятельность нашей Родины, созданы все условия для того, чтобы организовать крутой подъем производства предметов народного потребления.

Главная задача социалистического строя — максимальное удовлетворение непрерывно растущих материальных и культурных потребностей народа. Никогда еще Коммунистическая партия не имела таких возможностей, как сейчас, чтобы осуществить эту главную задачу.

Четко и ясно сформулирована на сессии Верховного Совета СССР конкретная программа: в течение двух — трех лет резко повысить обеспеченность населения продовольственными и промышленными товарами — мясом и мясными продуктами, рыбой и рыбными продуктами, маслом, сахаром, кондитерскими изделиями, тканями, одеждой, обувью, посудой, мебелью и другими предметами культурно-бытового и домашнего обихода, значительно поднять обеспеченность населения всеми товарами народного потребления.

Советские люди, чей самоотверженный труд создал могучую социалистическую экономику, будут из года в год все лучше питаться и одеваться, все полнее удовлетворять свои быстро растущие культурные запросы.

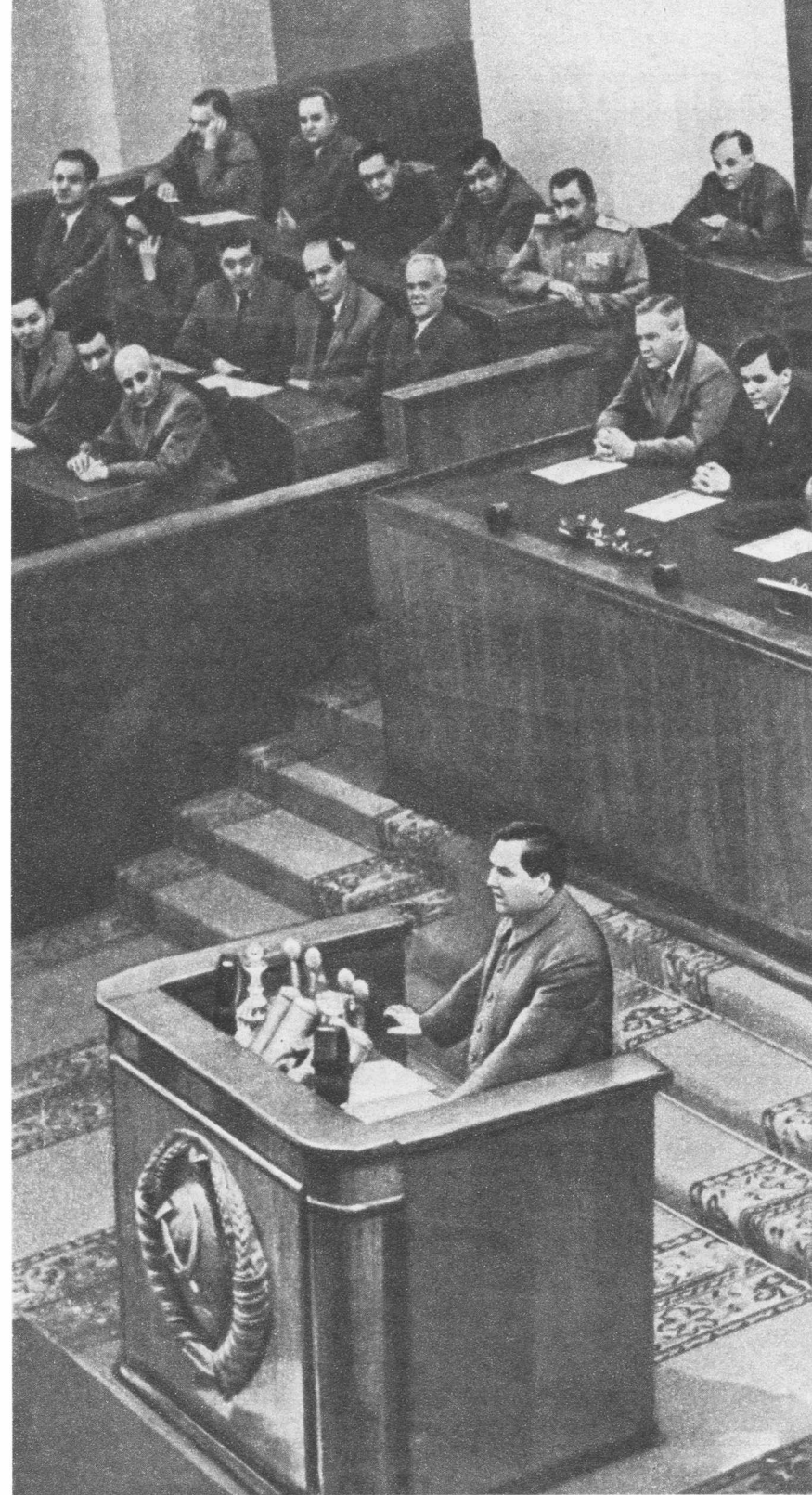
Изо дня в день все больше насыщается наш рынок товарами широкого потребления. В нынешнем году в торговлю поступит товаров дополнительно на 32 миллиарда рублей сверх 312 миллиардов, первоначально выделенных для продажи населению на апрель — декабрь 1953 года.

Партия выдвигает задачу не только количественного удовлетворения потребностей народа. В наших магазинах должно быть не просто много тканей, одежды и обуви, но вдоволь красивых тканей, нарядной одежды, изящной обуви. Требовательный советский покупатель уже не довольствуется прочностью и добротностью товаров: он заинтересован в приятной окраске, тщательной отделке, удобной форме этих товаров. Удовлетворить возросшие вкусы вполне по силам нашей промышленности.

Крутой подъем производства предметов народного потребления требует прежде всего дальнейшего развития сельского хозяйства, снабжающего население продовольствием, а легкую промышленность — сырьем.

Успехи нашего сельского хозяйства выражены в столь же убедительных цифрах, как и успехи промышленности. Советская страна обеспечена хлебом. Сопоставляя 1952 год с 1940 годом, мы наглядно видим значительный рост продукции: в 1,7 раза заготовлено больше хлопка, почти на 30 процентов больше сахарной свеклы, в полтора раза больше мяса, в 1,6 раза больше молока.

Но упоение успехами, как бы ни были они велики, не свойственно нашей партии, нашему государству, нашему народу. Со всей прямотой партия говорит об отставании ряда важных отраслей сельского хозяйства, о том, что нынешний уровень сельскохозяйственного производства

не соответствует возросшей технической оснащенности и возможностям, заложенным в колхозном строе.

Советский народ горячо одобряет мероприятия, которые обеспечивают быстрый рост производства зерна и быстрый подъем животноводства. Государство наметило серьезные меры экономического поощрения производства таких культур, как картофель, овощи, и особенно развития животноводства. Изменяется налоговая политика в отношении личного, подсобного хозяйства колхозников. Большую роль сыграют дальнейшая механизация и электрификация сельского хозяйства, усиление агрономической и зоотехнической помощи колхозам.

Все это приведет, несомненно, к тому, что в ближайшие два — три года будет создано обилие продовольствия для населения и сырья для легкой промышленности.

Неустанно заботится партия о благосостоянии нашего народа. Больше жилищ, больше больниц, больше школ! — эта задача не сходит с повестки дня. По бюджету 1953 года на финансирование социально-культурных мероприятий предназначается 129,8 миллиарда рублей. И в этой области цифры красноречивее любых слов. Количество школьников в нынешнем году возрастет на 900 тысяч. Свыше 3 миллионов человек обучается в наших вузах и техникумах. Наши издательства выпускают в 1953 году 1 миллиард экземпляров книг. Культурный рост советского народа — одна из самых примечательных черт социалистического строя, для которого высшая цель — благо человека.

Советский Союз, поглощенный созидательным трудом, горячо заинтересован в сохранении мира. Братская дружба и тесное сотрудничество характеризуют отношения нашей страны с Китайской Народной Республикой и другими странами народной демократии. Демократи-

Заседание Верховного Совета СССР 8 августа 1953 года. На снимке — за столом Председателя (справа налево): заместители Председателя Совета Союза **А. И. Ниязов, А. Ю. Снечкус, А. И. Кириченко, Т. М. Зуева**, Председатель Совета Союза **М. А. Яснов**, Председатель Совета Национальностей **Ж. Шаяхметов**, заместители Председателя Совета Национальностей **М. Т. Якубов, Т. М. Матиашвили, М. В. Зимянин, В. Т. Лацис**. В ложах — товарищи **Н. М. Шверник, М. Г. Первухин, М. З. Сабуров, Н. А. Булганин, А. И. Микоян, В. М. Молотов, К. Е. Ворошилов, Н. С. Хрущев, Л. М. Каганович, М. А. Суслов, П. К. Пономаренко, Н. М. Пегов, П. Н. Поспелов, Н. Н. Шаталин и М. Ф. Шкирятов**. На трибуне — Председатель Совета Министров Союза ССР товарищ **Г. М. Маленков**.
Фото **Ф. Кислова**.

ческий лагерь достиг серьезных успехов в борьбе за ослабление международной напряженности.

С радостью восприняли народы всего мира прекращение кровопролития на Востоке. Героический корейский народ с помощью китайских народных добровольцев совершил великий подвиг, отстояв в борьбе с захватчиками независимость своей страны.

Сессия Верховного Совета бурными аплодисментами встретила сообщение, что Советское правительство уже выделило на восстановление разрушенного хозяйства Кореи миллиард рублей.

У Советского государства нет территориальных притязаний ни к одной стране. Наше правительство придает особое значение мирному сотрудничеству с соседними государствами.

«Для Советского Правительства, для всех нас, советских людей, — сказал товарищ **Г. М. Маленков**, — дело укрепления мира и обеспечения безопасности народов является не вопросом тактики и дипломатического маневрирования. Это наша генеральная линия в области внешней политики».

Но именно эта линия никак не отвечает замыслам и стремлениям агрессивных империалистических сил. Они противодействуют ослаблению международной напряженности, они создают военные плацдармы

в Западной Германии и Японии, они организуют провокации против стран демократического лагеря, проводят политику атомного шантажа. Любой успех дела мира воспринимается ими как удар по фабрикантам оружия, которым гонка вооружений приносит огромные прибыли.

Никогда еще история не знала такого грубого вмешательства во внутренние дела других государств, таких международных провокаций, которые проводятся сейчас агрессивными силами.

Атомным шантажистам, организаторам «холодной войны» не удастся запугать великий демократический лагерь, во главе которого стоит Советский Союз! Советские люди и все миролюбивые народы с большим удовлетворением встретили сообщение товарища **Маленкова** о том, что Соединенные Штаты не являются монополистами в производстве водородной бомбы.

Сессия Верховного Совета СССР наглядно продемонстрировала, что наша великая и могучая Родина находится на новом подъеме, уверенно движется вперед, что наше дело непобедимо. Советские люди, обсуждая итоги сессии, заверяют: поставленные перед ними величественные задачи будут выполнены. Осуществление этих задач приведет к подъему благосостояния нашего народа, к всестороннему расцвету социалистического общества.

Вл. РУДИМ

Фото Е. Микულიной.

22 августа 1943 года было опубликовано постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О неотложных мерах по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от немецкой оккупации».

Коммунистическая партия и Советское правительство, проявляя великую заботу о трудящихся, еще в разгар ожесточенных боев с врагом наметили пути быстрого восстановления районов, пострадавших во время войны. Огромна помощь, оказанная государством. Окрепили и расцвели лучше прежнего опаленные войной края.

Сегодня «Огонек» рассказывает о жизни в тех местах, где происходило одно из крупнейших сражений в истории войн — Курская битва.

Станция Прохоровка. Десять лет назад в этих местах перекатылся грозный гром Курской битвы. Кто не помнит прохоровского плацдарма, ожесточенных танковых боев!

Знакомые многим фронтовикам места стали теперь неузнаваемы: так сильно преобразился этот край. И если вам не случилось бывать здесь в то лето сорок третьего года, вы с трудом поверите, что в Прохоровке, Курской области, уцелел после боев всего лишь один дом. Теперь Прохоровка — совсем новый город с красивой железнодорожной станцией, школой, Домом культуры, элеватором, банком, сельскохозяйственной выставкой...

С не меньшим удивлением узнаете вы и о судьбе соседнего с Прохоровкой села Прелестного, вытянувшегося на пятнадцать километров вдоль камышовых берегов Псла.

— Не уцелело даже ни одного подвала (так называют здесь фундамент), — говорит бывший фронтовик, ныне председатель прелестненского колхоза «Путь Ленина», Роман Викторович Свитченко.

Он везет нас на дрожжах из Прохоровки и деловито, не спеша, рассказывает о Прелестном. В селе никогда не забудут тех дней, когда государство пришло на помощь колхозникам. Словно выпал долгожданный дождь, по которому истосковались измученные зноем люди и земля. Временные жилища, вырытые в земле или кое-как сколоченные, постепенно исчезали, и крестьяне переселялись в настоящие дома. Лес для строительства получили бесплатно и сразу размахнулись: возводили

фермы, жилые дома, зернохранилища, школу. Фермы начинали строить, не имея скота, а закончили — уже были и коровы, и лошади, и другой скот, тоже бесплатно полученный от государства.

В центре села Свитченко остановился возле тополевой рощи.

— Осенью ей десять годков исполнится, — сказал он, — а посмотрите, как вымахала, выше крыш. Тополь, известно, — дерево быстроходное. Сажали мы его в сорок третьем, о детворе думая. Теперь ребятишки и играют здесь, как в парке. Это вот сейчас младшенькие там поют...

...Вечером в правлении беседовали Свитченко, доярка Башкова, конюхи Латышев, второй Свитченко — однофамилец председателя, — колхозница Гобелко. Заходили по своим делам другие колхозники и, прислушавшись к разговору, задерживались. А речь шла о разном: о Корее и о движении сторонников мира; о том, что Полина Викторовна Гобелко, оставшаяся после войны лишь в том, в чем ходила, и избу хорошую построила и детей вывела в люди: дочь Нина учится на третьем курсе института в Киеве, сын Сергей стал инженером, работает в Москве и недавно ездил в Вену на Конгресс народов в защиту мира. Потом заговорили о ближайших планах: нужно строить клуб, баню, электростанцию, осенью предстоит заложить десять гектаров колхозного сада.

...На десятки километров растянулись корочанские и большевройские сады. Они вы-

строились четкими рядами, как на параде, и словно ожидают команды к торжественному маршу. Сады здесь краше прежнего, будто и не калечила их тяжелая колесница войны.

Бригадир садоводческой бригады Алексей Павлович Субботин привел нас в сад на рассвете. Вспыхнули первые лучи солнца, и деревья, еще не отряхнувшиеся от ночного дождя, засверкали радугой. Пылал румянец наливающих соком яблок, клонились низко к земле отяжеленные плодами ветки.

Подошел председатель колхоза Николай Афанасьевич Деревянкин, поздоровался и тоже залюбовался садами.

— Урожай будет богатый! С гектара возьмем центнеров шестьдесят яблок. Возьмем, Алексей Павлович?

— Думаю, что и по семьдесят выйдет, — ответил бригадир.

В колхозе имени Фрунзе, Корочанского района, больше половины дохода дают сады. Одних яблок сто сортов. Тут и белая антоновка «шестисотграммовая», и румяная «каменичка», самая подходящая для длительного хранения, и «курский ранет», и «кулон-китайка», и «бабушкино» — всего не перечислишь.

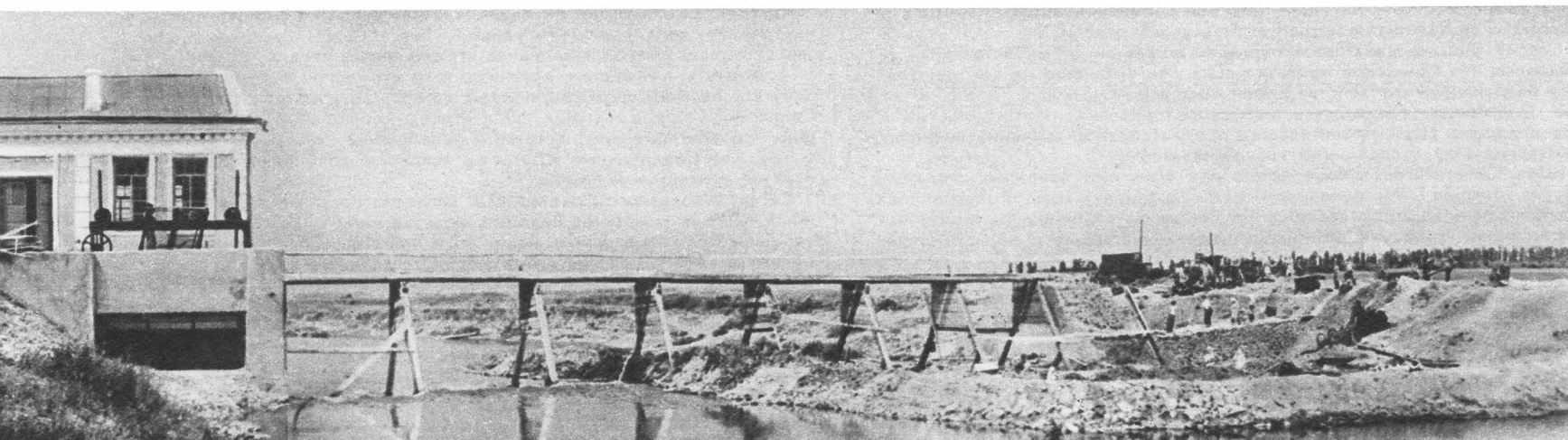
— Сейчас на наши сады любо взглянуть, — говорит председатель. — А ведь мы их, можно сказать, от верной смерти выхोлили.

И припомнилось: возвратились Деревянкин и Субботин из госпиталей, намеревались в родном селе отдохнуть, долечиться. Субботину предстояло еще удалить из правой руки осколки, полученные под Берлином. Но как увидели фронтовики изувеченные войной сады, забыли про отдых. Собрали колхозников, начали лечить деревья: вытаскивали осколки, замазывали, забинтовывали раны, срезали старые ветки, освобождая место для молодых побегов. Вон там стоят они, полувековые омоложенные яблони, не шелохнутся, боясь уронить свой первый послевоенный урожай.

Много недоспали ночей, но сады спасли. А затем подступили другие заботы: заложить питомник, с которым тоже хлопот немало. Зато к концу пятилетки колхоз будет иметь еще двести гектаров садов!

...Старые фронтовые дороги привели нас в деревню Мало-Михайловку, Шебекинского

Гидроэлектростанция на Оке в Кромском районе, Орловской области.

О Ж И З Н И

района. С трех сторон, словно подковой, окружена она меловыми горами, на которые нахлобучена зеленая шапка леса. Взявшись на вершину и видишь всю Мало-Михайловку, как на ладони: просторно раскинулись улицы, белеют на солнце каменный клуб, библиотека, школа, различные хозяйственные постройки. Из-за поворота показались нагруженные сеном автомашины. У самого подножия меловых гор тянутся сады и сверкает серебристой лентой тихая речка Нежеголь, перепоясанная плотинкой колхозной гидроэлектростанции. А чуть левее от нее, почти на самом берегу, стоит пионерский лагерь. Впервые в истории Мало-Михайловки появился здесь пионерский лагерь, да еще свой, колхозный.

Хорошо отдыхает детвора, набирается сил для нового учебного года. Все пионеры отряда имени Олега Кошевого научились плавать, и не как-нибудь, а по всем правилам заправских спортсменов. Знакомятся ребята с птицефермой, встречаются с трактористами и комбайнерами, рыбачат, выступают у костра, ухаживают за пришкольным опытным участком, где юннаты под руководством преподавателя биологии посадили горчицу, канатник, нут и другие культуры, которые в колхозе никогда не выращивались.

Больше всего любят ребята походы в лес. Там так красиво, столько неожиданного, интересного!

Детвора знает: на Мало-Михайловских высотах шли упорные бои с врагами. О тех днях рассказывал пионерам начальник лагеря Иван Яковлевич Бородастов. Он был на фронте, сражался под станцией Прохоровкой и за боевые заслуги награжден орденом Красной Звезды и несколькими медалями.

Вот и сейчас, остановив пионеров на вершине горы, Иван Яковлевич показывает рукой на противоположный холм:

— На том месте находился наш командный пункт. Здесь была отбита контратака врагов и продолжалось наступление на запад.

Сосредоточенно смотрит Валя Долженко туда, где виднеются полузасыпанные блиндажи, и на ее глазах невольно навертываются слезы: Вале вспомнился отец, погибший в боях за Родину. Рядом с Валей стоят не по-детски серьезные в этот момент Лида Ивантеева и Николай Славгородский. У них тоже погибли отцы на фронте.

— Они отдали свои жизни, ребята, чтобы вам можно было жить,— говорит Иван Яковлевич.

...За бортом машины — равнины и рощи Орловщины. Мелькают названия поселков и деревень, знакомых по сводкам Совинформбюро. В Старице, Пепелевке, Сычах, Забродах, Озерках, Надежде грозно бушевала Курская битва, уходя все дальше и дальше на запад.

6 августа 1943 года советские воины освободили Кромы и в тот же день прошли через пепелище соседней деревни; не увидели в ней солдаты ни одной избы, не встретили ни одного жителя. Это было село Важово. Теперь оно стало краше и богаче, чем до войны. О нем знают не только у нас, в Советском Союзе, но и за рубежом — в странах народной демократии.

Недавно председатель важовского колхоза

«Власть труда» Степан Иванович Мельников побывал в Болгарии. Много увидел он, много было интересных встреч, но особенно запомнилась Мельникову поездка к берегам реки Марицы, в деревню Селцы. Местные коноплеводы, прослышавшие о знаменитой кромской конопле, засыпали Степана Ивановича вопросами: как то, да как это? Председатель колхоза едва успевал отвечать.

Пожилая женщина осторожно дотронулась до золотой звездочки Героя Социалистического Труда, мягко поблескивавшей на груди Мельникова, и спросила:

— Это вы получили за коноплю?

— За коноплю. И не один я. У нас в колхозе шесть Героев Социалистического Труда. Некоторые из них уже получили по второму и даже третьему ордену Ленина, как Нина Григорьевна Макарова.

Пытливые болгарские друзья все записывали в блокноты: о высоких урожаях конопли, о колхозном доходе (почти два миллиона четыреста тысяч рублей), о богатом трудовом.

Степан Иванович рассказал про лето сорок третьего года.

— А поднялись мы из пепла,— продолжал Мельников,— благодаря помощи партии, нашего государства, не оставивших нас в беде, благодаря труду наших колхозников.

Полный незабываемых впечатлений возвратился Мельников на родину, в свой колхоз. А через некоторое время в село Важово пришло из Болгарии письмо. С берегов далекой Марицы писали:

«После вашего отъезда в Селцах допоздна горели огни в домах, молодые и старые обсуждали успехи колхоза «Власть труда». История вашего села, сметенного с лица земли войной, ваши замечательные достижения убедили нас в силе коллективного труда. И мы рады сообщить вам, наши советские друзья, что 1 200 семей деревни Селцы объединились в сельскохозяйственный кооператив. А назвали его в честь вашего колхоза «Власть труда».

На окраине Мценска раскинулась новая усадьба машинно-тракторной станции.

Земли, выжженные огнем Курской битвы, уже давно глубоко перепашаны тракторами. Уже давно плацдармы стали свекловичными полями, над засыпанными окопами шумит изумрудная листва молодых лесов, на месте понтонных мостов легли плотины колхозных гидроэлектростанций... О минувшей битве напоминают теперь лишь скромные памятники — обелиски над братскими могилами советских воинов. Они стоят на площадях, в садах, на перекрестках или просто в степи, среди безбрежного моря пшеницы и словно прислушиваются к золотому шелесту колосьев, к басовитому гулу комбайнов. И на все стороны от высоких обелисков лежат обновленные поля, деревни, города. Светлыми окнами сияют дома на улицах Мира в Белгороде и Щиграх, распахнул двери для колхозной детворы новый детский сад в артели имени Шевченко, льется звонкая песня выпускников сельской десятилетки, едущих в московские вузы.

Прекрасный рабочий поселок вырос в районном центре Шебекино, завершается строительство гидроэлектростанции на Оке возле села Шахова, и электрики, прилепившиеся к столбам, как дятлы, прокладывают линию к четырем колхозам. На окраине Мценска раскинулась новая усадьба машинно-тракторной станции, просторно стоят нежно-розовые и снежнобелые корпуса, тянется к солнцу фруктовый сад-первогодок.

Едешь по этой земле день, второй, неделю, и нет конца-края волнующей картине обновления. Смотришь вокруг и не заметишь на это светлое торжество жизни.

На полях Шебекинского района. Слева направо: бригадир тракторной бригады М. М. Скорников, председатель колхоза А. Д. Поздняков и участковый механик В. В. Мозгов.

ИНЖЕНЕРЫ

Герой Социалистического Труда А. А. Щербинин беседует со сварщиком Г. И. Ульчевым.

А. СТАРКОВ

Утро началось с трудного разговора, который испортил Алексею Александровичу настроение. Его шофер угнал на полдня машину, где-то халтурил, подделал записи в путевом листе и теперь изворачивался, лгал.

После его ухода у Щербинина долго оставалось досадное чувство. Ведь это был не чей-нибудь, а его, щербининский, шофер, который долго ездил с ним. За это время мог бы и приглядеться. Шофер казался неплохим, старательным парнем. Был всегда такой предупредительный, смиренный, и вдруг... А может, не вдруг? Даже наверняка не вдруг. Не раз, видать, обманывал, да сходило. Обманывал и посмеивался, небось, в душе над своим доверчивым начальником. При мысли об этом Щербинин поморщился. В общем, настроение испорчено на весь день.

Чтобы отвлечься, Алексей Александрович подошел к висящим на стене фотографиям. Десятка полтора снимков: различные арматурные конструкции, сооруженные на Цимле. Хорошо, что их вовремя сфотографировали: теперь они скрыты от взора под бетоном... Арматурщикам, должно быть, всегда чуточку обидно, что многое сделанное ими можно увидеть лишь до той поры, пока не пришли бетонщики. Результатами труда бетонщиков люди будут любоваться веками. Арматура

же... арматура там, внутри, ее не видно. А какие бывают изумительные конструкции! Вот хотя бы эти, что на снимках. Рисунок их настолько замысловатый, что кажется, он вышит руками искусной мастерицы, а не образован из тяжелых стальных стержней. Но ведь собрали!..

Щербинин невольно — в который уже раз! — залюбовался снимками. И тут же подумал, что даже самая причудливая арматура ничто по сравнению с «конструкцией» человеческой души, человеческого характера. Сидит вот рядом с тобой знакомый человек, — кажется, не такая уж сложная натура, а попробуй разберись, как там у него все в душе переплетено.

Зазвонил телефон. Алексей Александрович снял трубку:

— Щербинин... Кто? Не слышу... Здравствуйте, товарищ Хованец. С приездом!.. Как же, знаю, конечно, хотя и не встречались. Весной мы разминувшись с вами в Свердловске... Спасибо. А как он там, Григорий Петрович-то, поправился?.. Ну, слава богу. Наверно, уж всюю на машине гоняет?.. Алло, алло!.. Куда это вы пропали? С левого говорите?.. А к нам когда?.. Знаю, знаю! И сколько же их? Хорошо! Четырех студентов мы сюда возьмем, а четырех на левом оставим. У нас хозяйство на обоих берегах... Вы к нам в самую пору. Скоро бетон пойдет

полным ходом, и тогда только поспевать... Готовимся. Ваный способ внедряем! Здесь москвичи с опытно-сварочного... Что вы, что вы, трехфазный само собой. Кстати, вы не знаете, когда Уралмаш начнет нам отгружать электроды? Ясно. Благодарю за доброе известие... Значит, вы завтра к нам? Постарайтесь с первым катером. Я машину к причалу подошлю... Все хорошего, до завтра!..

Разговор окончен, но Алексей Александрович не вешает трубку, а переключивает ее рассеянно из руки в руку, вертит, скручивая шнур, и улыбается. Почему улыбается? Да потому, что позвонил человек, приехавший из Свердловска от Михайлова, и словно теплым ветерком обласкало...

Свердловск... Это молодость Щербинина. А молодость у него была светлее детства. Что вспомнить о детстве? Мать умерла от тифа, отец взял другую. Мачеха была, держала впроголодь, не пускала в школу, — словом, была мачехой... Алеша сбежал из дому, жил у родственников, у знакомых. Это было в Казахстане, в станице Аиртау. Чтобы иметь возможность зимой ходить в школу, летом батрачил. Пас лошадей. Верхом навострился ездить так, что не знал в этом соперников. Он и теперь, в сорок пять лет, с легкостью юноши вскакивает на горячего коня, и тот сразу, почувствовав на себе опытного, властного седока, покорно подчиняется ему...

В станицах появились вербовщики со строительства железной дороги. Многие поехали, и Алексей поехал. Дорога называлась Турксибом, ее прокладывали через степь. Алексей копал землю, перетаскивал шпалы... Однажды на станции Аягуз он увидел странного рабочего. Одетый в брезентовую спецовку, он в левой руке держал деревянный щиток, в который было вставлено темное стекло, а в правой — что-то вроде щипцов с зажатой в них толстым куском проволоки, обмазанной мелом. Человек прикрыл лицо щитком и, нагнувшись, коснулся рельса кончиком проволоки. В то же мгновение вспыхнуло такое ослепительное пламя, что у Алексея, стоявшего неподалеку, долго потом прыгали перед глазами желтые, синие, оранжевые кружочки.

То, что произошло, могло показаться чудом, если бы Алексей уже не был немножко знаком с физикой. Он заметил провод, который тянулся от щипцов в руке рабочего к серому металлическому ящику, и подумал, что тут работает электричество. В эту минуту он не подозревал, что через неделю и сам нагнется с щитком над рельсом и сквозь темное стекло увидит не ослепительное пламя, а крошечный нежный цветок с желто-фиолетовыми лепестками, похожий на иван-да-марью. А вот этот человек в брезентовой спецовке — Петр Иванович Малахов — будет его первым учителем по электросварочному делу.

Петр Иванович не умел объяснять, но показывал так, что не требовалось объяснений. Вообще он становился разговорчивым только по субботам, и то во второй половине дня, когда пропускал по случаю наступающего воскресенья «пару стакашков». Начиная рассказывать про молодость, про города, в которых бывал, про свою неудачливую холостяцкую жизнь и вдруг запевал про ухаря-купца, который ехал на

ярмарку... Пел, аккомпанируя себе на балалайке, одной из многочисленных им самим сделанных балалаек, висевших у него над койкой. Малахов мастерил их по воскресеньям, но не продавал и сердился, если кто приценивался. Он и Алексея обучал этому ремеслу, приговаривая, что вот-де «выгонят тебя, Алешка, из сварщиков, пойдешь по балалаечному делу». Но тут же добавлял: «Не выгонят! Рукастый ты у меня... На всю жизнь сварщик». И не ошибся...

С Турксиба Алексей Щербинин поехал в Свердловск, на строительство Уралмаша. Там создавался как раз цех металлоконструкций для нужд стройки. Начальником его назначили инженера Григория Петровича Михайлова. Он очень обрадовался Щербинину, узнав, что тот сварщик. Тогда это была довольно редкая профессия. Электросварке еще не доверяли, клепка не сдавала пока своих позиций, но Михайлов решил дать ей бой и собрал вокруг себя людей.

Первой металлической конструкцией, сваренной Щербининым на Уралмаше, была прожекторная мачта. Все дни, пока он варил, вокруг толпились народ. Михайлов, находившийся тут неотлучно, не устал повторять: «Товарищи, осторожней... Товарищи, не подходите близко... Нельзя смотреть на электрическую дугу... это вредно для зрения...» Мачта была длинная — двадцатиметровая — и тонкая. Казалось, что когда ее поднимут, она рассыплется. И Алексей этого боялся, и Григорий Петрович не очень, кажется, был уверен в ее прочности, хотя и не показывал виду. Но вот мачту подняли, укрепили, зажгли на ней прожектор. Она простояла сутки, другие и поныне стоит.

У Щербинина появились первые ученики: Аркаша Урбанский, Алеша Кириллов, Федя Анисеев, — как и он, комсомольцы. В цехе было много комсомольцев. Жили в бараке дружной комсомольской семьей. Все жизненные вопросы решали сообща. Финансами этой большой семьи ведала табельщица Маша Бычкова. Она была неподкупным, безжалостным казначеем. У нее и рубля, бывало, не выпросишь на пустяки и вообще держала себя строго. Правда, злые языки пустили как-то слух, что ее, Машу, видели будто бы с Федором Анисеевым в городском театре, куда они отправились тайком. Повели расследование. Маша и Федор клялись, что это неправда, что их оклеветали, и слух вроде бы не подтвердился.

Щербинин вспоминает те дни со светлым чувством, — ну хотя бы потому, что он как раз тогда и получил высшее образование. На строительстве открылся филиал индустриального института, и на комсомольском собрании решено было всем идти учиться: кто подговорен — прямо в институт, а кто слабоват в знаниях — на рабфак... Занимались по вечерам. Часть преподавателей приглашали из города, а часть была из заводских инженеров. В их числе и начальник цеха металлоконструкций Григорий Петрович Михайлов. Он читал курс сварочного производства.

После Свердловска, после института, был подмосковный Дмитров, где Щербинин работал на строительстве канала Москва — Волга, были Углич и Щербаков, где он монтировал арматуру для гидростанций, был снова Урал — на этот раз Нижний Тагил, где он

сооружал остовы доменных и мартеновских печей, была, наконец, Цимла... Легко перечислить географические наименования, но ведь это годы!

Когда Щербинин приехал на Цимлянский гидроузел, здесь был маленький арматурный участок, о котором мало кто заботился и который сразу стал притчей во языцех, как только началось бетонирование. Конечно, он не мог справиться с нахлынувшей на него работой. Это частая ошибка строителей: думая о бетоне, забывая о «посуде», об арматуре, без которой бетон не может превратиться в железобетон... Но корить прежнее руководство поздно. Нужны были какие-то решения. И Щербинин потребовал, чтобы участок, подчинявшийся заводу, преобразовали в самостоятельный район арматурно-сварочных работ, оснащенный всей необходимой механизацией. После того, как это сделали, Щербинин начал укрупнять конструкции, подавая на строительную площадку не отдельные фермы или пакеты, а целые блоки... Эта новинка вызвала на первых порах протесты проектировщиков, которые должны были теперь производить перерасчеты, готовить новые чертежи. Но, убедившись, насколько щербининский метод ускоряет темпы монтажа арматуры, а значит, и укладки бетона, проектировщики охотно приняли на себя дополнительный труд.

Тем временем Алексей Александрович приглядывался к людям. Сдавая ему дела, старый начальник жаловался, что нет хороших сварщиков. А Щербинин «нашел» Машу Болдыреву и Зою Полякову, тихих, неприметных девочек, которые давно уже, оказывается, просят, чтобы им дали кабели большего сечения, и тогда они смогут работать на повышенных режимах. Он «нашел» Алексея Улесова, который варил так, что Щербинин, перевидавший всякую сварочную работу, не мог не залюбоваться: дуга у Улесова предельно короткая, а ведет он электрод быстро-быстро, и шов ложится прямой, ровный, без бугорков. Сварщик высокого класса! Поэтому ему и поручил Щербинин варить каркас, на котором предстояло монтировать акротерий для башни рыбоподъемника.

С этой башней была морока. Бетонщики долго возились с ней, задерживая сдачу всего сооружения. Приближалось открытие канала, приближался пуск гидростанции. Башня же не была готова. А еще требовалось на ее вершине укрепить тяжелый, весом в девять тонн, орнамент из чеканной меди, этот самый акротерий. Щербинин предложил: не дожидаясь бетонщиков, поставить стальной каркас, на верху его устроить монтажную площадку и на ней собрать акротерий. Мысль была такая: пока бетонщики подберутся к вершине, орнамент будет смонтирован, и его останется лишь укрепить. Но каким же высоким должен быть каркас! Почти пятьдесят метров!.. Если делать его пошире, чтобы не был таким шатким, уйдет слишком много времени. Ничего, просто покрепче сварим...

Варил Улесов. Каркас напоминал ту прожекторную мачту, которую делал на Уралмаше Щербинин, но длиннее той мачты в два с половиной раза. И как когда-то Михайлов неотлучно находился около работавшего Щербинина,

так и Щербинин не отходил сейчас от Улесова. Все зависело от того, как он сварит.

Вот каркас готов, его поставили. Ну и высоченный же! А какой узкий! Кто полезет по такой шаткой мачте, которую, кажется, руками можно свалить?.. Кто? Несколько человек шагнуло вперед. Но Щербинин остановил их и занес ногу на первую «ступеньку»... Чем выше он поднимался, тем сильнее ощущал, как раскачивается каркас. Высоты Щербинин никогда не боялся, но тут неволью зажмурился: на эту высоту мачты надо было держаться и держаться — столь стремительным было раскачивание. Щербинин начал было оглядывать панораму стройки и в это время почувствовал за спиной чье-то дыхание. На площадку поднимался Улесов, за ним еще два сварщика.

Монтаж акротерия на шаткой мачте длился неделю. К этому времени бетонщики закончили сооружение башни.

В те дни, когда был открыт канал, пущена гидростанция и газеты печатали списки награжденных строителей, Щербинин получил десятки поздравительных телеграмм, писем. Пришла толстая бандероль из Свердловска. Разрезав ее, вынул книгу: «Технология сварки трехфазной дугой». На титульном листе узким, колючим почерком: «Герою Социалистического Труда А. А. Щербинину для отзыва — от автора». А автор — Г. П. Михайлов, профессор, доктор технических наук, заведующий кафедрой Уральского политехнического института.

И вот Щербинин в Жигулях, на строительстве Куйбышевской гидростанции. Как и на Цимле, он начальник района арматурно-сварочных работ. Хозяйство огромное — на обоих берегах Волги. Контора района на правом берегу, там, где будет сооружаться здание ГЭС. Когда на любой стройке появляются арматурщики и бетонщики, это значит, что строительство вступило в пору своей зрелости... На левом берегу уже бетонируют шлюз. Здесь, на правом, бетон «течет» пока узенькой «струйкой», а скоро пойдет широким потоком. Арматурщики должны быть готовы. Арматурщики уже в наступлении.

У начальника района немало забот. И самая, пожалуй, главная сейчас: не пропустить какую-нибудь полезную новинку в технике, чтобы использовать ее для дела. Вот прочитал о новом, ванном, способе сварки, предложенном московскими инженерами Быковым и Фишбергом. При этом способе экономятся тысячи тонн металла.

Напишем москвичам, пусть приедут, помогут внедрить. А осваивать будет Алеша Улесов. Переведем его для этого с левого берега на правый. Кстати, дошел слух, что он там попить начал чаще, чем прежде. И дома нелады. Отчего бы это? От славы, что ли? Наградили человека Золотой Звездой... Эх, слава, слава, чего ты только не делаешь с людьми! Вот были два экскаваторщика, два друга — Л. и К. Родились и выросли в одной деревне, на одной улице, отцы вместе в гражданскую воевали, вместе колхоз строили. Ребята в одном классе учились, на одной парте сидели, и в ремесленном не расставались, и на Урале на одном экскаваторе работали. Приехали сюда на стройку, тоже

на одну машину попросились. Ну, неплохо себя показали, и тут началось: статьи, очерки в газетах про их дружбу. И речи на собраниях и выступления по радио — все про эту дружбу. Ставят их в пример, расхваливают почему-то. А они возьми, да и рассорься внезапно. Это для невнимательных людей было внезапно. Кое-кто давно уже замечал, что между друзьями пробежала черная кошка. Это началось, когда одного из них сделали бригадиром и стали чуть больше писать про него. А второму завидно. Чем он хуже? Стал «подсигивать» бригадира. А бригадир тоже начал досаждать, стараясь побольнее уязвить самолюбие. Так и кончилась их дружба, которая, видимо, никогда не была настоящей.

Вот что делает слава со слабыми головами. Нет, мы Алешу не отдадим. Мы за него повоюем. Переведем его сюда, на правый берег, пусть будет поближе. Человек он, легко поддающийся влиянию — и хорошему и плохому. Мы плохое отрубим. Новинку он любит, ванным способом увлечется, сам освоит и других научит.

...Минувшей весной Алексей Александрович ездил в Свердловск. Нужно было проконсультироваться у профессора Михайлова по поводу сварки трехфазной дугой и договориться на Уралмаше об изготовлении специальных электродов для этой сварки.

Сразу с вокзала — к Григорию Петровичу. А он болен. Жена жалует: «Приобрел «Победу»... Сам управляет. А ему нельзя, у него сердце...» Из кабинета раздается знакомый грудной бас: «Алексей, проходи, родной...» Лежит на диване, весь заваленный книгами, называется — болеет... Расцеловались. Вспомнили старое. Поговорили о деле. «Летом к тебе приедет мой ассистент Хованец со студентами. На практику. Ты их там как следует поэксплуатируй...

А в августе, может, и я нагряну...»

От Михайлова — на завод. Было уже темно. Но вся заводская громадина освещена. Десятки прожекторов протянули с высоких мачт голубые дымчатые лучи. «Какая моя? — подумал Щербинин. — Наверно, вон та, с самым ярким прожектором...»

На заводе везде друзья, во всех отделах, в цехах. Побывал в сварочной лаборатории — там главным Алексей Алексеевич Кириллов, бывший комсомолец. Заглянул в сборочный — там на участке сварки распоряжается Аркаша Урбанский, тоже бывший комсомолец... На заводе задержался допоздна, обо всем договорился: будут делать электроды, начнут летом отгружать.

По дороге к брату, живущему в поселке Уралмаша, зашел в «Гастроном» и в очереди к кассе встретил Машу Бычкову, то бишь Марию Петровну Аникееву, жену видного инженера-механика, мать трех сыновей, старший из которых десятилетку кончает. Стоит Щербинин рядом с пожилой дородной женщиной, а видит перед собой тоненькую Машу Бычкову, беспощадного казначея...

— Маша, — говорит он. — Ну, теперь ты можешь признаться, ходили вы тогда с Федором в театр?

И Марья Петровна лукаво, задиристо, по-машинному, смотрит на него и отвечает:

— Дело прошлое — ходили...

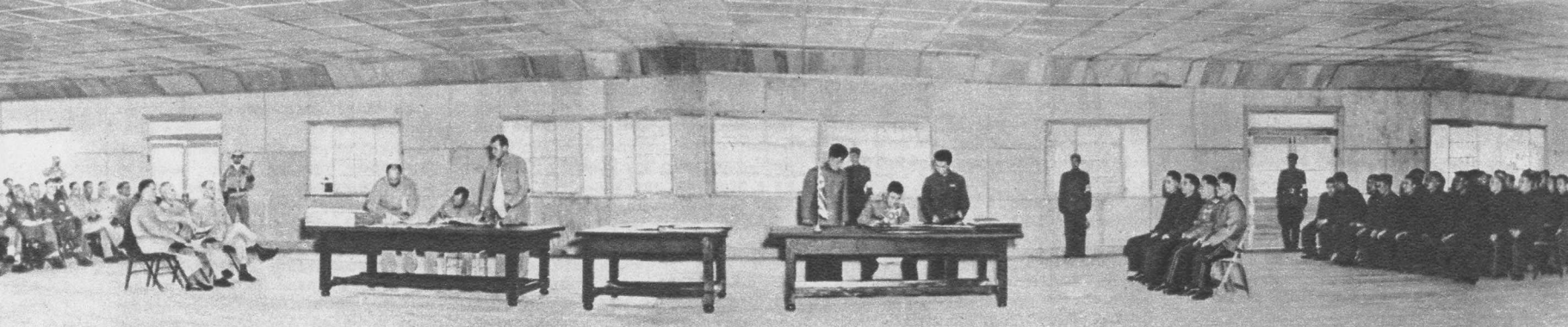
В Свердловске Щербинин пробыл неделю. Славная была поездка!

...Вот как взволновал его этот звонок человека, приехавшего из Свердловска, сколько воспоминаний разбудил! Не так уж скверно началось это утро. Алексей Александрович смотрит на часы: половина девятого. Нужно сходить в мастерскую. Сейчас там начнется испытание новой сварочной машины, полученной из Ленинграда.

Алексей Александрович Щербинин с семьей.

Фото А. Гостева.

Подписание соглашения о перемирии в Корее.

КАК СЕГОДНЯ ЖИВЕТ ПХЕНЬЯН

Редакция журнала «Огонек» обратилась к председателю Пхеньянского городского народного комитета Чен Ен Пхо с просьбой ответить на несколько вопросов. Ниже публикуем эти вопросы и ответы тов. Чен Ен Пхо.

Вопрос. Как встретили жители Пхеньяна известие о подписании перемирия?

Ответ. В час подписания перемирия на улицах и площадях Пхеньяна у громкоговорителей собрались десятки тысяч людей. Все слушали известие о перемирии с огромной радостью и гордостью за свой народ, за нашу героическую армию и доблестных сынов великого Китая — народных китайских добровольцев.

Весь день двадцать седьмого и в ночь на двадцать восьмое июля в городе царило необычайное

оживление: мы украшали разрушенные улицы, готовились к демонстрации. На следующий день небо Пхеньяна осветили праздничные огни салюта в честь победы. Народное гуляние продолжалось до четырех часов утра. Жители снова не спали в эту ночь, но теперь уже не было слышно тревожных звуков сирены. Не мешает напомнить, что в городе за три года войны свыше тринадцати тысяч раз объявлялась воздушная тревога.

Вопрос. Что делается, что намечено сделать для восстановления

города, его общественных зданий, школ, институтов, жилых домов?

Ответ. Пхеньян превращен в руины. За время войны наш город подвергся 1 431 налету американской авиации. А вот еще две цифры: из 73 500 домов, имевшихся в городе до войны, свыше 63 500 разрушено полностью, а остальные — частично.

Поэтому тотчас после победы правительство утвердило план восстановления и реконструкции города, разрушенного американскими интервентами. Мы построим новый Пхеньян, и он будет прекраснее довоенного!

Через 10—15 лет население Пхеньяна достигнет миллиона человек. Мы построим тысячи новых благоустроенных жилых домов, восстановим дорогие народу памятники старины.

Вопрос. Чем в эти дни занят городской народный комитет?

Ответ. В город возвращаются многие учреждения, эвакуированные в дни войны. Для этого мы срочно ремонтируем пригодные к использованию здания, а также строим временные дома.

С двадцать девятого июля по городу начали ходить пассажирские автобусы. Повсюду строятся ларьки и палатки. Развертыванию сети розничной торговли способствует проведенное накануне перемирия снижение цен.

Работники народного комитета руководят расчисткой и подготовкой к застройке улиц Пхеньяна.

Одновременно занимаемся переселением больниц, поликлиник и детских садов из убежищ в наземные помещения. Для этого срочно ремонтируем и строим десятки домов в различных районах города. Надо сказать, что правительство значительно снизило цены на стройматериалы.

Из других восстановительных работ следует упомянуть постройку нового моста через реку Тэдонган и ремонт разрушенного моста, — таким образом будут связаны обе части города, разделенные рекой.

В ближайшее время в Пхеньян вернутся табачная и текстильная фабрики, эвакуированные ранее за черту города. Намечается строительство и восстановление других предприятий легкой и пищевой промышленности. Для этого будет построено несколько кирпичных заводов с производительностью до трехсот миллионов штук кирпича в год.

На горе Моранбон началось строительство здания Пхеньянского государственного театра. Он

будет в два раза больше, чем довоенный театр Пхеньяна.

Вопрос. Просим вас рассказать о трудовых успехах рабочих Пхеньяна.

Ответ. Огромную работу проделали электрики: в течение полутора суток после подписания перемирия они восстановили электросеть, и город ныне полностью освещен. А ведь в Пхеньяне не было ни одного неповрежденного столба для проводов!

С огромным энтузиазмом трудятся железнодорожники Пхеньянского узла; они готовят станции и вокзалы города к нормальному железнодорожному сообщению.

Весь Пхеньян охвачен трудовым энтузиазмом. Люди работают по многу часов подряд, отказываясь от отдыха.

Вопрос. Какие перемены произошли за последние дни в жизни детей Пхеньяна?

Ответ. В школах КНДР сейчас каникулы. Поэтому сразу же после подписания перемирия были созданы десятки пионерских лагерей, куда сейчас направляются школьники города, вышедшие из подземных убежищ. При школах Пхеньяна организуются физкультурные площадки и комнаты отдыха.

Осталось мало времени, чтобы подготовить здания всех школ города к учебному году. Но мы должны это сделать и, значит, сделаем!

Вопрос. Что бы вы хотели передать через наш журнал советским людям?

Ответ. Я пользуюсь случаем передать всем советским людям величайшую благодарность и признательность жителей города Пхеньяна.

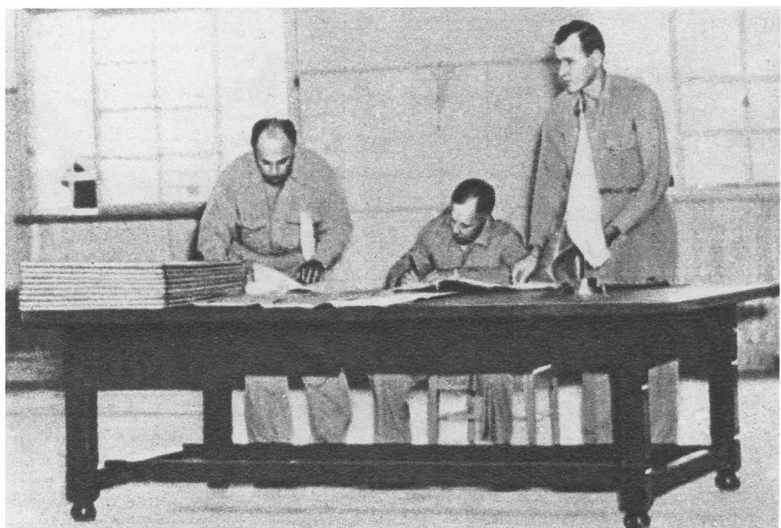
Восемь лет назад Советская Армия освободила нас от колониального рабства. В ходе трехлетней кровопролитной войны за свободу и независимость нашей родины наш народ постоянно ощущал огромную поддержку, которую оказывали нам народы Советского Союза.

Трудно выразить ту радость и восторг, с какими встретил весь корейский народ телеграммы Председателя Совета Министров СССР товарища Г. М. Маленкова и Министра Иностранных Дел Советского Союза товарища В. М. Молотова.

Эти телеграммы вселили в сердца всех корейцев и, в частности, жителей Пхеньяна, новые силы и уверенность в успешном восстановлении и строительстве нашей родины.

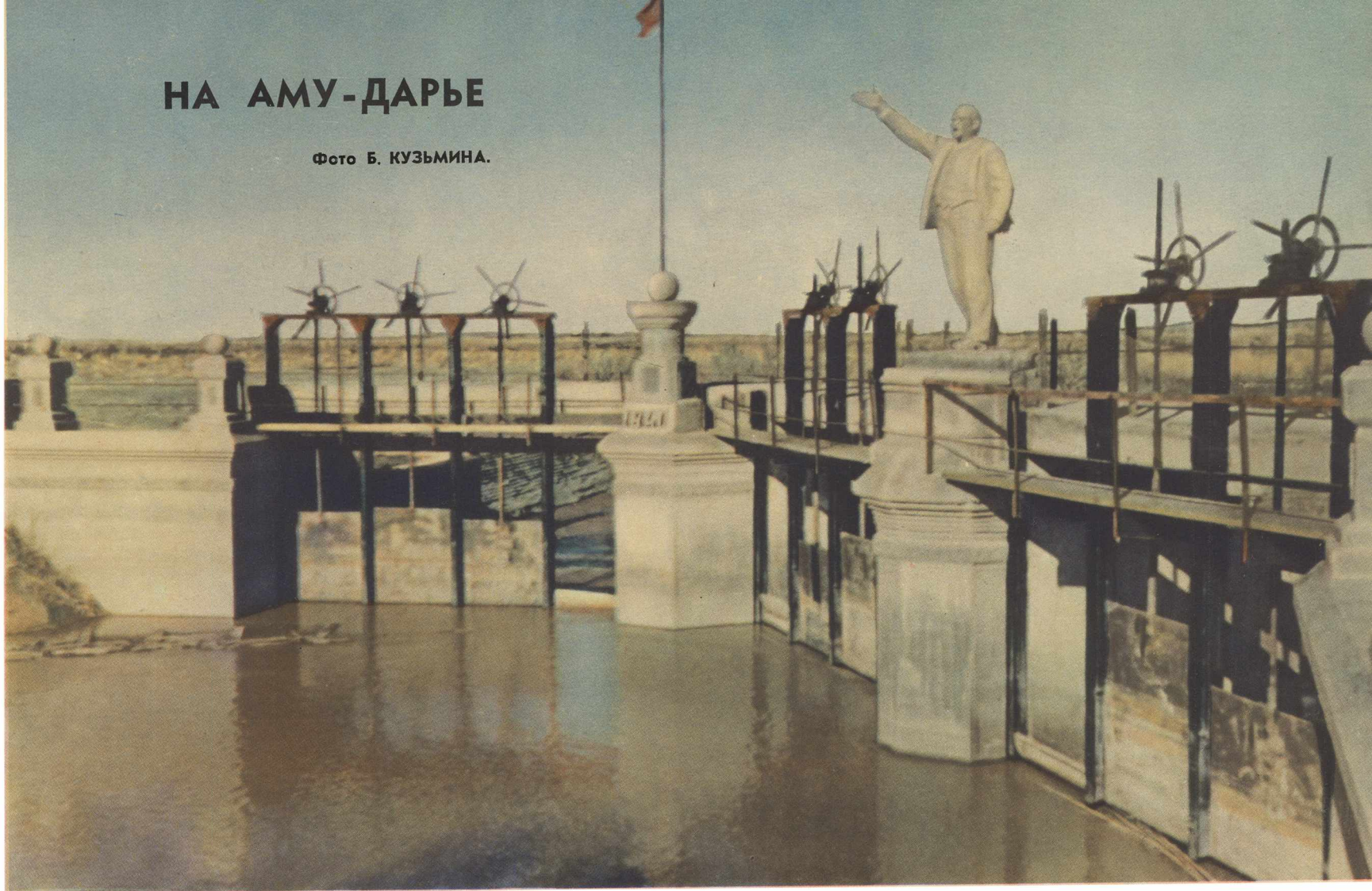

Вверху: глава корейско-китайской делегации генерал Нам Ир подписывает соглашение о перемирии. Внизу: соглашение подписывают американцы.

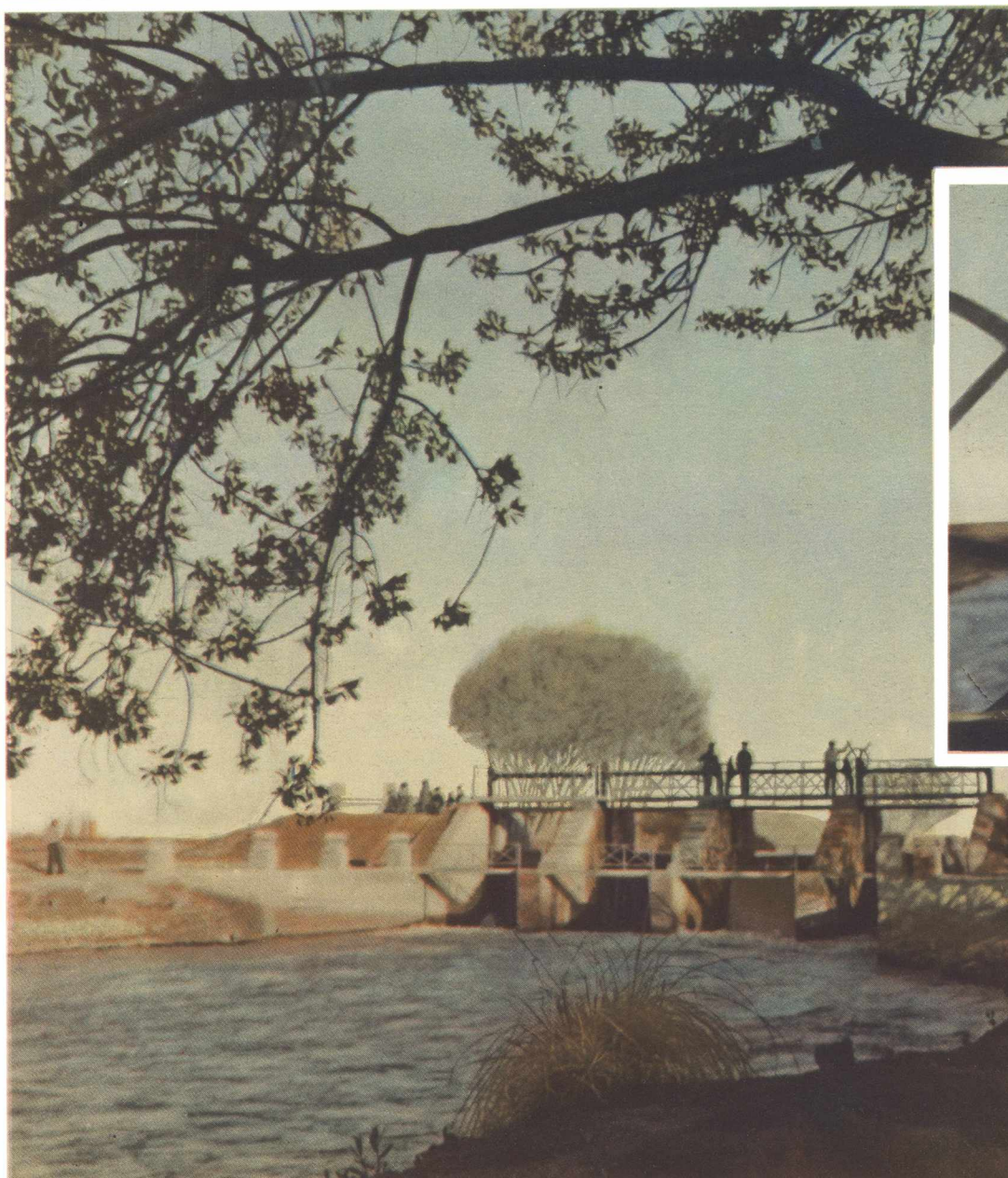

НА АМУ-ДАРЬЕ

Фото Б. КУЗЬМИНА.

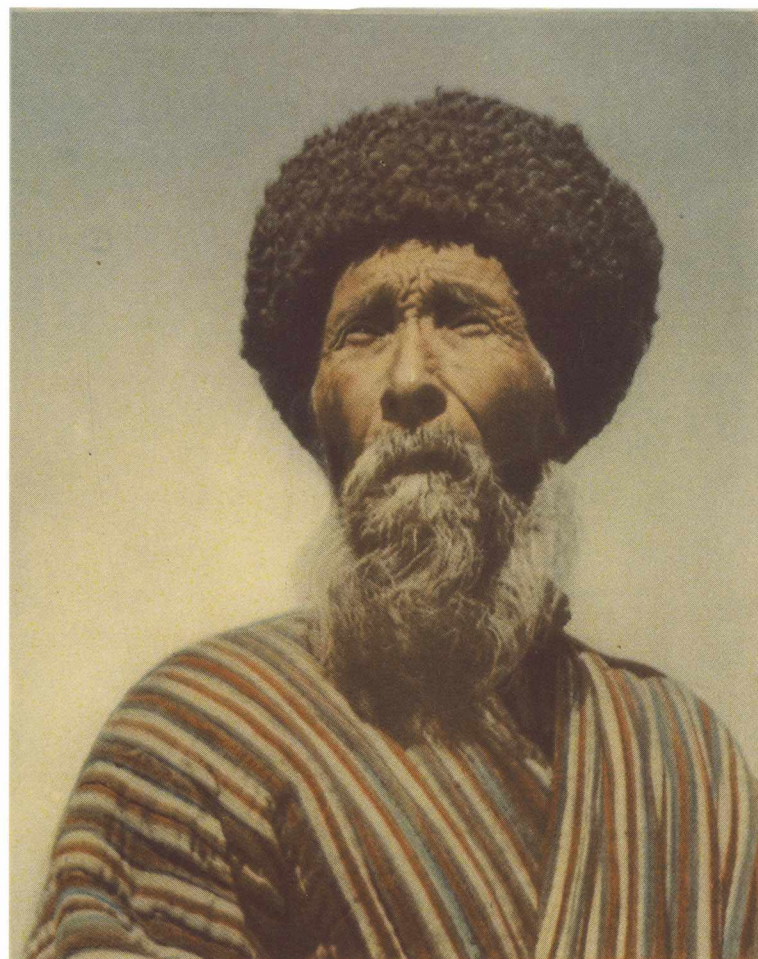
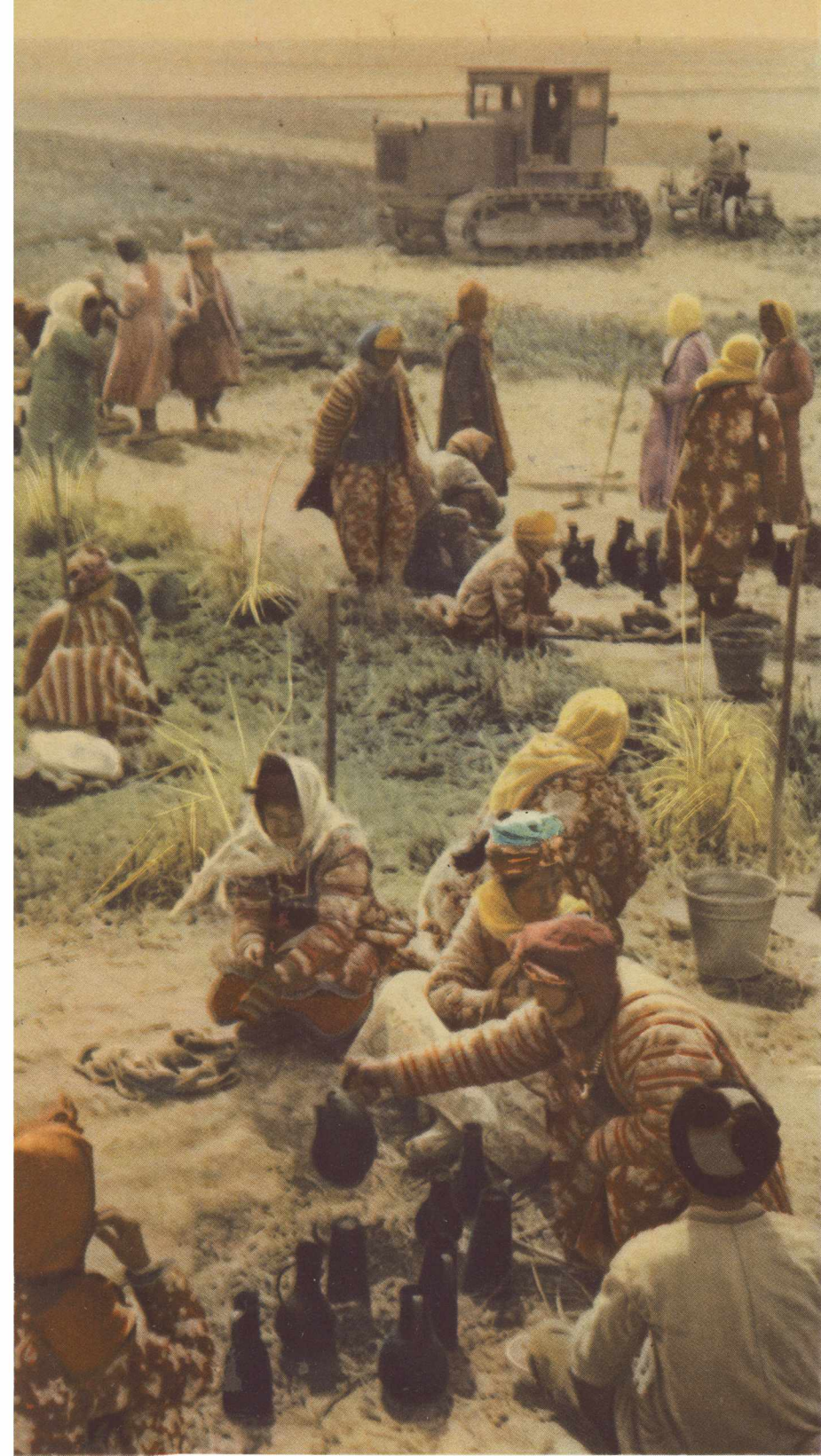

Меняется лик приамударьинской земли. Там, где на поля дехкан струили скупое и лениво воду многочисленные старинные арыки, действовавшие только в период подъема воды на Аму-Дарье, сейчас сооружены совершенные каналы, в избытке снабжающие колхозные поля влагой.

На верхнем снимке: Одно из распределительных сооружений на канале Куль-арык в Чарджоуской области. На 75 километров протянулся канал. Он несет воду Аму-Дарьи до самого края кара-кумских песков и питает влагой 22 тысячи гектаров пахотной колхозной земли.

Внизу: Головное сооружение на канале Куль-арык. Из управления районного водного хозяйства позвонили и попросили прибавить воды. Старший вахтер Чары Новрузов повернул штурвал, и новая порция воды для хлопковых полей понеслась по каналу.

Туркмен Шихим Джумаев, житель одного из селений на старом Куль-арыке. Старик хорошо помнит времена, когда всей этой землей управляли баи, а он был вынужден батрачить, бросив свое поле: Шихим не имел для полива своего пая воды.

Поле колхоза имени Жданова в Чарджоуской области. До полевого стана сегодня далеко, и в перерыв колхозники устроили чаепитие прямо на поле.

Полевой стан колхоза имени Сталина в Хивинском районе, Хорезмской области.

РАДОСТНЫЕ ДНИ

В Борисово мы приехали незадолго до начала колхозного собрания. Председатель артели имени Ленина Митрофан Захарович Захаров, высокий, плотный мужчина лет пятидесяти, готовился к докладу.

— Вам все расскажет Аня, наш агроном. Я за ней пошлю.

Вскоре на крыльце правления показалась девушка с тонкими белыми косичками. Было трудно предположить, что это колхозный агроном Анна Михайловна Асташкина, о которой еще до приезда в Борисово мы слышали как о взыскательном специалисте. Уж слишком у нее юный вид...

Поднявшись на зеленый холм, Аня показывает нам пойму, где в нынешнем году особенно хорошо уродились огурцы. Отсюда видны мачты высоковольтной линии, трубы московских заводов, асфальтированное шоссе. Колхоз имени Ленина, Ленинского района, Московской области, снабжает столицу овощами. Вот и сейчас на краю улицы появились одна за другой несколько грузовых автомашин.

— За огурцами из Москвы, — говорит Аня, а затем, повернувшись к пойме, добавляет: — Вот на этих пойменных землях работает овощная бригада Зои Капустинной. Если хотите, зайдите к ней, она сейчас дома.

По тихой зеленой улице направляемся мы к Капустинной. На многих крышах торчат мачты телевизоров. Открыв калитку, попадаем на узкую садовую дорожку, которая приводит нас к порогу квартиры бригадира.

Навстречу выходит молодая женщина. Поправляя сползающий с головы платок, она приглашает нас в дом.

Просторная, не очень светлая, потому что к самым окнам подступают деревья фруктового сада, комната. Тут чисто, уютно, но хозяйка то и дело поглаживает скатерть, переставляет стулья, возится у радиоприемника. Чувствуется, что она чем-то взволнована.

— Что там про огурцы говорить, — обращается она к Ане, которая, как видно, уже успела ей передать о грузовиках, попавшихся нам на дороге, — огурцов у нас в нынешнем году много и будет еще больше, но разве в одних огурцах дело? Дни у нас такие радостные стоят, впечатлений столько, что, право, не знаешь, с чего и начать.

Обе подруги, как и другие колхозники, с которыми повстречались мы в Подмосковье, поглощены делами, обсуждавшимися на сессии Верховного Совета СССР. Слова товарища Маленкова о том, что «нам надо преодолеть отста-

вание в производстве картофеля и овощей...», воспринимаются подругами в свой адрес. Их артель уже многие годы снабжает столицу этими продуктами.

— Недавно мы получили новые машины, — говорит Зоя, — и это позволило нам сократить бригаду ровно наполовину. Возьмите капусту. Для посадки и обработки ее раньше требовалось более пятидесяти человек, а теперь два тракториста, двенадцать сажальщиков и несколько ездовых прекрасно справляются со всей работой. Сейчас у нас в колхозе решили вдвое увеличить сад, создается большое парниковое хозяйство. Укрепляются животноводческие фермы, — туда и направили людей из моей бригады. Вот вам пример того, как облегчается труд колхозников и как растет производительность.

С кем бы вы в эти дни в Борисове ни заговорили, вам обязательно приведут десятки примеров, иллюстрирующих слова товарища Маленкова о дальнейшем улучшении материального благосостояния народа, о повышении материальной заинтересованности колхозов и колхозников в увеличении производства картофеля, овощей и развитии животноводства.

Каждому хочется еще больше, еще лучше работать. Вновь и вновь колхозники прикидывают, что можно сделать для поднятия артельного хозяйства.

Много и горячо говорят о сочетании личных интересов колхозной семьи с общественными.

Утром мы были в районном финансовом отделе, и фининспекторы рассказали нам, какую выгоду принесут колхозникам изменения в сельскохозяйственном налоге. Называли несколько фамилий борисовских людей, а сейчас мы вновь о них слышим, с ними разговариваем.

— Сегодня, когда мы работали в поле, — говорит Капустина, — женщины попросили меня еще раз объяснить им новый закон. Колхоз наш экономически сильнее, чем в районах с запущенным хозяйством. На трудодень мы получаем по двадцать килограммов овощей и не менее пяти рублей деньгами. Но, конечно же, закон принес много радости и нам. Я уж не говорю о том, что выгода для всех огромная. Хочется сказать о другом. У нас в Борисове много садов. Люди любят повозиться с деревьями. Но вот при старом порядке обложения налогом это было не так-то просто. Порой даже самые задалые садоводы остывали к любимому делу, стали заниматься другими культурами. Множество недора-

Зоя Капустина знакомит свою бригаду с материалами сессии Верховного Совета СССР.

Фото С. Фридлянда.

зумений и споров возникало с фининспекторами. Всему этому теперь пришел конец. Важно и то, что в законе выражена забота о стариках, инвалидах, сельских специалистах, учтены особенности каждой местности.

Стали мы подсчитывать, какую выгоду принесет каждой семье новый закон. Только и слышно: «Вот когда сады разведем!», «Вот когда варенье варить будем!» У каждого свои планы, свои соображения. Кто собирается приобрести корову, кто поросят или овец.

Меня как бригадира закон интересует еще и по другой причине: он поможет улучшить организацию труда, повысит дисциплину. Теперь многое будет зависеть от бригадира. Если человек слишком увлечется личными делами, его всегда можно будет остановить. Не выработал минимума трудодней, плати налог со своего личного хозяйства на 50 процентов больше.

Замечателен закон и тем, что уже сейчас многие из тех, которые собирались уехать в город, решили остаться дома. Ближе стало колхозное производство и таким специалистам, как шоферы, механики. В артели много техники, и для каждого найдется работа на селе.

...Скоро собрание, и подруги заторопились.

Напротив дома правления колхоза расположились на траве члены артели. Кто-то шутит по поводу того, что, может быть, это последнее собрание под открытым небом, так как в Борисове строится большой клуб. Докладчик Митрофан Захарович Захаров,

кстати, и о нем упоминает. Скоро в колхозе начнется строительство большого овощного комбината.

Парники и теплицы будут обогреваться электричеством. Это улучшит снабжение Москвы ранними овощами. Докладчик говорит о развитии колхозного животноводства, о выращивании фруктов, о пчеловодстве. К будущему году доход артели должен увеличиться на два миллиона рублей.

Колхоз здесь богатый. Но вот слово представляется ревизионной комиссии. В кладовой не хватило шести с половиной килограммов мяса, сотни яиц, обнаружен излишек семян огурцов. Все эти, казалось бы, мелкие неполадки вызывают возмущение колхозников. Бранят кладовщиков не только за недостающие продукты, но и за излишек семян.

— Раз оказался излишек, — говорит один из ораторов, — значит, не все с учетом гладко. Да притом речь-то идет о семенах. Видать, чего-то земле недодали.

Выступили на собрании и знакомые нам подружки. Они говорили о состоянии своих полей. Особенно требовательной была Асташкина.

— Уборка в полном разгаре, — сказала она. — Партия и правительство проявляют о нас огромную заботу, и мы должны ответить на это одним — дружно трудиться.

Собрание кончается. На зеленой сельской улице вновь появляются машины. Они доверху нагружены свежими овощами для Москвы.

З. ХИРЕН

На празднике мира и дружбы

Б. БУРКОВ,

специальный корреспондент «Огонька»

Фото Дм. Бальтерманца и Аджерпресс.

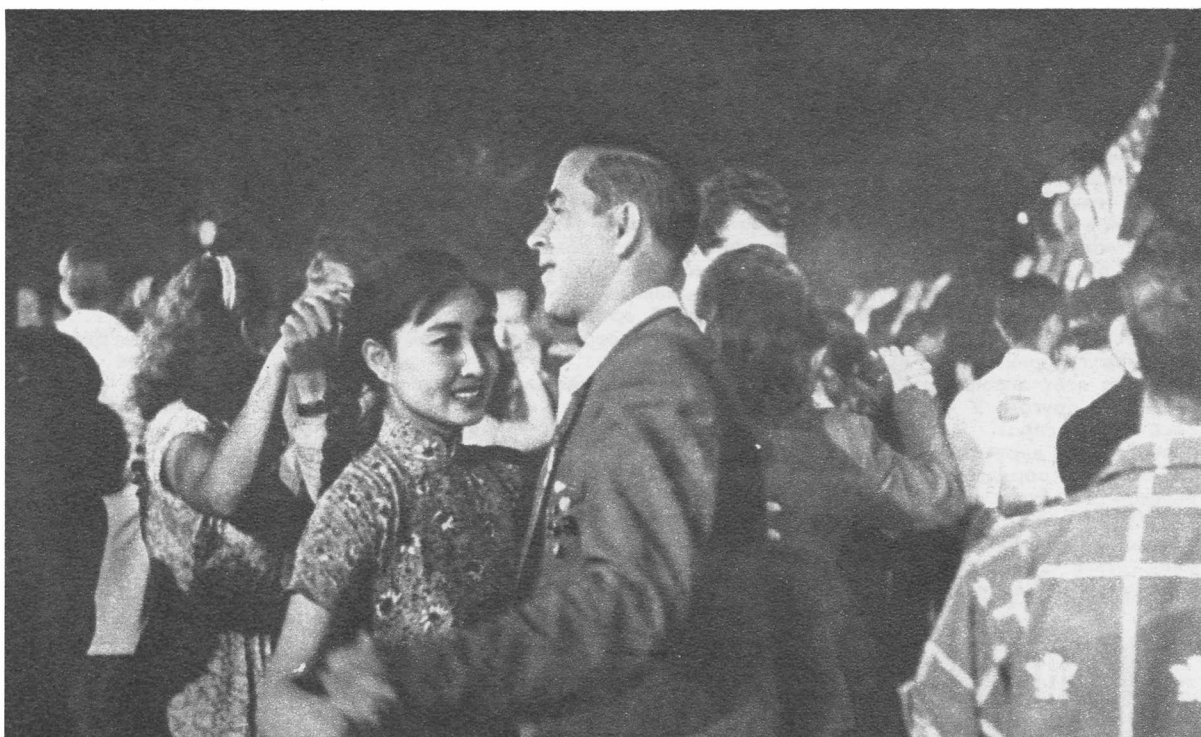

Одна многоязычная семья... Катанье на лодках в парке Бухареста.

Члены советской делегации встречают дорогих гостей — представителей молодежи народного Китая.

На встрече молодежи пяти держав: СССР, США, Англии, Китая и Франции.

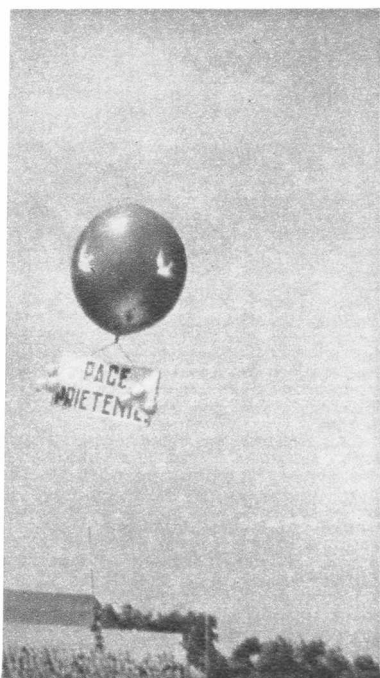
Почти 30 тысяч участников Четвертого Всемирного фестиваля молодежи и студентов! Это радостный итог большой и напряженной работы молодых борцов за мир. Для того, чтобы посланцы свыше ста стран могли собраться вместе, от многих из них потребовались настоящие упорство, а нередко и подлинный героизм.

Отрадно отметить, что Всемирные фестивали молодежи, ставшие уже традицией, с каждым годом приобретают все более широкий характер. Наемная печать капиталистических стран и сейчас кричит о «коммунистическом фестивале», хотя еще с первого, пражского фестиваля было ясно, что это праздник всей молодежи мира, независимо от цвета кожи, вероисповедания, политических убеждений. В самом деле, о каком же коммунистическом направлении нынешнего фестиваля можно говорить, если, например, в таких делегациях, как французская, итальянская, финская, да и во многих других мы видим юношей и девушек, поддерживающих и радикалов, и социалистов, и социал-демократов, и католиков. В делегации входят самые различные культурные и спортивные организации. Известно, что не одни комсомольцы Дании, а широкий слет датской молодежи помог приезду в Бухарест представителей Золотого Берега. Молодые шведы помогли делегатам Судана, французы — юношам и девушкам колоний Франции.

Отклики, который получила международная молодежная эстафета накануне фестиваля, наглядно иллюстрирует растущее сплочение демократической молодежи мира. В Англии, Финляндии, Бельгии, Албании, Италии и других странах, где проходила эта эстафета, широкие массы населения горячо

Дарят автографы, меняются значками...

Воздушный шар со словами, которые повторяет весь фестиваль: «Мир и дружба».

приветствовали благородное стремление молодежи к единству, воплощением которого служит яркий международный праздник в Бухаресте.

Да, это чудесный праздник красоты, молодости и радости! И он наглядно убеждает, что, объединившись, простые люди способны осуществить свои надежды на мир и братство между народами.

Представители молодежи 106 стран спокойно, в обстановке дружбы и доверия, встречаются на собраниях и митингах, обсуждают любительские волнующие их вопросы. Ежедневно в театрах и клубах, в парках и на площадях, в школах и библиотеках проходят десятки встреч. Молодые французы принимают молодежь Вьетнама, Южной Африки, Кореи, Бразилии... Представители Китайской Народной Республики находят общий язык с юношами и девушками Англии, Франции, США, Италии... Посланцев героической Кореи тепло приветствуют на дружеских встречах делегаты Финляндии, Венгрии, Албании, Австралии, Чили.

Советская делегация в первые же дни фестиваля встретилась с делегатами Китая, Кореи, Франции, США, Польши, Англии, Дании, Норвегии, Швеции, Финляндии...

Делегаты около семидесяти стран побывают в гостях у нашей делегации. Можно с уверенностью сказать, что нет ни одного участника фестиваля, который не стремился бы встретиться с советской молодежью.

...У большого здания на улице Кожбук, где поселилась наша делегация, выстроилась живописная шеренга юношей и девушек в ярких, красочных костюмах, с букетами гвоздики и гладиолусов. Под звуки торжественного марша подходят все новые автобусы китайской делегации. Вверх взлетают сотни аплодирующих рук, букеты цветов. Отовсюду слышатся приветственные возгласы на русском и китайском языках. Русская и китайская девушки, словно родные сестры, обнимают и целуют друг друга. С восхищением глядят друг другу в глаза и обнимаются и юноши. Советский шахтер Стародубцев узнал своего коллегу — горняка из Китая — и заключил его в дружеские объятия...

Зал полон. Взявшись за руки и высоко подняв их, молодежь двух великих народов исполняет Гимн демократической молодежи. Хотя этот гимн сейчас, кажется, ни на минуту не затихает в Бухаресте, здесь, в зале, он снова с какой-то особой силой захватывает каждого. Зал долго не может успокоиться. Звучат слова, ставшие паролем молодых борцов за светлое будущее: «Мир и дружба!»

После коротких речей начинаются выступления советских и китайских певцов, гимнастов, акробатов. Затем хоровые и танцевальные группы показывают свое мастерство. Трудно отличить зрителей от исполнителей: группы молодых артистов то появляются на сцене, то дружно аплодируют другим уже из зрительного зала. Когда советский певец исполнил на китайском языке песню о Мао Цзэ-дуне, можно было подумать, что обрушились стены зала, — таким мощным был шквал аплодисментов. И так же бурно аплодировали советские зрители изумительному мастерству китайских друзей. За праздничным столом шли душевные беседы. Здесь были новаторы производства, студенты, артисты, спортсмены. Так же гостеприимно и радушно китайская делегация принимала нашу молодежь. Передавая тов. Шелепину подарки, руководитель китайской делегации тов. Ху Яо-бан сказал:

— Пусть эта встреча послужит дальнейшему укреплению великой дружбы между нашими народами!

8 августа... У нас в гостях молодые англичане. Советских студентов и спортсменов забрасывают вопросами. Пришло и несколько французозов. Они объясняют, что вчера, на встрече с нашей делегацией, они не успели досыта наговориться, узнать все, что их интересует о Советском Союзе. В зале то и дело возникают овации. «За

Воодушевляющие встречи

Моника Фелтон на документальной выставке фестиваля.

Для юношей и девушек, собравшихся в Бухаресте, этот фестиваль — прекрасный опыт взаимопонимания и солидарности.

Британская делегация на фестивале состоит из 1 300 человек. Это самая большая делегация молодежи, которая когда-либо выезжала из Англии. Дружеские связи, которые молодые англичане установили с молодежью Советского Союза, Китая, стран народной демократии и других стран, несомненно, послужат развитию движения за мир в ближайшем будущем.

Меня лично глубоко воодушевили встречи с молодежью стольких стран. Каждый был полон одним желанием: сохранить мир и укрепить дружбу между народами!

Monica Feltton

Моника ФЕЛТОН

дружбу с советским народом!» — звонким голосом провозглашает английская девушка. Кого-то качают. Снова и снова гремит Гимн демократической молодежи.

Когда советские студенты исполняли английскую песню и мощно зазвучал бас нашего молодого

певца, лица молодых англичан просветлели, глаза их излучали радость, теплую благодарность.

О таких же чувствах дружбы, доверия, солидарности говорили встречи советской молодежи с молодежью Америки, Франции, Финляндии, Швеции...

День девушек на фестивале. В дружеской шеренге...

Рассматривают макет нового здания МГУ.

Выступление сводного хора советской молодежи на фестивале.

Танцуют австрийские юноши и девушки.

...Среди огромных плакучих ив, белых акаций, каштанов, листья которых сверкает в лучах прожекторов,— живописные группы молодежи. В вышине полощутся пять государственных флагов: СССР, Китая, США, Англии и Франции. Это встреча молодежи пяти великих держав. Здесь господствует одна общая мысль: Пакт между великими державами давно мог бы гарантировать прочный и длительный мир! Хор парижской молодежи сменяет ансамбль молодых англичан, русскую песню — китайская. Выступают американские студенты. Цветы, смех, радость — и ощущение твердой решимости молодежи отвоевать мир для всей земли.

...Парк имени Сталина. Столы накрыты для тысячи с лишним человек. Исполком Всемирной федерации демократической молодежи принимает сегодня представителей делегаций. Бруно Бернини говорит об успехах федерации. Теперь в ее рядах 83 миллиона человек из 90 стран. Крепнут связи демократической федерации. Она призывает к объединению всех юношей и девушек земного шара, каких бы политических взглядов они ни придерживались...

...Мы на выставке Всемирной федерации демократической молодежи и Международного союза студентов, открытой в дни фестиваля.

Павильон Китайской Народной Республики. Фотографии, макеты рассказывают о победах великого китайского народа, о той отеческой заботе, которой он окружил свое молодое поколение.

Павильоны Индии, Австралии, Пакистана. Вот документы о тяжелой нужде народов Малайи, Таиланда. Вот свидетельства героизма корейского народа, победой которого гордится сегодня все прогрессивное человечество. Вьетнамцы привезли на выставку фотографии, разоблачающие зверства империалистов, повествующие о борьбе молодых патриотов за независимость своей страны. Итальянский павильон... Павильон Новой Зеландии, Нигерии, Судана. Павильон Турции, Египта. «Восемьдесят процентов всех студентов вынуждены заниматься физическим трудом, если они хотят учиться», — читаем мы надпись в павильоне Индонезии.

Красочно оформлен павильон Советского Союза. Здесь участники фестиваля подолгу останавливают-

ся возле работающих моделей тракторов, комбайнов, экскаваторов и других машин. У небольших экранов, где непрерывно демонстрируются цветные кинофильмы о нашем спорте, детях, отдыхе, постоянно толпится молодежь. В книге отзывов советского павильона много записей на всех языках мира. Вот одна из них: «Слава великому Советскому Союзу, превратившему труд в песню!»

Встречи, митинги, спектакли, концерты, спортивные выступления идут во всех концах Бухареста. Один румынский журналист подсчитал: если бы кто-либо из участников фестиваля захотел последовательно присутствовать всюду, где в самых разнообразных формах кипит красочная жизнь фестиваля, то для этого ему потребовалось бы свыше... семидесяти лет.

...7 августа на фестивале был день девушек. Утром в прекрасном здании Дворца пионеров (бывшем королевском дворце) делегаты встретились с видными деятелями женского движения. После Моники Фелтон выступали девушки Китая, Кореи, Румынии, Норвегии, Албании, Италии и других стран. Вот индианка преподносит цветы девушке Китая и крепко целует ее. Недалеко от стола президиума стоят девушки Германии, одна из них крепко сжимает руку соседке. Обе, не отрываясь, глядят, как красивая черноглазая делегатка Ливана, стоящая в кругу румынских девушек, по очереди гладит щеки каждой из них, потом, плотно прижавшись к живой хохотушке-румынке, виснет у нее на шее, болтая от радости ногами, как маленькая...

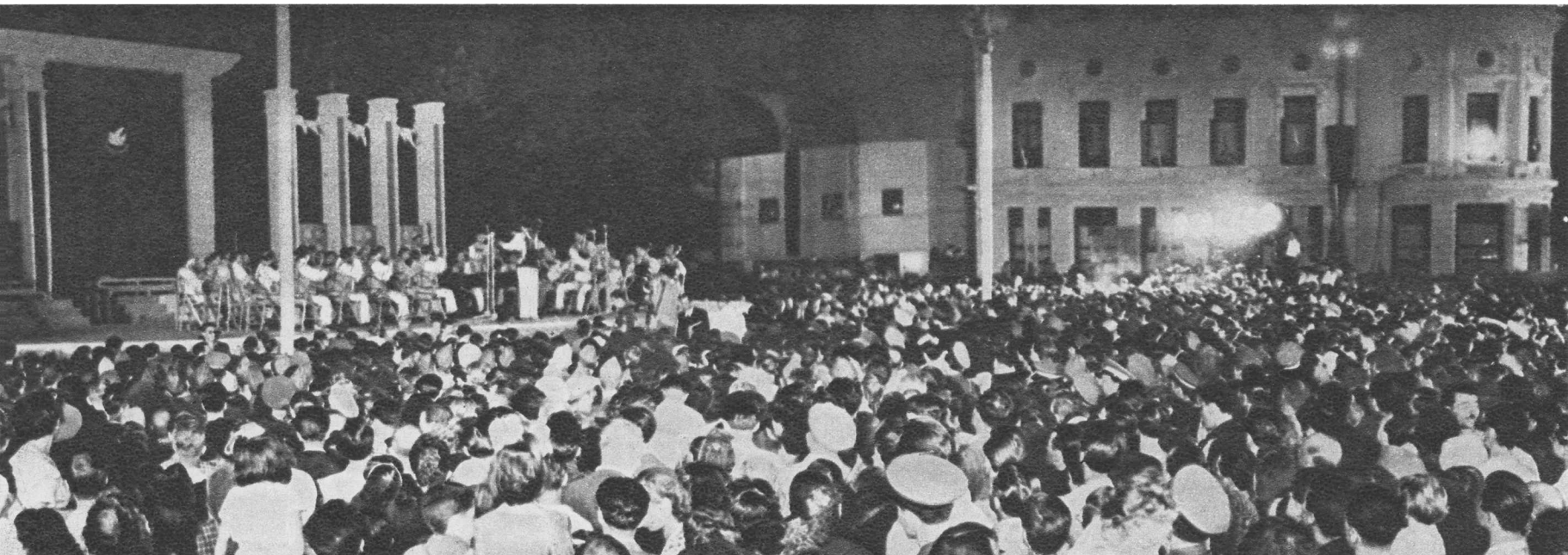
Из Дворца в парк выходит группа пионеров. Одна из них ведет за руку братишку. По ступенькам балкона сбегает высокая стройная девушка из Африки. Она просит разрешения взять ребенка на руки. Высоко подним мальчишку над головой, черная девушка что-то громко кричит. Оказывается, мальчик очень похож лицом на ее маленького братишку...

...Бульвар Балческу. Тысячи молодых представительниц десятков стран идут парадным строем по центральной магистрали Бухареста. В ярких лучах мощных прожекторов развеваются над головами разноцветные косынки, флажки, ленты, тысячи праздничных знамен. Жители румынской столицы, плотной стеной вставшие вдоль улиц, осыпают девушек цветами. Восторженно приветствуют бухарестцы героическую французскую Раймонду Дьен.

...В этот же день на стадионах Бухареста шли международные спортивные состязания. На одних соревновались легкоатлеты, волейболисты, штангисты, на других — велосипедисты, баскетболисты, футболисты. В бассейнах проходили матчи по плаванию, академической гребле, водному поло, прыжкам в воду.

Мы не можем избежать этого сухого перечня. Без него нельзя представить себе в полной мере, что такое день фестиваля. И когда вечером получаешь из пресс-бюро программу следующего дня, трудно без долгих размышлений определить план завтрашних посещений.

— Не мешало бы, — слышишь иногда от участников фестиваля, —

Девушки героической Кореи исполняют национальный танец.

посетить музеи Бухареста. промышленные предприятия, санатории, библиотеки.

— А знаете ли вы, — раздается голос, — что открыт филателистский уголок, где участники фестиваля обмениваются марками?

— Хорошо бы посмотреть костер молодежи Южной Африки и Нигерии!

На всех площадях города до двух, а нередко до трех часов ночи танцы. Вместе с румынской молодежью танцуют юноши и девушки многих стран.

Каждый день в сорока кинотеатрах и на киноплощадках показывают фильмы. Только 5 августа, как сообщает румынская печать, свыше 50 художественных фильмов просмотрело почти 100 тысяч человек.

...Площадь Суворова... Огромная масса людей. На открытой сцене выступает коллектив корейских артистов. С напряженным вниманием следят зрители Бухареста за мастерским исполнением танцев, слушают песни, повествующие о трудовых и ратных подвигах патриотов далекой Кореи. Многие пришли на концерт со своими скамейками, стульями, креслами. Вон слева по-семейному, как дома, устроились две пожилые женщины. Они сосредоточенно смотрят на сцену, лишь вспыхнувшая лампа фотокорреспондента на мгновение отвлекает их внимание.

...Площадь Республики оказалась тесной, когда здесь выступали омский хор и грузинский ансамбль. Зрители устроились на крышах автобусов, на оградах. Некоторые девушки, повернувшись спиной к выступающим, смотрят в зеркала: говорят, так хорошо видно...

...На концерте артистов Сирии и Ливана был показан танец с саблями. Лихо орудуя ими, принимая воинственные позы, юноши вдруг останавливаются и произносят: «Мир и дружба!» Потом поединок продолжается, но в финале «воины» обнимаются все с теми же

словами «мир и дружба», ставшими символом всего фестиваля.

Фестивальный комитет выпустил маленький словарик на нескольких языках. Мы наблюдали, как на стадионе румынский юноша «разговаривался» с помощью этого словарика с датской девушкой. Словарь то и дело переходил из рук в руки. Они по очереди, улыбаясь, показывали пальцем нужное слово. Девушка собралась уходить, она подчеркнула карандашиком слова на пятидесятой странице и передала словарь своему собеседнику. Юноша ответил тем же способом. Запомнив подчеркнутое девушкой место, мы потом прочли в своем словарице: «На какой спектакль пойдем мы сегодня?»

...В театре профсоюзов шел спектакль французской делегации. Зал вмещал лишь незначительную часть желающих посмотреть представление. Забиты были все проходы. Но вот появились два вьетнамца, и французские девушки уступили им свои места. Это было сделано естественно, от чистого сердца, и это говорило о многом.

...В воскресенье, девятого августа, Бухарест ожил в пять часов утра. На сборные пункты шли оживленные группы девушек и юношей румынской столицы многих районов республики — это был день, посвященный румынской молодежи. К площади имени Сталина стекались новые и новые колонны молодых румын. На трибунах — тысячи участников фестиваля. Звучит музыка. В девять часов утра после митинга начинается парад румынской молодежи. Над головами демонстрантов море знамен, эмблем фестиваля, лозунгов, плакатов, портретов лучших новаторов Румынской республики. Букеты летят из рядов демонстрантов к тем, кто стоит на трибунах. И вот букеты летят обратно. На-

В День румынской молодежи на площади Республики.

стоящая «перестрелка». Делегаты разных стран громко приветствуют своих гостеприимных молодых хозяев. Хозяева аплодируют гостям. По своей красочности и оживленности колонны напоминают первомайские демонстрации в Москве. Общее восхищение вызвал марш спортивных обществ. Сводный хор и сводный оркестр, исполнив Гимн демократической молодежи, завершили демонстрацию. Более трех часов длился этот праздник румынской молодежи, в котором приняло участие триста тысяч юношей и девушек.

Обычная «перинница», которую мы видели каждый вечер на улицах Бухареста, сегодня занимала почти всю площадь Республики. «Перинница» — народная игра. В круг хоровода выходит девушка с платком, она выбирает юношу. Юноша раскрывает платок, пара припадает на колени и целуется. Затем по кругу идет с платком юноша...

Разноцветные огни фейерверков освещали Бухарест с вечера до глубокой ночи. Столица Румынии вместе с участниками фестиваля весело и радостно провела день молодежи своей республики.

Трудно представить себе участника фестиваля, не знающего порумынски слов «мир» и «дружба». Эти слова слышатся всюду: на встречах делегаций, на концертах, собраниях, демонстрациях.

Только враги мира могут не видеть благотворных результатов международных встреч молодежи в Бухаресте. В парке имени Сталина испанец Антонио сказал, обращаясь к румынскому молодому рабочему: «Запомни, что от фестиваля к фестивалю силы молодежи, которая хочет мира, будут расти и крепнуть, и их никому не сломить!»

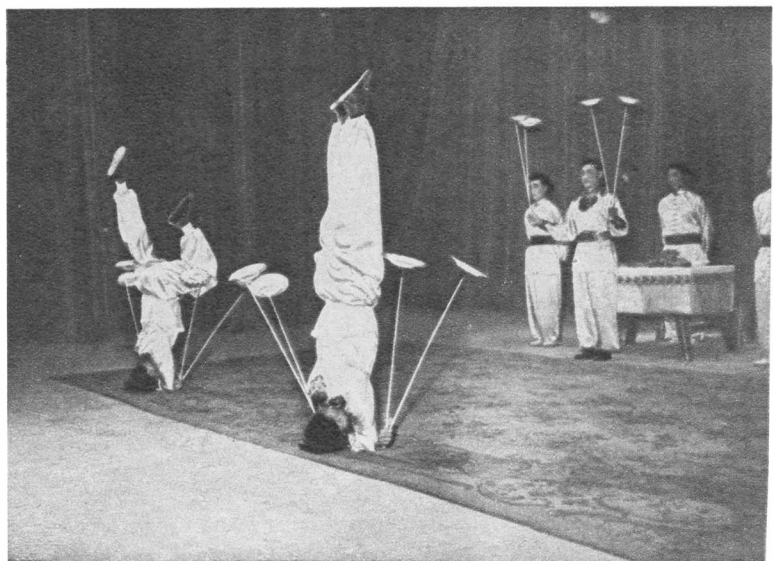
Бухарест, 10 августа.

Жители Бухареста на концертах устраиваются по-домашнему...

Танцевальный ансамбль молодежи Чехословакии.

Восхищение зрителей вызывает мастерство молодых китайских жонглеров.

Парад участников спортивных соревнований.

ВСТРЕЧА

спортсменов

48

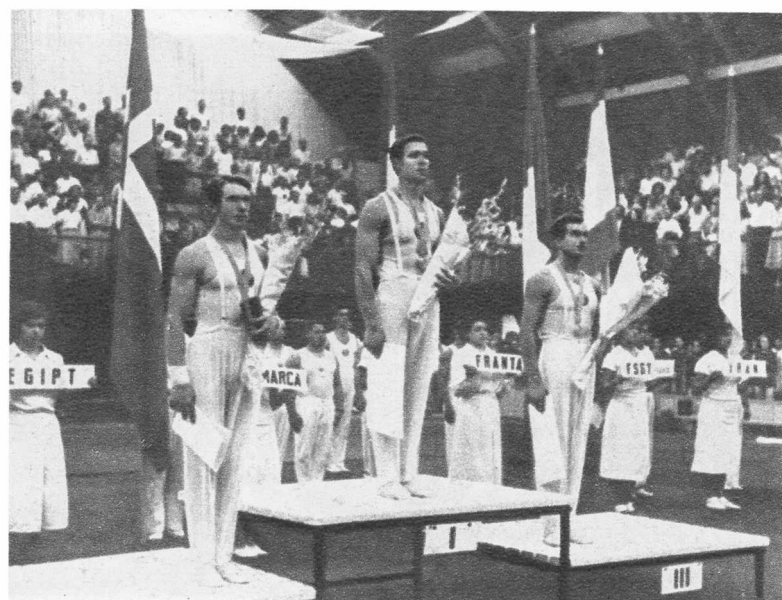
стран

На улицах Бухареста в эти дни можно встретить спортсменов 48 стран.

...Стадион Республики стал центром легкоатлетических соревнований. Этот уютный, утопающий в зелени и цветах стадион, кроме того, предоставил велодром и зал для штангистов и борцов. Жаркое сол-

Советские спортсменки А. Чудина, Л. Васильева и Н. Коняева — победительницы в метании копья.

це не смущает зрителей, но осложняет работу спортсменов. Однако выручает отлично подготовленная дорожка. Уже несколько рекордов поставили здесь бегуны. Никого не удивляет, когда в одном забеге устанавливают два, а то и три национальных рекорда. И когда заканчивается дистанция и по радио объявляют результаты, спортсменам приходится поздравлять не только победителей забега, но и тех, кто принес своей стране наилучшие секунды, хотя и оказался вторым или третьим.

Советские гимнасты — победители по многоборью. В центре — В. Чукарин слева — В. Муратов, справа — Е. Корольков.

Как правило, аплодисменты звучат четырежды по одному и тому же поводу, так как результаты объявляются на четырех языках.

...Бежит Ардальон Игнатъев — молодой сельский учитель. Дистанция — 400 метров. Секундомер показал 47,2 секунды. Новый рекорд СССР. Вокруг заговорили: «Экстра!», «Прима!». Но Игнатъев заставил о себе заговорить еще раз. На следующий день он позволил себе побить свой же рекорд. На этот раз секундомер остановился на цифрах — 46,8 секунды. Но и это не все. Игнатъев в один день на протяжении часа поставил еще и второй рекорд — в беге на 200 метров. Результат — 21,1 секунды.

Александра Чудина выиграла уже три золотые медали. Я спрашиваю:

— Теперь все?

— Нет. Еще в пятиборье выступаю, а потом... А потом в волейбол пойду играть.

Выиграла и — пятиборье и в волейбол. Кто-то про нее хорошо сказал: «Двужильная».

Эмиль Затопек говорит:

— Никогда мне в жизни не было так трудно на беговой дорожке, как при встречах с Владимиром Куц. В беге на 5 тысяч метров 4 998 метров вел Куц. И мне пришлось приложить невероятные усилия, чтобы его догнать. Я обошел его на последних метрах и выиграл всего две десятых доли секунды. Это на пять-то километров! Пришлось поблагодарить советского спортсмена. Ведь при его помощи я побил свое олимпийское время и установил рекорд. Да и венгерский бегун Ковач благодаря Куцу установил рекорд Венгрии — 14 минут 4,2 секунды. Это тоже лучше моего олимпийского времени.

...Небольшой зал стадиона «Динамо». Стеклопанельная крыша. Окна занавешены шторами. Здесь происходили соревнования штангистов. Никаких особых неожиданностей не произошло. Советские спортсмены завоевали все первые места во всех семи весовых категориях.

Здесь же, на стадионе «Динамо», на бетонированном треке происходит соревнование по велоспорту. Знакомимся с Аурелой Драгиш. Год назад она работала в буфете на стадионе, восхищалась тренировкой румынской чемпионки Венеры Василеску. Та охотно согласилась научить ее ездить на велосипеде. Прошел год, и ученица отобрала у своей учительницы первый рекорд страны. Сейчас Аурела Драгиш в так называемой гонке преследования на два километра установила рекорд Румынии.

В зале «Флорьяска», где недавно заседал Всемирный конгресс молодежи, проходили соревнования по гимнастике. Основная борьба за призовые места шла между советскими спортсменами. Нас волновал вопрос: сумеет ли Виктор Чукарин — олимпийский чемпион — взять реванш у Валентина Муратова — чемпиона СССР?

И Чукарин к званию чемпиона олимпийских игр прибавил звание чемпиона фестиваля. Муратов остался на втором месте.

У женщин борьба была еще более острой.

Галина Шамрай выигрывает в вольных упражнениях, опытная Нина Бочарова завоевала золотую медаль за упражнения на брусках, Софья Муратова получила серебряную медаль, а Генриэтта Коновалова — бронзовую. Когда закончились соревнования, подсчитали очки. У Бочаровой оказалась наилучшая сумма. Шамрай отстала всего на шесть сотых очка. Муратова заняла третье место.

Начались встречи боксеров, борцов, баскетболистов, волейболистов, гребцов, пловцов, соревнования по прыжкам в воду и ватерполо.

Вадим СИНЯВСКИЙ

Бухарест, 11 августа.

Справа Э. Затопек (Чехословакия) и В. Куц (СССР) после забега.

Выставка индийского изобразительного искусства

На снимке (слева направо): президент Академии художеств СССР народный художник СССР А. М. Герасимов, художник-профессор политехникума в Дели Хар Кришан Лалл и действительный член Академии художеств СССР Е. В. Вучетич на выставке индийского изобразительного искусства.

Тысячелетия насчитывает культура Индии. Талантливый и трудолюбивый индийский народ создал замечательные художественные ценности — памятники архитектуры, скульптуры, фрески, миниатюры.

Русские художники всегда проявляли глубокий интерес к своеобразному и прекрасному искусству Индии, к ее природе и быту. Еще в прошлом веке В. В. Верещагин создал великолепную серию индийских этюдов.

В 1952 году в Индии побывала группа советских художников. Тогда же в крупнейших городах Индии — Дели, Калькутте и Бомбее — была организована выставка произведений советского изобразительного искусства.

Ныне в залах Академии художеств СССР развернута выставка произведений живописцев, графиков, скульпторов Индии.

Более ста цветных репродукций и фотографий, представленных на выставке, знакомят посетителей с шедеврами индийской архитектуры, скульптуры, прикладного искусства, показывая развитие индийской живописи от фресок пещерных храмов Аджанты до наших дней. Среди экспонатов собрание интереснейших скульптур и уникальные миниатюры Раджпутской и Могольской школ. Около трехсот подлинников представляют все важнейшие направления современного искусства Индии, характеризуют творчество крупнейших ее художников.

Выставка свидетельствует об успехах индийского народа в развитии национальной культуры и искусства и служит делу укрепления дружбы и культурных связей между индийским и советским народами.

А. АБРАМОВА

Анри Барбюс в Нижнем Новгороде

Двадцать пять лет тому назад, в августе 1928 года, Анри Барбюс — пламенный борец против войны и фашизма, друг трудящихся всех стран — приехал в Советский Союз, чтобы своими глазами увидеть первое в мире социалистическое государство. 15 августа он был в Нижнем Новгороде (город Горький).

Здесь Анри Барбюс ознакомился с работой местных общественных организаций, посетил знаменитую нижегородскую радиолaborаторию, написал для газеты «Нижегородская коммуна» статью «Необходимо созвать антифашистский конгресс».

Город, с его новыми магистралями, мощными промышленными предприятиями, жилыми домами, зданиями школ, произвел на Барбюса большое впечатление.

«Я получил возможность непосредственно ознакомиться с Нижним, побывать во всех его уголках, о многом порасспросить, многое поразузнать и в самом городе, и в его районе. Это знакомство было для меня весьма поучительно, полно очарования и самого живого интереса...»

Картина грандиозная, — писал он. — Нижний Новгород — один из самых красивых и самых больших русских городов.

Во второй половине августа А. Барбюс совершил полет на гидроплане Осоавиахима над городом и над шумевшей тогда за Окой советской нижегородской ярмаркой. О своих впечатлениях писатель рассказал в большом очерке, напечатанном вскоре в «Известиях».

На нашей фотографии А. Барбюс снят стоящим на крыле гидросамолета перед полетом.

А. СИГОРСКИЙ

У мичуринцев Алтая

90-летие М. П. Чеховой

М. П. Чехова в рабочем кабинете.

Фото П. Николаева.

Двенадцатого августа исполнилось девяносто лет со дня рождения сестры великого русского писателя — Марии Павловны Чеховой.

М. П. Чехова была ближайшим творческим другом писателя. После смерти Антона Павловича она посвятила свою жизнь сохранению дома, в котором он жил и работал.

Это небольшое двухэтажное здание с мезонином на окраине Ялты (теперь поселок Чехово) было выстроено в 1899 году на каменистом, выжженном солнцем пустыре по плану писателя и его сестры местным архитектором Шаповаловым.

Семья Чеховых переехала сюда на постоянное жительство из Москвы и Мелихова.

После смерти писателя в официальных кругах царской России деятельность Марии Павловны не встречала никакой поддержки. Лишь в 1920 году, после изгнания из Крыма белогвардейцев и иностранных интервентов, дом А. П. Чехова был преобразован в государственный мемориальный музей; хранительницей музея была назначена М. П. Чехова.

Дом писателя посещают десятки тысяч людей.

Е. ВОРОНЦОВ

— Ну, как на вкус? Хороша?

Молодой агроном Нина Александровна Смирнова протягивает нам только что сорванные ягоды клубники. Яркие, сочные, они тают во рту.

— Наш сорт, коренной, алтайский. Один из самых новых. Недаром мы эту клубнику «комсомолкой» зовем, — продолжает Смирнова.

Вдоль грядки клубники, то и дело нагибаюсь, движусь сборщицы с корзинами. Рядом, на соседнем участке, за стеной высоких сосен, зеленеют кусты смородины. Ветви их гнутся под тяжестью плотных глянцевиных ягод.

Лето в Барнауле нынче жаркое, и урожай ягод в садах Алтайской опытной плодоягодной станции исчисляется десятками тонн. Впрочем, дело не только в количестве. Важно то, что отлично плодоносят новые сорта, приспособленные к суровому климату Сибири.

На делянках, раскинувшихся по высокому, крутому берегу Оби, встретишь немало растений, которые на первый взгляд покажутся диковинными. Вот прямо по земле тянутся искривленные карликовые деревца. Трудно поверить, что к осени на них созреют румяные яблоки.

Стелющиеся зимостойкие яблони выращены алтайскими селекционерами в результате многолетних опытов. Едва молодые деревца поднимаются над землей, стволы и ветви их пригибают к низу специальными крючками. Постепенно, из года в год, растения

привыкают стлаться по земле, и зимой высокий снег служит им надежной защитой от жестоких морозов.

Наряду с общеизвестными мичуринскими сортами, приспособленными к климатическим условиям Сибири, селекционеры вырастили и собственные зимостойкие сорта: «горную алтайку», «пипинку алтайскую», «алтайский голубок» и другие.

В этом году Алтайской опытной плодоягодной станции исполняется двадцать лет. Небольшой питомник, созданный в 1933 году при поддержке Ивана Владимировича Мичурина, вырос в научное учреждение всесоюзного масштаба. Переведенная из горного Алтая в Барнаул опытная станция располагает сейчас несколькими филиалами, разбросанными по территории края. Десятки новых сортов зимостойких яблонь и ягодников выведены сибирскими селекционерами во главе с директором станции лауреатом Сталинской премии Михаилом Афанасьевичем Лисавенко. Ежегодно из Барнаула отправляют тысячи саженцев, они идут в колхозы края и за его пределы: в Московскую, Ленинградскую и Тюменскую области, в Бурят-Монголию.

С. ТИМОФЕЕВ

На Алтайской плодоягодной станции научная сотрудница Н. А. Смирнова проверяет завязывание плодов смородины после опыления.

Фото Я. Рюмина.

Семья Славяновых на борту парохода «Н. Г. Славянов». В центре — Николай Николаевич, справа — Надежда Федоровна, слева — Юрий Николаевич.

Федор Васильев

К 80-летию со дня смерти

А. ГРИЦАЙ

В Третьяковской галерее есть маленький уютный зал. Тут собраны полотна поэтов русского пейзажа Саврасова и Васильева. Главным образом здесь представлены работы Федора Александровича Васильева (1850—1873). За свою короткую жизнь написал он не очень много произведений, и лучшие его вещи находятся в этом зале. И «Деревенская улица», и «Оттепель», и «Дорога в березовом лесу», и «Мокрый луг», и «В Крымских горах» — все это картины, без которых немислимо представить себе русское искусство.

В конце своей жизни Федор Александрович писал о себе Крамскому, что он «становится таким, каким ему назначила быть природа... каким он обещал быть».

Нисколько не рисуясь, Васильев был убежден в том, что его работы — только разбег к чему-то большому и настоящему. А когда пришла творческая зрелость, молодого художника сломила жестокая болезнь: он умер от чахотки в 1873 году, 23 лет от роду. И, тем не менее, имя его навсегда вошло в историю отечественного искусства.

Васильев вносил в искусство пейзажа, по выражению Крамского, «поэзию при натуральности исполнения». Работая со страстью, он создавал глубоко поэтические и обобщающие образы, но эти образы никогда не были только плодом фантазии. Он был реалистом, всем сердцем любил природу, много рисовал с натуры и, обладая феноменальной памятью, всегда оставался правдивым.

Однажды Репин пришел на 17-ю линию Васильевского острова в Петербурге, где в комнате маленького домика трудился талантливый художник. Васильеву было тогда 19 лет. Репин посмотрел его работы. «Я никогда еще не видел так дивно вылепленных облаков, и как они освещены!!!» — вспоминал Илья Ефимович в своей книге «Дальнее близкое». Слушая восторженный отзыв Репина, Васильев подошел к мольберту и соскочил облака:

— А они мне не нравятся. Я все бьюсь, ищущ...

— Ах, что ты делаешь! Разве можно губить такую прелесть! — воскликнул Репин, но он уже работал тонкой кистью по снятому месту, и новый мотив неба трепетал у него на холсте...

Образу талантливого, живого, темпераментного, остроумного и энергичного Федора Васильева посвящены многие страницы воспоминаний Репина и Крамского. Оба они были связаны с Васильевым нежной дружбой. С Крамским Васильев переписывался до последнего дня своей жизни. Эта переписка представляет огромный интерес.

«А учитель, брат, у меня превосходный: Иван Иванович Шишкин, — говорил Васильев Репину, — прибавь еще... самую великую учительницу: натуру, натуру! А Крамской чего стоит?!

Учась у Шишкина и Крамского, Васильев, в свою очередь, оказывал влияние и на своих учителей, в частности и на Илью Ефимовича Репина, в чем последний сам признавался. Обаяние Васильева покорило всех. Он первым в русской живописи начал писать природу, что называется, в движении, в разных ее состояниях. В картинах его часто присутствуют ветер и грозы. Дивно писал Васильев небо, небо с несущимися облаками, то мрачными, черными, то легкими, словно тающими.

Работал Васильев легко, будто играючи, но эта «легкость» давалась ценой ежедневной упорной работы. Репин вспоминал, как во время волжской поездки, когда все уже уставало, Федор Александрович продолжал трудиться далеко за полночь. Он был человеком редкого трудолюбия.

Федор Васильев — виртуоз рисунка. Его карандаш умел схваты-

И. Крамской. Портрет Ф. А. Васильева.

вать самые мельчайшие подробности пейзажа, причем каждая деталь была верна и поэтична. Одна из первых работ, написанная им в 17-летнем возрасте, «В церковной ораде», выдает в нем совершенно самостоятельного художника, умевшего видеть в природе все ее очарование, умевшего подчинить детали общему замыслу. И в других ранних картинах Васильева, в таких, как «Деревенская улица», или «Летний жаркий день», или «После дождя», тонкими колонновыми кистями любовно переданы и мостики, и кусты, и ветхие крыши, и очертания облаков.

«Оттепель» (1871) — первое из великих творений Васильева. Здесь художник запечатлел русскую деревню своего времени. Васильев попрежнему не пренебрегает деталями. Запорошенные снегом бревна, разметавшаяся на ветру хвоя деревьев, фигуры на размытой оттепелью дороге написаны лучше прежнего, но сейчас они еще в большей степени подчинены общей композиции.

В том же 1871 году Васильев заболел и уезжает в Ялту. Там художник создает полотно «Мокрый луг» (1872 год) — лучшее из его наследия.

«Мокрый луг» был своего рода откровением для художников. Никто еще так смело не решал пространства, никто еще так мастерски не писал столь поразительные дали, омытые дождем деревья, клонящиеся на ветру, мокрую траву.

Публикуемая картина Васильева «Осень», из собрания Русского музея (иногда эту вещь называют «Болото осенью», иногда просто «Болото»), относится к неоконченным произведениям художника. По лирическому восприятию природы художник выступает здесь как бы предтечей Левитана.

Великолепно запечатлел Васильев и крымскую природу. В картине «В Крымских горах» будто слышится величавое звучание симфонии, прославляющей спокойные громады гор, красоту поднимающихся к облакам сосен, чистоту горного воздуха. Эта картина — лебединая песнь художника. Она написана им незадолго до смерти.

Другу Крамского Федору Васильеву были близки демократические устремления передвижников. Неоднократно писал он о том, что его пейзажи не просто дань страсти художника, — этими пейзажами хотел он воспитывать в людях высокие, чистые чувства.

СЛАВНАЯ ФАМИЛИЯ

Дважды в месяц к причалам Московского порта пристает большой пассажирский пароход, прибывающий из города Молотова. На борту судна красуется название: «Н. Г. Славянов».

В живописном парке Железноводского курорта, у подножия горы Железной, стоит красивое белокаменное строение. На фронтоне его выведены слова: «Славяновский источник».

Пароход носит имя Славянова-отца. Николай Гаврилович Славянов был талантливым инженером, изобретателем метода электросварки, на который еще в 1890—1891 годах он получил патент в России и в других странах. Сварка Славянова применяется во всем мире, занимая почетное место среди замечательных открытий русской науки.

Целебная славяновская вода названа так в честь Славянова-сына. Николай Николаевич Славянов, инженер-гидрогеолог, открыл ее среди других минеральных вод в 1912 году. Железноводское медицинское общество назвало самый мощный источник Славяновским.

Много лет прошло с тех пор, много воды утекло с той поры в буквальном смысле этого слова...

Отец умер молодым в Перми, где служил на заводе. Сын, получив диплом горного инженера, производил исследования в Донец-

ком бассейне, а затем увлекся изучением подземных вод.

Николай Николаевич написал около 120 научных работ. Он член-корреспондент Академии наук СССР, директор Лаборатории гидрогеологических проблем.

Народ не забывает заслуг Славянова-отца. Несколькими годами назад Николай Николаевич получил из города Молотова приглашение приехать туда, чтобы присутствовать при перенесении останков его отца. В земле была обнаружена большая железная плита с выгравированной на ней надписью: «Николаю Гавриловичу Славянову от русского народа». Теперь могила русского изобретателя находится в палисаднике перед Домом техники.

Вскоре с молотовской верфи сошел новый пароход — «Н. Г. Славянов». Вся семья Славяновых совершила на нем первый рейс.

Недавно Николай Николаевич отмечал свое семидесятилетие. Президиум Верховного Совета СССР наградил его за выдающиеся заслуги в области науки орденом Трудового Красного Знамени. Старый ученый получил сотни поздравительных телеграмм и адресов. Среди них — адрес от завода имени В. М. Молотова.

«Коллектив завода, — говорилось в послании, — гордится, что впервые в мире на нашем заводе было практически применено в производстве великое русское изобретение — электросварка Славянова».

Являясь достойным преемником великого русского изобретателя и выдающегося ученого, вы, Николай Николаевич, своим неустанным трудом внесли большой вклад в дело развития нашей отечественной науки — гидрогеологии».

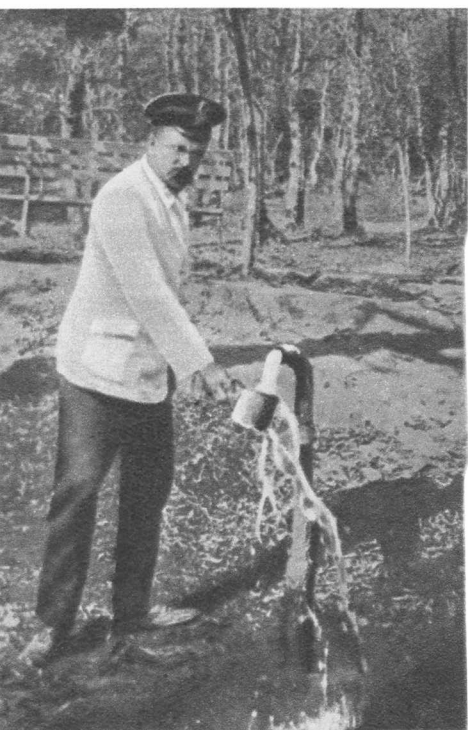
Юбилея особенно растрогало письмо рабочего Петра Тимофеевича Касьянова. «Здравствуй, дорогой, многоуважаемый Николай Николаевич, — писал он. — От всей души и сердца поздравляю вас. Я один из рабочих, которые работали с вами, когда были открыты целебные воды, которыми славится наш Железноводск и особенно источник вашего имени. Славяновской водой пользуются и восхищаются тысячи граждан нашей Родины».

На юбилей ученого в Москву съехалась вся семья. Сыновья его также пошли по научной стезе. Юрий Николаевич — доцент, Владимир Николаевич — кандидат геолого-минералогических наук, младший — Николай Николаевич — студент-физик, готовится к защите дипломного проекта.

— Он и физик, и парашютист, и мотоциклист, — говорит о младшем сыне Надежда Федоровна, жена и многолетняя помощница ученого.

В день семидесятилетия отца Николай-младший совершил 75-й прыжок с парашютом.

Я. МИЛЕЦКИЙ

Первый выход славяновской воды на поверхность в Железноводске. Н. Н. Славянов наливает в кружку минеральную воду. Снимок сделан в 1912 году.

Ф. А. Васильев. ПОСЛЕ ГРОЗЫ. 1868 год.

Государственная Третьяковская галерея.

Ф. А. Васильев. ОТЕПЕЛЬ. 1871 год.

Государственный Русский музей.

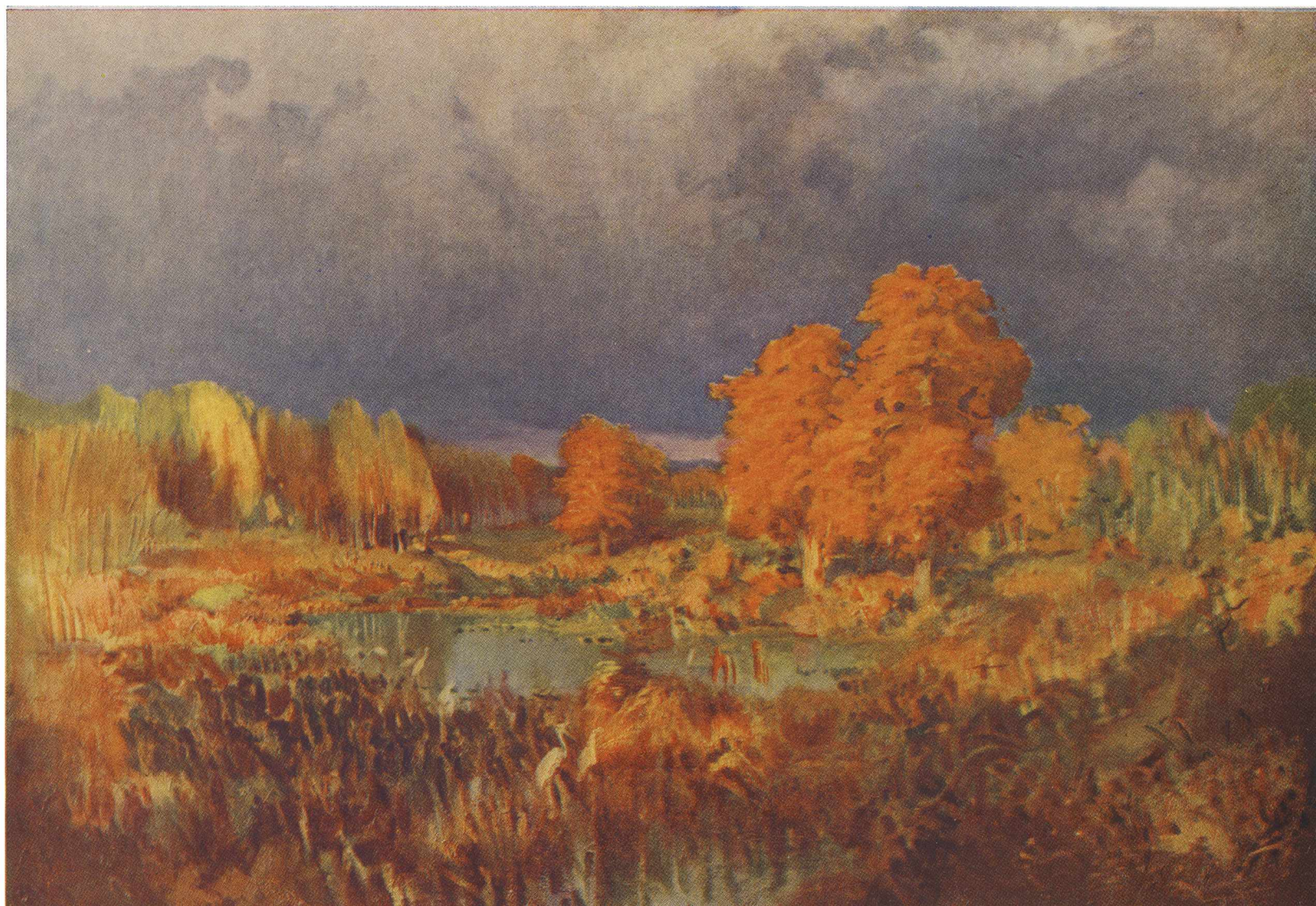
Ф. А. Васильев. МОКРЫЙ ЛУГ. 1872 год.

Государственная Третьяковская галерея.

Ф. А. Васильев. ПЕЙЗАЖ. 1869 год.
Ф. А. Васильев. ОСЕНЬ.

Государственный Русский музей.

ВЕСНОЙ

Рассказ

Ф. КНОРРЕ

Рисунки О. Верейского.

Стремительно наступала весна. Порывистый ветер расталкивал и подметал лениво клубившиеся в вышине облака, оставляя, точно при поспешной уборке, рваные белые клочья в небесной синеве.

Все происходившее в небе, как в зеркале, отражалось в сонной воде захудалой речки, лениво протекавшей узенькой полоской среди живописных и просторных берегов, напоминая обнищавшего хозяина, который перебрался на старости лет в маленькую каморку за кухней, оставив пустовать свой просторный красивый дом.

Когда-то эта речка считалась пограничной, на разных отрезках протекала через территорию Латвии, Белоруссии и Литвы в том районе, где все три границы сходились так близко, что какой-нибудь карась мог, нырнув в территориальных водах Латвии, отдохнуть под корягой у белорусского берега и, схватив зазевавшуюся мошку, вынырнуть уже в водах Литвы...

Теперь ребята из латышской артели «Золотой колос» удят пескарей, сидя на берегу вперемежку с ребятами из колхоза «Победа».

Мелкая рыбешка, которую добывали ребята и приносили домой в старых консервных жестянках в качестве спортивных трофеев; несколько связок болотного аира с длинными жесткими листьями, которым под Иванов день латышская молодежь во время традиционного гулянья с хохотом хлещет друг друга по ногам, да тучи кровожадных комаров — вот, пожалуй, все, что давала речка окрестным жителям до тех самых пор, пока в прошлом году не начались вокруг нее мелиоративные работы...

В нынешнем году на берегах речки почти одновременно можно было отметить два верных признака наступившей весны: соловей запел в роще, и на своем рабочем участке, отремонтированный за зиму, появился экскаватор бригадира Яниса Видума.

Тяжелая машина, украшенная молодыми березовыми ветками, свернула с проселочной дороги и, с удвоенной силой заворочав мотором на топком лугу, подошла и стала на берегу речки.

Выключив мотор, Янис подошел к краю невысокого обрыва и посмотрел вниз. Здесь они поздней осенью прошлого года прервали работу. Медленно текущая вода речки, весело зашумев, падала с высокой ступеньки в углубленное русло. От этого места река текла чистая, глубокая, в ровных берегах. А там, где работы еще не начинались, шел как будто широкий овраг с безобразно осыпавшимися берегами, и река выглядела точно больной, почти погибающей, да так оно, в сущности, и было.

Соловей в роще запел снова, едва замолк мотор. На лугу свежо и тревожно пахло ранней весной.

«Хорошая штука — весна! — думал Янис. — Отличная штука — эта наша работа! Вот речка, которая может высосать из окрестных полей лишнюю влагу, превратить заболоченные пустыри в сочные луга и пашни; эта речка, друг человека, заболела, захирела. А теперь пришли мы со своим экскаватором, не очень красивым, может быть, на посторонний глаз и немножко шумливым, возьмемся за работу — и речка похорошеет, оживет, выздоровеет на радость и на пользу людям... Честное слово, разве плохая работа?»

— Ах, до чего же весна-а... братцы! — с хрустом потягиваясь, мечтательно воскликнул машинист экскаватора Вася и с размаху повалился на траву, но тут же, смеясь и чертыхаясь, вскочил, растирая мокрые пятна на штанах.

«Степенный пожилой механик Бринкис пробурчал, сжимая в зубах трубку:

— Тебе, верзиле такому, жениться пора, а ты, как жеребенок, по траве катаешься.

Вася вздохнул:

— Весной жениться никак нельзя. Жениться надо зимой или в крайнем случае ненастной осенью. Весной все девушки делаются красивыми. Тут ошибиться ничего не стоит.

— Славно рассуждаешь! — похвалил Бринкис, — хорошо рассуждаешь!

Польщенный Вася самодовольно согласился:

— Голова варит. Дело-то больно серьезное. Думать надо.

— Правильно. Только я замечал, что такие вот, которые чересчур хорошо рассуждают, женятся обязательно как-нибудь очертя голову. Как с печи свалится. Лежал-лежал, думал, да ка-ак брякнется об пол с лежанки! Вася захохотал и опять с хрустом потянулся.

Бринкис подошел к бригадиру:

— Слушай-ка, Янис, друг мой. Надо проверить, какие квартиры нам отвели на новом месте. Лучше всего тебе бы заранее пойти немножко поругаться на всякий случай с кем-нибудь... С председателем колхоза можно или хоть с районным мелиоратором. Пусть он о нас как следует позаботится.

— Он не позаботится, — вмешался Вася. — Почему? А потому, что здешний мелиоратор — девушка, а не мужик. Я ее уже видел. И она даже мне домик показывала, где нам квартиру отводят.

— Что же ты молчал? — с досадой обернулся Бринкис. — Значит, ты уже видел? Ну расскажи, какое у тебя впечатление.

— Как вам сказать, ребятки?.. В двух словах трудно определить. Нельзя сказать, например, что она красавица, но что-то в ней есть. Можно сказать: привлекательная, что ли...

Бригадир сострадательно вздохнул и молча переглянулся с Бринкисом.

Тот медленно вытащил трубку изо рта, как он делал всегда, когда хотел сказать что-нибудь значительное.

— Тебя, урода, про квартиру спрашивают, а ты нам про девушку... Официально тебе рассказываю, что тебя ожидает. Как с печки. Сам не заметишь. Бряк! И ты уже на полу. Запомни мое слово.

Вася добродушно усмехнулся:

— Квартира тоже подходящая, если тебя так интересует. Кстати, если у вас такое желание ругаться, вам далеко ходить не надо. Вон они все сами сюда идут. И, кажется, с цветами.

— Похоже, они собираются нас приветствовать, — забеспокоился Бринкис и отчаянно зачмокал, разводя в своей трубке пары. — Пожалуй, чем ругаться тебе, бригадир, надо подготовить какое-нибудь находчивое ответное слово. А?

— Ладно, не потеряемся как-нибудь, — спокойно сказал бригадир, одергивая на себе спецовку и делая суровое лицо.

Кучка людей, появившаяся на дороге, свернула к экскаватору и медленно приближалась, обходя кругом самые топкие места. Не доходя

нескольких шагов до экскаватора, все остановились. Двое пожилых мужчин вышли вперед, а девушки с цветами в руках, выжидательно поглядывая на незнакомцев, остались стоять немного позади.

Личный состав экскаватора, невольно подтянувшись, стал тесно плечами друг к другу, и Бринкис даже вытащил, в виду торжественности момента, трубку изо рта.

Старый знакомый, председатель из «Золотого колоса», Саулескалн вышел вперед, протягивая руку так далеко, как будто собирался поздороваться с кем-то через широкую канаву, и молча тряхнул по очереди руки всем членам бригады.

— Мы пришли вас проводить, друзья! До свидания! Желаем вам так же хорошо поработать у соседей, как вы поработали у нас. И хотя вы будете теперь уже в Белоруссии, милости просим по воскресеньям в наш латышский клуб или попросту в гости. А теперь знакомьтесь, кто незнаком. Вот бригадир Янис Видум, а это председатель колхоза «Победа» товарищ Руденок, вы на его территорию переходите.

— Добро пожаловать! — громко произнес покашливавший в кулак в ожидании своей очереди усасть, в длинном солидном пиджаке Руденок и сделал знак девушкам. Девушки переглянулись, заулыбались, выдвинулись вперед и поднесли каждому по пучку полевых ранних цветов.

Бринкис торжественно поблагодарил, высоко приподняв шапку. Вася поклонился, понюхал букетик и воткнул один цветок себе в петлицу. Долговязый бригадир Янис принял свой букетик со снисходительной мужской небрежностью и вдруг медленно стал багроветь, глядя куда-то мимо девушки, поднесшей цветы.

Руденок с удивлением обернулся, чтобы проследить за направлением его взгляда. Немножко в стороне от других стояла девушка с развевающимися на ветру светлыми волосами. Озабоченно покусывая кончик карандаша, она внимательно всматривалась в воду.

— А-а! — воскликнул Руденок. — Надо же вас познакомить! Это наш районный мелиоратор Саша, то есть Александра Васильевна Вавельская. Будьте, пожалуйста, знакомы, работайте дружно.

Девушка отвернулась от воды, переложила карандаш из правой в левую руку, подошла поближе и приветливо кивнула Янису.

Бригадир с каким-то непонимающим видом сперва уставился на нее, потом поднял обе свои здоровенные, длинные ручки, как будто собираясь не то схватиться за голову, не то взять девушку за плечи, и кончил тем, что бессильно уронил руки вдоль тела.

Почувствовав крайнюю неловкость положения, Бринкис ткнул бригадира локтем в бок и прошипел:

— Ты что, ошеченел? Говори скорей ответное слово.

Янис, точно проснувшись, опасливо, еле пригравываясь, поздоровался с девушкой за руку. Потом он сделал судорожное движение горлом, точно с гигантским усилием проглотил целиком крутое яйцо, и что-то хрипло и невнятно проговорил.

— Что, что?.. — приставляя ладонь к уху, очень участливо переспросил Руденок.

— Мы... — почти беззвучным от волнения голосом, никак не вставшимся с его могучей фигурой, начал бригадир, — то есть... взаимно желаем вам, — тут он ожесточенно откашлялся, и пропавший было голос вернулся к нему полностью в тот момент, когда он, заканчивая

свою нескладную речь, зычно выпалил:—... и добро пожаловать!

— А?.. Ну, конечно, спасибо, спасибо! — поспешно заминая неловкость, оживленно заговорил Руденок. — А теперь пойдёмте посмотрим, какие квартиры мы вам наметили и огородные участки. Чтобы все у нас было с самого начала по-хорошему...

Все с облегчением заговорили и гурьбой двинулись по лугу и дороге, которая вела к колхозу «Победа».

Только Янис с Сашей шли рядом, не разговаривая и не глядя друг на друга. Наконец, когда молчание, казалось, сделалось совсем уж невыносимым, Саша, разглядывая внимательно прищуренными глазами зубчатый край далекого леса, спросила у бригадира, как обстоит дело с запасными частями.

Янис, вздрогнув, обернулся:

— Вы насчет чего?.. Ах, насчет запасных частей?.. Да, с запасными у нас... ничего... Обстоит. Можно сказать, да...

— Находчивый у них бригадир, — невинно сказала одна из девушек, прислушиваясь к их разговору. — Интересно, он и на работе такой бойкий?

«И верно, что-то его вроде как оглушило сегодня», — с досадой подумал Вася. Но так как не в его характере было выдавать своих, он только многозначительно ухмыльнулся:

— За нашего бригадира не беспокойтесь, девушки. Приглядитесь — ахнете... Лучше познакомьте меня со здешней обстановкой. Вот, например, вы, трое, какое общественное положение занимаете в этих местах? Вероятно, из мелиоративной бригады?

Высокая черненькая девушка кивнула.

— А как вас зовут?

— Маруси, — чему-то улыбнувшись, ответила черненькая.

— Очень хорошо, а вас? — сказал Вася, обращаясь к полненькой, беленькой.

— Вам же говорят: Маруси. Все трое мы Марии, — пояснила первая, с удовольствием наблюдая удивление, появившееся на лице у Васи. — Мы сперва сами немножко удивились, когда в одной бригаде оказались. А после мы стали такими хорошими подругами, что врозь расходятся ни за что не хотим... — И добавила с некоторой гордостью: — Про нас многие знают.

— А люди-то вас не путают? — с интересом допрашивал Вася.

— Как можно спутать? Зовут-то нас всех немножко по-разному. Вот эту, высокую, зовут по-латышски Мэритэ, она из «Золотого колоса», а эта вот, маленькая, беленькая, Марите, она литовка. Ну, а я здешняя, Марусей зовут. Можно спутать?

— Никак невозможно, — горячо заверил Вася, — в жизни не спутаю! Теперь запомните, пожалуйста, что меня близкие друзья зовут Васей. Так можете меня и звать. А вот этот, который дымит, как самоварная труба, — Бринкис. Родители при крещении необдуманно назвали его Артуром, хотя, по-моему, это имя совершенно неподходяще для пожилого семейного человека. Правда?

Все три девушки одновременно посмотрели на маленького, коренастого и морщинистого Бринкиса и засмеялись...

Бригада экскаватора поселилась на первое время в маленьком, покрытом красной черепицей домике, на самом краю деревни.

Проживавшая в нем одинокая бабка Анкудиновна сама была такая же опрятная и старенькая, как ее домик. Ходила она, всегда повязавшись красным платочком, и Вася утверждал, что от долгого соседства они стали очень похожи друг на друга.

На следующее утро после прибытия бригады в колхоз Вася увидел через окно Анкудиновну во дворе около сарайчика. Она энергич-

но колола дрова, сильно нагибаясь при каждом ударе и держа топор чуть ли не подмышкой.

Вася бросился помогать, еле удерживаясь от смеха: движения Анкудиновны напоминали ему кустарную игрушку «мужик и медведь». Отняв топор у старушки, он за полчаса наколот дров в запас на две недели вперед. Все время, пока он работал, Анкудиновна не отходила ни на шаг, сварливо попрекая, что он хватается все без спросу, суется куда не спрашивают, и обещая надрать ему вихор, если он «со своей медвежачьей силищей» расколает колоду или поломаёт топорнице. Раз два после особенно сильных ударов она порывалась даже вовсе отнять у Васи топор и приняться за работу сама.

Едва Вася кончил, она отобрала топор и объявила, что будет отныне его заирать, а Вася, смеясь, пригрозил ей, что если она попробует еще раз сама носить воду или колоть дрова вместо того, чтобы попросить его, он ее самое отнесет на руках в сарай и запрет. Расстались они очень довольные друг другом, и с этого дня Анкудиновна стала хвастаться Васей перед соседками и, сильно преувеличивая его подвиги, ставить в пример своему пожилому, уже стареющему сыну и взрослым внукам, когда писала им письма в город.

В глаза она Васю для «его же пользы» пилила и стыдила неустанно за каждую соринку на полу или пятачок на его собственных штанах.

— Бабоня! — хохоча, кричал в таких случаях Вася, пойманный с поличным около какой-ни-

будь оброненной на пол обгорелой спички. — Это чистолюбие у вас доходит до самозабвения!

В первый же воскресный день Бринкис, не торопясь, напил чаю с душистым смородиновым листом, раскурил трубочку и вышел за ворота, чтобы подышать свежим воздухом.

Девушки с венками на мокрых после купанья волосах, проходя мимо, крикнули:

— Ух, здорово выкупались! Глубоко! Теперь даже нырять немножко можно.

— Ага, а кто все сделал? — самодовольно хохотнул Бринкис, отлично зная, что девушки теперь бегают купаться на тот участок реки, где экскаватор уже углубил дно.

— Кто? Конечно, дядя Бринкис со своей лопаткой, кто же еще? Пойдем, мы тебя за это на новых качелях покачаем! — оборачиваясь, уже издали, смеясь, закричали девушки.

Однако идти вместе с девушками Бринкис считал несолидным. Он неторопливо докурив трубочку, выколотил ее о каблук и только после этого потихоньку побрел на луг, где Вася пропадал с раннего утра, заканчивая с ребятами постройку качелей.

Уже издали было видно, как на свежей зелени луга вокруг новеньких качелей пестреют праздничные платья женщин, перебегают с места на место, приплясывая от возбуждения, ребятишки. Несколько пожилых колхозников, снисходительно усмехаясь, стояли поодаль, опираясь на батошки, и, задрав головы, наблюдали за тем, как Вася, лежа животом на верхней перекладине, довинчивал последнюю гайку.

Председатель колхоза Руденок уже несколько раз выходил на крыльцо, поглядывая в сторону качелей, и, сделав вид, что решительно ничего не заметил, уходил обратно в дом и садился за письменный стол ожидать, когда его позвут.

— Насчет чего явились, ребята? — озабоченно спросил он, когда делегация молодежи пришла наконец звать его «на приемку» качелей. — Ах, качели? Качели — это, конечно, хорошо, ребята... А вот сколько лесоматериала на них пошло, вы об этом не задумываетесь, ребята?! — он сокрушенно покачал головой и, высунувшись в окошко, выходившее во двор, окликнул:

— Пилип Максимыч, а Пилип Максимыч!

Густые ветки вишенника за плетнем соседского сада зашевелились, и из их чащи выглянуло худое лицо человека, стриженного «бобриком».

— Вот что, Пилип Максимыч, — сказал председатель, — как бы оно там ни было, надо нам сходить поглядеть своими глазами. Что там оно такое получилось?

— Качели? — спросил холодно счетовод. — Хорошо.

Голова его исчезла в вишеннике, и из глубины послышалось ироническое хмыканье. Через минуту Пилип Максимович с суровой складкой вокруг плотно сжатых губ вышел на улицу к председателю, застегивая на ходу последнюю пуговицу парусинового кителя.

До самых качелей шли молча. И так уже было довольно про них разговоров между председателем и счетоводом.

— Что такое качели? — говорил председателю Пилип Максимович, когда ребята пришли в правление просить, чтоб им отпустили бревна на столбы. — Объясните, в какую графу расходов их вписывать? Скажем, шашки, всякому понятно, — это культработа. Городки — физкультура. А что такое качели? Не культработа, не физкультура, не капитальное строительство, ни в какую графу не лезет! А расход лесоматериалов налицо.

Председателю не хотелось обидеть молодежь, но в душе он почти готов был согласиться со счетоводом, что столбы лучше употребить на какое-нибудь серьезное хозяйственное дело. Поэтому теперь, когда качели все-таки были построены, он чувствовал себя перед счетоводом неловко, точно совершил мальчишеский, несолидный поступок.

Поздоровавшись с собравшимися на лугу, Руденок и Пилип Максимович подняли головы и критически осмотрели верхнюю перекладину. Потом недоверчиво попробовали расшатать здоровенные, врытые в землю столбы и слегка подтолкнули люльку качелей, укрепленную на железных прутьях. Люлька раскачивалась легко, потому что ось ходила на подшипниках.

— Ишь ты, — неопределенно сказал Руденок, опасливо ступая на покачивающуюся площадку качелей, — давай опробуем, Пилип Максимыч.

Счетовод тоже стал на зыбкие доски напротив председателя.

— Только невысоко раскачивать, — сказал он сухим, деловитым тоном, — а то у меня может сделаться прилив к голове.

Со всех сторон к качелям подступили ухмыляющиеся добровольцы. Они неторопливо оттащили качели назад и, перемигнувшись, разом бросились вперед, толкая люльку, пронесли ее с разбегу у себя над головами и рассыпались в стороны.

— Помалу... помалу... — стараясь не обнаруживать охватившего его беспокойства, сдержанно просил Пилип Максимович.

Степенно, слегка приседая по очереди, они с Руденком поддали несколько раз, и качели на взлете стали ложиться почти параллельно земле.

— Технически грамотно сработано, — сказал Руденок. — Легко ходят, — и, неожиданно хлебнув на быстром лету большой глоток воздуха, икнул и улыбнулся.

У счетовода приятно замерло под ложечкой, он еще плотнее сжал губы и вдруг, энергично согнув сухопарые ноги, поддал поильней.

— Ах, ты вот как? — удивленно и весело крикнул Руденок, азартно нажимая во всю силу.

Качели взлетали все выше. Отдельные смеш-

ки зрителей перешли в негромкий смех, перекачивавшийся в толпе.

Полы пиджака председателя распахивались и хлопали, как крылья, волосы растрепались. Качели стали почти вертикально, замерли на мгновение, понеслись назад с нарастающей скоростью, взлетели еще раз, и тут до собравшихся внизу донесся сверху полный отчаянной лихости взвизг: «Ии-ыи-и-х!», — и качели перевернулись вокруг своей оси.

Мальчишки покатались по траве от восторга.

Старики тряслись от смеха, прикрывая беззубые рты и подталкивая друг друга. Молодежь громко зааплодировала, когда множество рук, уцепившись за веревку, задержало и остановило качели.

— Агрегат работает нормально, — сказал председатель, тяжело дыша и стараясь пригладить поднявшиеся от ветра волосы, — грамотно оформили... А тебе бы, Василий, зайти к кладовщику, выбрать там масляной краски повеселее. А то народ приходит сюда повеселиться, а столбы у нас серые, некрашенные. Неудобно!..

Вернувшись домой, он вынес стул на крыльцо и долго сидел, наблюдая, как взлетают вверх и вниз качели, прислушиваясь к взвизгам и смеху, доносившимся с луга. Столбов ему было уже вовсе не жалко...

Кажется, единственным человеком, которому за весь день так и не пришлось покачаться, оказался сам Вася. Он до такой степени увлекся организаторской работой, устанавливая очередь, подсаживая в люльку желающих, помогая поскорей раскачаться, что ему решительно некогда было подумать о собственном удовольствии.

Да и самое удовольствие, которое он мог бы получить от качелей, казалось ему теперь совершенно ничтожным по сравнению с громадной радостью от сознания того, что шумное веселье множества окружающих его людей — все это результат его выдумки и его работы.

Однако своих девушек из мелиоративной бригады Вася, понятное дело, позабыть не мог. Маленькая Марите даже покраснела слегка от удовольствия, когда он за руку вывел ее из толпы и подсадил на качели.

— Гляди-ка, какой у нас Вася кавалер сделался, — иронически, но добродушно фыркнула Маруся, становясь в люльку рядом с Марите.

Это был единственный момент, когда у Васи появился сильный соблазн самому вскочить в люльку, четвертым, но тут же он увидел в стороне от других знакомую долговязую фигуру Яниса.

— Янка!.. Янка!.. — закричал он. — Иди сюда скорей, твоя очередь!

Янис слабо улыбнулся и отрицательно покачал головой в ответ.

Проталкиваясь сквозь толпу, Вася подбежал к нему и потянул за рукав.

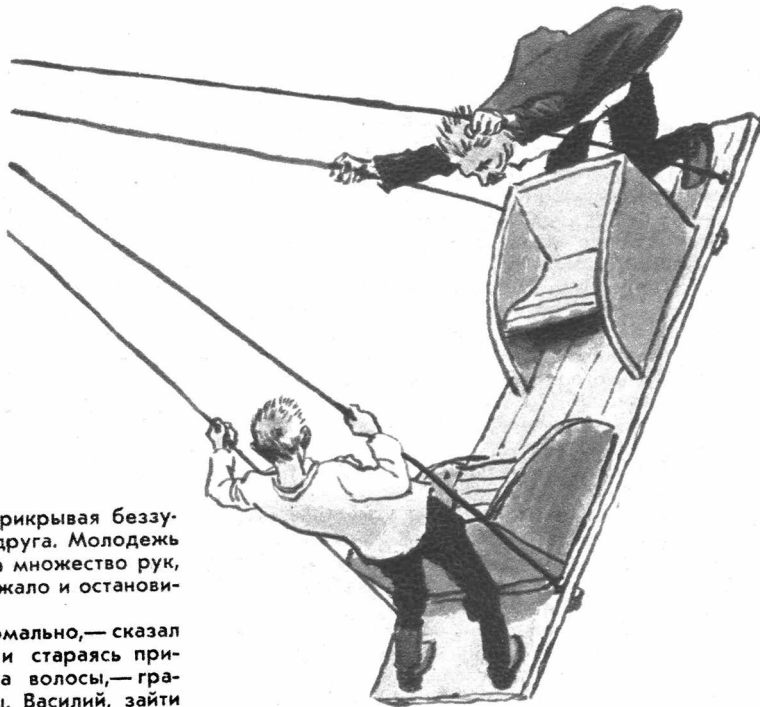
— Честное слово, ты меня обидишь! Мы старались, работали, а ты даже разок попробовать не хочешь.

Продолжая тянуть упиравшегося Яниса, Вася обернулся и увидел маленькую Марите, которая делала ему знаки, чтобы он скорей возвращался, и в то же время отмахиваясь от какого-то рыжего парня, пытавшегося занять в качелях четвертое, свободное место.

Янис, так и не дав себя сдвинуть с места, ласково похлопал Васю по плечу, повернулся и побрел прочь. В ту же минуту качели двинулись, быстро набирая скорость при каждом взмахе. Четвертым стоял вихрастый рыжий парень в вышитой рубашке. Лицо у Марите стало замкнутым и холодным, и Вася с огорчением заметил, что она не смотрит больше в его сторону.

Гулянье на лугу закончилось, когда с реки начал подниматься легкий туман и солнце совсем ушло, оставив после себя розовую полосу на западной стороне неба.

Небольшая компания собралась идти про-

водить Марите домой за четыре километра на хутор, где она жила с родителями.

Девушки все были в легких платьях, и так как становилось прохладно, провожавшие их парни накидывали им на плечи свои пиджаки. Первым из всех догадался предложить Марите свой пиджак Вася.

— Сами замерзнете, — сказала Марите.

— Я?... усмехнулся Вася и тотчас, расстегнув ворот рубахи, начал обмахиваться платком, отдуваясь и пытаясь, и хотя вечерняя сырая прохлада так и поползла к нему за шиворот, он захохотал от удовольствия, заметив, как весело смеется, глядя на него, маленькая Марите.

На ходу запели шуточную литовскую песню, припев которой почти все знали по-литовски. Вдруг Вася почувствовал, что кто-то потихоньку толкает его в бок. Он остановился и увидел старого Бринкиса, который молча показывал ему на одинокую фигуру Яниса, медленно шавшего им навстречу. Подмышкой у него была зажата скрипка в футляре из непромокаемой материи.

Минуту они постояли молча, глядя на своего бригадира.

Марите медленно шла, отставая от других, все время оглядываясь на Васю, ожидая, что он ее нагонит, и начиная уже сердиться. Вася действительно догнал ее немного погодя и взял за руку.

— Тут так получается, что мне придется остаться, пожалуй, — сказал он девушке.

— Да оставайтесь на здоровье, — вспыхнула Марите, — только сказали бы сразу, что не пойдете!

Она нетерпеливо выдернула руку, побежала догонять своих, но на полдороге все-таки обернулась. Вася был очень расстроен тем, что ему не удалось поить с девушкой, но по своей привычке все переводить на смешной лад он сморщился и сделал вид, что вытирает рукавом слезы.

Марите топнула ногой и с досадой крикнула: — Шут гороховый! — и, чувствуя, что сию минуту, несмотря на досаду, рассмеется, поскорей отвернулась и убежала.

Не сговариваясь, Бринкис и Вася одновременно подхватили бригадира под руки и заша-

гали к приветливо светившемуся в сумерках окошку небольшого домика, над которым угадывалась знакомая вывеска: «Буфет».

Хотя настроение у Васи после того, как ушла Марите, сразу потускнело, он, сидя за столом в буфете, изо всех сил старался вовлечь Яниса в разговор, растормошить и отвлечь от мрачных мыслей. Тот слушал, улыбаясь и кивая невпопад, и молча пил водку.

Наконец Бринкис начистоту спросил:

— Знаешь, Янка, ты меня сегодня просто расстраиваешь. Ну, что ты сидишь, как в воду опущенный, точно с тобой беда стряслась?

Янис улыбнулся и успокоительно похлопал старика по плечу:

— Все в порядке, Артур, все в порядке, ты ничего не думай, — и снова замолчал, как на замок заперся.

— А что означает «как в воду опущенный»? — с беспокойством поглядывая на друга, болтал, стараясь оживить разговор, Вася. — Встретятся, например, две лягушки: «Ну, как здоровье, как себя сегодня чувствуешь, соседка?» «Спасибо, прекрасно, просто, как в воду опущенная»... Да ты меня не слушаешь, Янис, я зря стараюсь!..

— Нет, что ты, я слушаю, — рассеянно пробормотал Янис, — я все слышу: лягушки встретились... — И, вдруг встряхнувшись, удивленно переспросил: — Постой, почему лягушки? Какие лягушки?

Вася посмотрел ему в лицо, безнадежно махнул рукой и замолчал.

Едва они вышли из буфета, Янис, несвязно пробормотав что-то насчет приятных прогулок и свежего воздуха, свернул в сторону и, оставив приятелей, зашагал прямо к болотистому лугу, над которым клубились в лунном свете легкие облачка тумана.

На улице редко попадались прохожие. За окнами, бросавшими косые квадраты света на мокрую от росы траву палисадики, негромко играло радио. Женский голос проговорил: «Спокойной ночи». Хлопнула дверь. Два окошка вдруг разом погрузились в темноту. Вася подумал о Марите, потом о Янисе и вздохнул:

— И что это он такой грустный? Прямо как подменили человека. Жалко его, честное слово.

— А ты можешь объяснить, почему ты такой веселый? — философски усмехнулся Бринкис, попыхая трубочкой.

— Почему? Я и сам не пойму. Я, знаешь, иной раз даже говорю себе: «Хватит все шутить да смеяться, надо быть серьезным». А начнется разговор с девушками, со своими ребятами, сразу как-то весело делается. Сразу хвост кверху, язык набок — и пошел скакать... Черт меня знает, отчего это.

— Ну вот, — поучительно заключил Бринкис, — так и Янис не может сказать, отчего он грустный. Ему грустно, вот он и грустный.

— Ну нет. Ты недалёковидный старик, Артур. Тут ты ошибаешься.

Они подошли к дому и начали тщательно вытирать ноги, шаркая подошвами по деревянной решеточке.

— Как следует ноги вытирайте, гуляки! — крикнула Анкудиновна из-за перегородки.

Они нажали посильней, чтоб было слышно, как они трут подошвы, и, немного погодя, ступая на цыпочках по крашеному полу, вошли к себе в комнату и сели ужинать у открытого окошка.

Через несколько минут с улицы послышался приближающийся треск. На освещенную лунной дорожку вылетел мотоцикл и с замирающим шумом остановился у калитки палисадника.

— Заехала проведать, как вы устроились на новоселье, — окликнула ужинающих Саша Валевская, поднимаясь на крыльцо. — Добрый вечер!

Бринкис, торопливо влезая в рукава пиджака, поспешно отворил ей дверь.

Саша передала Бринкису два привезенных из района письма, оглядела комнату и спросила, кто им готовит обед.

— Мы по-холостят, — объяснил Бринкис, вытирая рукавом и придвигая Саше стул. — Старуха моя получила у меня отпуск на две недели, поехала дочку навестить. А хозяйка у нас уж очень старенькая, не хотим обременять. Вот мы пока сами и орудуем по очереди: готовим, что попроще...

Саша подозрительно оглядела стол, на кото-

ром стояли кастрюлька с рисовой кашей и открытая банка с рыбными консервами. Взяв со стола чайную ложечку, она зачерпнула немножко каши, недоверчиво попробовала, удивленно подняла брови, попробовала еще и строго спросила:

— Это у вас рис? А почему он черный?

— Ну нельзя сказать, что вовсе черный, только немножко темный, — сконфуженно возразил Бринкис. — Вчера мы бобы варили. А кастрюлька одна.

— А помыть? — холодно спросила Саша.

— Надо бы помыть, — согласился Бринкис. — Да все равно уж скоро старуха придет. Она тут все это дело поставит на широкую ногу. Порядок будет, ой-ой!..

— Хотите, я с председателем поговорю, чтоб вас устроили на питание?

— Нет, нет, — испугался Бринкис, — старуха придет, все равно все разрушит. Старуха этого не любит, чтоб было общественное питание. Всякие эти буфеты, рестораны и тому подобное.

Саша повела носом и спокойно заметила:

— В буфете-то вы уже успели побывать...

Вася прижал руку к сердцу:

— По сто грамм и по бутылке пива. Ради wygodного.

— А бригадир вашего, я вижу, нет дома? Не нагулялся еще?

— Скоро придет, — небрежно сказал Бринкис, — мы с ним вместе в буфет заходили.

— Он что, пить стал? — каким-то странным голосом спросила Саша.

— Нет, нельзя сказать, что он пьет, но нельзя сказать, чтоб и не пил.

— А сколько он сегодня выпил?

— Ух ты, какой у нас районный мелиоратор! — с восхищением воскликнул Вася. — Вникает в такие подробности. Не бывало еще у нас таких.

— Ладно, вы отвечайте. Он выпил столько, сколько вы?

Бринкис переглянулся с Васей и пожал плечами:

— А что ж такого? Человек он довольно взрослый, можно и сказать. Выпил он точно, как мы, только наоборот: примерно грамм сто пива и бутылку водки.

Вася счел нужным пояснить:

— Он чем-то сильно огорченный. Прямо, можно сказать, подавленный. Может быть, он теперь сидит где-нибудь и играет на своей скрипке...

— Вот оно что, — сказала Саша и, поговорив немного о том, о сем: о доставке горячего, об ожидаемой дождливой погоде, международных осложнениях и торговой политике Англии, — попрощалась и ушла.

— А мотоцикл оставила, — таинственно прошепел Вася.

— Ну и что ж такого? — пробурчал Бринкис. — А то, что у нас назревают события, — горячо прошептал Вася, косясь на открытое окно.

— Пошел ты со своими событиями! — добродушно буркнул Бринкис. — Насчет женского пола бригадир — железный человек.

— Железный! А ты слыхал, как они разговаривали, когда встретились?

— Обыкновенно, как люди разговаривают. Не мяукали и не блеяли. Говорили по-человечески, насчет запасных частей для ремонта.

— Эх-х!.. — с досадой стукнул кулаком по подоконнику Вася. — Недальновидный ты старик, Артур!

Бринкис в ответ только зачмокал, с наслаждением раскуривая свою трубку, так, что окутал нос и всю верхнюю половину лица облаком едкого дыма, и невозмутимо принялся

распечатывать конверт привезенного Сашей письма.

Вася с досадой махнул рукой и пошел из комнаты, но в дверях еще раз обернулся и постарался сделать презрительное лицо:

— Только знает сидеть, носище свой обкуривать... будто фруктовое дерево какое от вредителей, — и, нарочито громко засмеявшись своей остротой, вышел в темноту тенистого палисадника, заросшего сиренью.

Оставшись один, Бринкис отложил дымящую трубку на стол, подперев ее спичечной коробочкой, неторопливо разделся и, улегшись в ночной рубаше в постель, снова сунул трубку в зубы. Только после этого он стал читать письмо от жены.

Читал он медленно, с удовольствием, то приподнимая от удивления одну косматую бровь, то усмехаясь, а в одном месте даже вытащил изо рта трубку и затрясся от хохота. Жена писала Бринкису, что гостит у дочки, что приняли ее, как полагается, хорошо и не хотят отпускать, но она все равно вернется в срок, потому что тут хотя внучата и маленькие, но за ними есть кому приглядеть, а за ним, старым, присмотреть некому и он, того гляди, либо застудит больную поясницу и некому будет его растереть муравьиным спиртом либо — еще того хуже — начнет за девочками бегать. То место, где высказывалось крайнее неправдоподобное предположение насчет девочек вперемежку с весьма правдоподобным беспокойством по поводу поясницы, понравилось Бринкису больше всего, и он с искренним восхищением повторил несколько раз вслух:

— Ай старуха! Ну и старуха!..

Только дойдя до поклонов, Бринкис успокоился и стал позевывать. Он спрятал письмо под подушку, полежал минуту, с удовольствием сквозь дрему прислушиваясь к непривычному далекому пению белорусских девчат, доносившемуся с другого конца деревни, и, чувствуя приятное дуновение свежего ветерка на щеке, повернутой к открытому окну, задремал.

Немного погодя, проснувшись от скрипа половиц, он увидел Васю, который, стоя к нему спиной посреди комнаты, раздеваясь, с яростью отшвыривая на стул каждую снятую с себя вещь.

Бринкис встревоженно сел на постели, подбрав ноги, и спросил, что случилось.

— Тебе неинтересно. Спи! — огрызнулся Вася.

— Интересно! — уверял Бринкис. — Расскажи, пожалуйста! Видишь, я совсем проснулся!

Вася сорвал с себя майку, смял ее в комок, изо всей силы швырнул на стул и порывисто обернулся:

— Плачет!.. Да так плачет, что лучше бы я сам простоял полночи, уткнувшись лбом в дерево! Лучшее бы я... Вася, страстно раздувая ноздри, стиснул кулаки и, сдержавшись, продолжал шепотом: — Пошел я за ней и все думаю. Вроде, идти ей тут поблизости некуда. А мотоцикл она оставила, значит, пошла куда-то поблизости. Вышел я на шоссе, прошел до большого камня. Затем по лугу, мимо качелей, остановился и думаю, пора мне обратно, тем более под ногами уже чавкает: болото близко. И как раз тут слышу: пилит где-то вдалеке, да тоненько так, жалобно и с переливами...

— Пилит, говоришь?

— Ну на скрипке пилит, на скрипке, понимаешь?

— Бригадир?... Бринкис, заражаясь волнением Васи, схватил и начал торопливо набивать трубку. — В болоте на скрипке играет?

— Играет! Знаешь, за рощей, там бульдозер стоит? Вот он на этом бульдозере сидит с закрытыми глазами и играет посреди самого пустынного места. И луна светит.

Бринкис отбросил одеяло и, выпрямившись, сел на постели в длинной рубаше, отчаянно пытаясь трубкой.

— Ай!.. Ай!.. Ай!.. — с чувством проговорил он и быстро зашевелил от волнения пальцами босых ног.

— Слушай дальше, легкомысленный старик!.. Я зашел в рощу и по опушке осторожно подхожу ближе. И начинаю различать какие-то новые звуки. Кто-то плачет потихоньку. И вдруг вижу в роще, шагах в ста от бульдозера, за деревом стоит наш мелиоратор, районный начальник. В этом своем пиджачке сереньком. Стоит, уткнувшись лбом в березу, и так тихонечко всхлипывает. Послушает, как Янис играет, всхлипнет, а потом, словно маленькая или щеночек брошенный, даже повизгивать начнет и сейчас же рот себе ладонью зажимает... Невозможно спокойно глядеть!

После долгого молчания Бринкис подавленно вздохнул:

— А ведь такой железный был человек!

— Я тебя предупреждал, самоуверенный старик. Ты слушать не хотел.

Несколько мгновений старый Бринкис молчал, напряженно думая. Потом поднял вверх палец:

— Есть русская пословица насчет того, что надо пуд соли съесть, чтобы узнать человека. Очень хорошая пословица, только, я вижу, неправильная. Я бы так сказал: другой раз, когда ты скушал эти шестнадцать килограммов и уже вообразил, что человека узнал до последней жилки, садись и начинай кушать следующие шестнадцать килограммов, потому что вернее всего окажется, что ты еще ни черта не узнал...

Когда некоторое время спустя в палисаднике стукнула калитка, Бринкис сделал испуганное лицо, с неожиданным проворством юркнул под одеяло, закрыл глаза и отвернулся к стене. Вася бросился на свою постель и накрылся с головой.

Янис тяжелыми, твердыми шагами взшел на крыльцо, не поднимая глаз, прошел по комнате и положил на стол скрипку.

Вася начал удивительно естественно и старательно похрапывать.

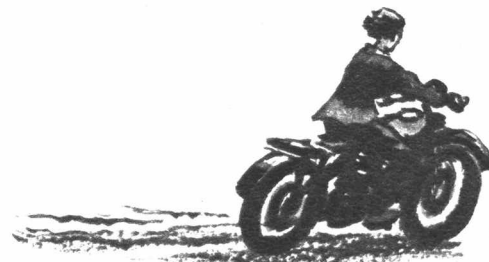
Через несколько минут, когда бригадир потушил огонь и лег, Бринкис приподнял край одеяла, из-под которого повалил дым, осторожно выпростал руку и отложил на подоконник непогасшую трубку.

Бригадир, не шевелясь, лежал с открытыми глазами, закинув руки за голову, глядя, как на стене колеблются лунные пятна вперемежку с черными тенями листьев.

Скоро Вася перестал храпеть, потому что заснул уже по-настоящему, а старый Бринкис начал потихоньку похрапывать по той же причине.

С улицы донесся треск заработавшего мотора мотоцикла. Треск все усиливался, потом быстро стал затихать, удаляясь в сторону города.

(Продолжение следует)

РЕЙКЬЯВИК—

КОПЕНГАГЕН—

ПРАГА

Путевые очерки

Борис ПОЛЕВОЙ

3. Чехословацкая весна

Совершив большое путешествие от Полярного круга через океан и страны Западной Европы, мы вернулись в Прагу в разгаре июня. Побурели, пожухли и уже опадали цветы на градчанских каштанах. Раскрывались бутоны на прекрасных пражских липах. Красавица Влтава сверкала и голубела, отражая густые краски жаркого летнего дня.

И все же в заглавии этого последнего очерка нет описки. Именно радостной и яркой весной хочется назвать то, что мы увидели, вернувшись в Чехословакию.

Дыхание этой весны мы почувствовали сразу же, как только рейсовый самолет чехословацкой авиалинии оторвался от бетонной дорожки Копенгагенского аэродрома. Еще не растаяли в утреннем тумане шпили и колокольни столицы Дании, еще голубела во мгле морская гладь, как стюардесса самолета, миловидная курчава девушка в синем форменном мундирчике, по-детски радостно сверкая глазами, шепнула каждому из советских пассажиров: «Соудруги! У нас в Чехословакии вас ждет славная новость: отменены карточки! Впервые за четырнадцать лет живем без карточек! Магазины полны — в них все-все есть...»

И действительно, за сравнительно недолгое время, с тех пор, как мы, направляясь в Исландию, останавливались в столице Чехословакии, чтобы пересечь с советского самолета на бельгийский, Прага даже внешне преобразилась.

Прага — один из самых прелестных европейских городов, какие мне доводилось видеть. Здесь ее ласково называют «злата Прага». Но даже поднявшись на стены древнего Града или еще выше — на колокольню собора Святого Вита, с которой город, рассеянный голубой саблей Влтавы, просматривается до самых окраин, — даже оттуда не увидишь, пожалуй, ни одного золоченого креста, ни одного сверкающего шпиля башни.

В ласковом наименовании «злата Прага» народ как бы запечатлел золотую душу этого древнего и вечно юного города, где с величайшей бережливостью сохраняются прекрасные образцы средневекового зодчества, как бы вмонтированные в ряды совре-

менных домов; где улицы утопают в зелени парков; где вереницы самых современных «татр» и «татропланов» проносятся по узким улочкам-щелям и останавливаются у домов, над воротами которых еще сохранились подковы, раки, солнце, ключи, сапоги со шпорами и иные барельефные изображения, заменявшие в средние века современную уличную нумерацию.

Мне посчастливилось видеть столицу Чехословакии в решающие дни ее новой истории.

Я помню тот майский день, когда жители Праги встречали передовые отряды Советской Армии — освободительницы, пробившейся сюда, чтобы прикрыть город своей стальной броней от гитлеровских варваров. Ликующая Прага радостно переживала тогда первые часы свободы, принесенные ей советскими танкистами.

Видел я и другую Прагу, суровую, молчаливую, с грозно сдвинутыми бровями. Это было в феврале 1948 года, когда в ответ на спровоцированный из-за океана путч министров-предателей народ встал на защиту своей свободы, мира и независимости.

И вот теперь перед нами развевалась картина радостной Праги, пожинающей плоды победы народа. Это плоды правильной политики Коммунистической партии и народного правительства, плоды общих усилий трудящихся по укреплению мирной экономики, плоды великой и нерушимой дружбы Чехословакии и Советского Союза.

Какой разительный контраст с тем, что мы только что видели в странах Западной Европы, с их неустанно подогреваемой военной истерией, с тревогой домашних хозяек, беспокойно посматривающих по утрам на витрины магазинов: не подскочили ли за ночь цены?

От друзей жители Праги не прячут ни радости, ни горя. Мы еще не доехали до отеля, как шофер наш успел весьма популярно разъяснить все преимущества денежной реформы, осуществленной чехословацким правительством:

— Ведь карточки у нас существовали с первого сентября 1939 года. Вон когда их ввели! Мой сын Йошка — он учится уже в седьмом классе — прибежал домой, вытаращив глаза, и спрашивает меня: «Отец, а разве можно жить без карточек?» Ему, видите ли, даже понять это трудно. Малому был всего год, когда ввели карточки. И уж с каким удовольствием разъяснил я своему Йошке, что без карточек жить не только можно, но и очень хорошо можно жить, если только у тебя есть правительство, которое не хочет войны и проводит политику мира!

Гордость, хорошая хозяйская гордость сквозила в словах шофера. Отмену карточек, денежную реформу, сразу же поднявшую реальную стоимость чехословацкой кроны, он воспринимал не только как важную общегосударственную меру, но и как свое собственное, личное достижение.

Прага. Вид на Старый город.

— Наша корунка теперь, наверное, — самая твердая валюта в Западной Европе, — хвастался он. Как истый чех, человек практичный, он тут же прикидывал: — Перед войной наше пивечко стоило коруну и двадцать галлеров бутылка. Видите, пан, не дорого. А сейчас семьдесят галлеров. А ведь тогда у нас в иной год до миллиона безработных было! И заработок... Разве нынешний заработок с довоенным сравнить?

Он неторопливо вез нас по веселой, точно помолодевшей за эти дни Праге и, как мне казалось, умышленно притормаживал около магазинных витрин, красовавшихся изобилием товаров.

— Нет, вы только посмотрите, посмотрите, что в магазинах делается! Средний товар почти никто не спрашивает. Подавай хороший, подороже да получше! Опять известная поговорка в силу вошла: мы, мол, не такие богатые, чтобы покупать дешежку. Уж купить, так купить, ведь правда? — Он заговорщицки подмигивал в смотровое зеркальце. — А вы, наверно, там, на Западе, наслушались и начитались, будто мы тут с голоду умираем, заплатку к заплатке пришиваем? А? Ну, как же, и сюда этот собачий брех долетает. И очень теперь смешно: сидишь после работы с приятелем в любимом ресторанчике за кружкой пива. Сосиски перед тобой жиром лоснятся, дымятся, а «Голос Америки» тебе разъясняет, что, дескать, у вас, чехов и слова-

ков, есть нечего. Чем у нас дела лучше идут, тем они злее врут! По пословице: чем пес голоднее, тем больше брешет...

Отмена карточной системы и денежная реформа — это лишь одно из многочисленных проявлений роста мирной экономики народно-демократического государства.

Сидя над Влтавой, в ресторане, где по вечерам собираются писатели, художники, артисты, наблюдая, как в мягких вечерних сумерках в городе загораются вереницы огней, мы слушали рассказы друзей о том, как много событий произошло за последнее время в культурной жизни их страны.

Тепло встречена зрителем новая пьеса Мирослава Стеглика «Орденосцы». Это пьеса о славных шахтерах черной Остравы. Прошлой осенью мне довелось побывать в Остраве. Там я познакомился с человеком, который теперь стал прототипом героя пьесы. Это был славный парень, неистовый, непримиримый в своем стремлении к намеченной цели. Сейчас его образ живет на сцене. Драматургу удалось показать своего героя в борьбе, показать ломку и становление его характера. Это усиливает интерес к пьесе и спектаклю. А прототип пьесы, живя в реальном мире, показывает, как мне рассказывали, все новые трудовые достижения.

В театре имени Зденека Неедлы с успехом прошла новая пьеса Яна Дрды «Романс об Ольджихе и

1 По-чешски — товарищи.

Божене». Взяв имена героев популярной древней чешской легенды, автор со свойственным ему народным юмором, с хитровой улыбкой рассказал правдивую историю о том, как появление советского комбайна на полях рядового земледельческого кооператива Чехии вдруг меняет весь уклад этой еще не вполне сформировавшейся артели. Новая техника, пришедшая на поля, помогает передовикам ломать замшелые вековые устои, выводит их на чистую воду кулака и разоблачает его тайные козни, налаживает новую жизнь.

Только что с большим успехом прошла премьера весьма своеобразного фильма, «Африка через действительность», о котором в Праге до сих пор еще не смолкли споры и разговоры.

История этого кинофильма очень показательна для сегодняшней Чехословакии, переживающей всесторонний творческий подъем. Несколько лет назад инженеры государственной автомобильной фирмы Ганзелка и Зикмунд отправились в большой автопробег через африканский материк на машинах «Татра» новой модели. Целью их путешествия было проследить в длительной обкатке поведение новой машины. Но это были люди народно-демократического мира, творческие, активные и наблюдательные. У них с собой был киноаппарат. Без особых ухищрений они снимали жизнь африканских народов, по землям которых лежал их путь. Получился волнующий научно-познавательный фильм. Он богат интереснейшими этнографическими съемками. Но за экзотикой инженеры народно-демократической страны сумели разглядеть и запечатлели страшные картины колониального угнетения. Они особенно ужасны на фоне богатейшей природы. Первую часть этого фильма, показывающую путь из Египта до Южно-Африканского Союза и завершающуюся восхождением на вулкан Килиманджаро, чехословацкий зритель уже посмотрел.

На очередной выставке работ художников республики в этом году демонстрировалось немало новых интересных полотен, рисунков и скульптур. С особой радостью общественность столицы отметила отказ многих талантливых мастеров от былых формалистических увлечений и общий сдвиг в сторону реалистического, полного, жизнеутверждающего искусства, продолжающего славные классические традиции.

Когда-то великий гражданин Чехословакии Юлиус Фучик, с восторгом описывая свои поездки по Советскому Союзу, называл их путешествиями в радостный мир будущего. Теперь это будущее, за которое до последнего удара сердца боролся бесстрашный коммунист, за которое он сложил свою прекрасную голову, становится настоящим и в его стране. И нам, советским людям, особенно радостно наблюдать, с каким искренним энтузиазмом сограждане Фучика, строя новую жизнь, обращаются к опыту советских людей.

Укрепление дружбы народов Чехословакии и СССР, дружбы на вечные времена, покойный президент Клемент Готвальд считал главным делом своей жизни. Сейчас трудящиеся Чехословакии неуклонно продолжают это великое дело.

Попрежнему плодотворно работает Союз дружбы Чехословакия — СССР — одна из самых массовых организаций в стране. Шли областные конференции Союза, и везде обсуждался вопрос, как организовать изучение и творчески осуществить в условиях республики передовые методы советских новаторов во всех областях жизни. На фабриках, в сельскохозяйственных кооперативах появились бригады имени Союза дружбы. Осенью прошлого года я был свидетелем рождения первых таких бригад; зачинателями этого движения явились угольщики Остравы. Теперь таких бригад в стране сотни. Вооруженные методами новаторов советской индустрии и сельского хозяйства, творчески применяя их методы в условиях Чехословакии, бригады Союза дружбы становятся, в свою очередь, своеобразными лабораториями передового опыта.

— Эти бригады играют существенную роль в большом подъеме производительности труда, который мы замечаем, нет, видим — ведь так правильное порусски, — видим у нас в последние месяцы, — сказал нам молодой инженер, изясняясь довольно бегло и чисто.

— Вы свободно владеете языком. Бывали у нас?

— Нет, пока еще только мечтаю побывать. Я изучил язык в кружке у нас на заводе. Союз дружбы имеет тысячи кружков по изучению русского языка. В них обучается триста тысяч человек.

Триста тысяч человек! Вот оно, подлинно всенародное проявление великой дружбы, рожденной в дни совместной борьбы наших народов с общим врагом человечества — немецким фашизмом!

Во время путешествия по странам капиталистического Запада часто доводилось слышать по радио и читать злобно-клеветнические сообщения о Чехословакии. Заокеанские империалисты не жалуют миллионы, для того чтобы отравить сознание тружеников неусветной ложью, в которой они выдают свои сокровенные коварные мечты за реальную действительность. И, естественно, мы не раз спрашивали своих собеседников, что они думают по поводу американских передач о Чехословакии.

— Собака лает, ветер носит, — ответил один из рабочих и добавил: — Только ведь у нас теперь мало кто их слушает, зря миллионы долларов летят в эфир.

Да, что бы ни выдумывали империалистические фальсификаторы и какие бы мощные современные радиостанции ни транслировали их измышления, — всякий честный человек, перелетев границу капиталистического мира и очутившись в народно-демократической стране, переживает то же, что пассажир парохода, вышедшего из зоны тяжелой качки на спокойный, освещенный солнцем водный простор. Ноги с удовольствием ощущают прочность палубы, легкие ловят чистый, спокойный воздух.

Провожая на аэродром, один из пражских друзей вручил нам на память ветку цветущей липы — любимого дерева чехословаков. Это были летние цветы — лето было в разгаре, — но, прощаясь с Прагой, мы уносили все то же ощущение буйной, молодой весны.

Прага, июнь.

Московское лето

Яков ХЕЛЕМСКИЙ

СТАНЦИЯ МЕТРО «КИЕВСКАЯ»

Чистый свет в глаза привычно хлынул.
Я спускаюсь в многоцветный зал.
Красками любимой Украины
Свод подземный щедро засиял.

Мнится, от Владимирской
к Подолу
Нас по склону мчит фуникулер
И сейчас откроется веселый,
Осененный радугой простор.

Ветерок струится из туннеля,
И спадает летняя жара,
Словно под обрывом засинели
Дали многоводного Днепра.

Плиток глазурованных узоры
Вдоль по стенам тянутся, пестры.
А под кистью ожили шахтеры,
Трактористы, жницы, гончары.

Бандуристом тронутые струны,
Если очень вслушаться, звучат.
В палатах и венках кружится
юность —
Хоровод смеющихся девчат.

Земляки! Мы снова увидались.
Вы, от наших топей вдали,
Появились в этом светлом зале,
Не с картин, а с поезда сошли.

Вам в столице бесконечно рады.
Каждого с открытым сердцем
ждут.

Кто приехал получать награду,
Кто держать экзамен в институт.

Кто с проектом,
кто на совещанье,
Кто в Москве свой отпуск
проведет.
Восхищенно смотрят киевляне
На ковровый, многоцветный свод.

Я стою на станции, взволнован.
Дружеских объятий горячей,
Слившийся с украинскою мовой,
Близкий сердцу говор москвичей.

ЭЛЕКТРИЧКА

В лугах, раскинутых окрест,
У деревянного вокзала
Кузнечиков ночной оркестр
И посвист птицы запоздалой.

Гудок летит из темноты,
Бежит дорожка световая,
Навес, платформу и кусты
Лучом слепящим обдавая.

Состав проносится в ночи,
И, завершая день воскресный,
Спешат в столицу москвичи.
В вагонах весело и тесно.

В одном — душевный разговор
Теряется в колесном гуле,
В другом — гармонии перебор
И «Сормовскую» затянули.

Шуршит щбенкой полотно,
И, свет летящий догоняя,
В полуоткрытое окно
Влетает бабочка ночная.

В прохладном тамбуре темней.
Лишь блики движутся по стенам.
Студент сокурснице своей
Твердит о самом сокровенном.

И месяц выплывший готов
В дороге озарять влюбленных...
Букеты полевых цветов
Качаются во всех вагонах.

И удочка, и камыши,
И вороха густой сирени...
Спят, уморившись, малыши,
Уткнувшись матерям в колени.

Мерцает небо меж листвы,
Рассвет предчувствуется ранний.
А впереди — огни Москвы,
Сияние высотных зданий.

И вот уже вокзальный гам,
Троллейбус, поздние трамваи.
По улицам и площадям
Струится свежесть полевая.

Песенка Сагурамо

Из стихов о Грузии

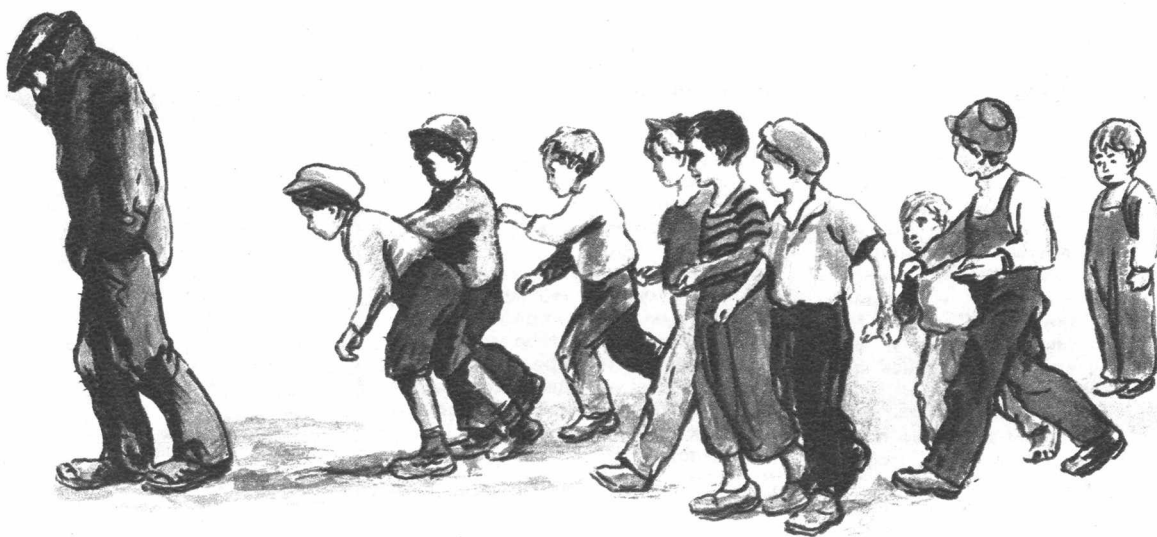
Александр МЕЖИРОВ

Незнакомая страна...
Родниковая струна
День и ночь звенит под камнем
Возле самого окна.

Горы около зари.
Рассветает ровно в три.
Ветерки над Сагурамо —
Облаков поводыри.

Дремлет подле родника
Погруженная в века
Кахетинская посуда,
Захмелевшая слегка.

Незнакомые края...
Родниковая струя
День и ночь о камень точит
Ледяные острия.

РОЖДЕНИЕ ПРОТЕСТА

Рассказ

Халлдор СТЕФАНССОН

Рисунки Л. Бродаты.

Рассказ «Рождение протеста» принадлежит перу известного современного исландского писателя — Халлдора Стефанссона. Это большой и тонкий мастер новеллы, автор популярного на его родине романа «В скобках». Все его рассказы отличаются тонким психологическим рисунком. В большинстве из них и в романе он остро трактует вопросы социального неравенства, рисует портреты «униженных и оскорбленных» в капиталистическом мире людей.

Халлдор Стефанссон является одним из прогрессивных деятелей страны, активным другом Советского Союза и участником движения «Тверангеура», как называют в Исландии движение сопротивления американской оккупации. Должно быть, поэтому он и выбрал для публикации в советской печати рассказ «Рождение протеста», показывающий нарастание протеста детей в защиту одинокого поэта, протеста против полицейского произвола и грубого вторжения «сильных мира сего» в жизнь простых людей.

Халлдор Стефанссон — друг советской литературы. Он перевел на исландский язык роман М. Горького «Мать» и некоторые другие произведения русских и советских писателей.

Б. ПОЛЕВОЙ

Заметив, что он идет по улице, мы прекратили игру. Даже Ионни, подмявший под себя Бьосси и собиравшийся дать ему взбучку, застыл, и его рука остановилась, не нанеся удара, похожая на палку, наискось воткнувшуюся в кочку. Мы впились в приближавшегося человека полным ожидания плутоватым взглядом, какой появляется у мальчишек, еще не достигших возраста конфирмации, когда они чувствуют внезапную возможность нападения. И вдруг молчание сменилось хохотом и криком. Мы заплесали вокруг него, как дикари вокруг огня.

— Прощельга!

— Бродяга!

— Чур меня, чур меня! — кричали малыши, еще не забывшие детских сказок.

— Куда путь держите? — с лукавомысленным видом спросил Оли.

Он провел как-то лето в деревне и считал, что ему-то уж известно, как нужно приветствовать чужака.

Человек не отвечал, он продолжал идти, насколько это было возможно, среди стаи дразнивших его ребят.

— Он из Шотландии, — завизжал Стейни.

Нам это почему-то показалось необычайно смешным.

— Из Шотландии, — повторил Ионни и приподнял сзади полу пальто незнакомца.

Гомерический хохот.

Человек попрежнему молчал.

— Ты глухой? — невинным голосом спросил Оли.

— Нет, — кратко ответил тот.

— Он глухой? — спросил Бьосси, не слышавший ответа.

— Разве ты не слышал, как он сказал, что он не глухой?

— Что-то не верится, хотя он и говорит это.

Это было пределом остроумия. Однако Ионни придумал нечто еще более остроумное.

Ионни медленно шел за чужаком, внимательно следя за ним, как человек, катящийся перед собой бесформенный камень для своей

ограды и прицеливающийся, как бы поудобнее за него взяться.

— У него нет головы, — вдруг сказал он.

На мгновенье стало тихо, потом мы взвизгнули от изумления и стали кричать и хохотать в ответ на шутку Ионни.

Теперь мы все шли за человеком без головы и веселились. Его сильные покатые плечи были так высоко подняты, что головы не было видно за поднятым воротником куртки. Шея его была согнута, и казалось, что голова прикреплена прямо к груди. Сжатые в кулаки руки он засунул в карманы брюк, и они выпирали на бедрах, как два громадных камня. Одежда его отливала тем характерным зеленым цветом, который приобретает черная материя, испытывая на себе в течение долгого времени попеременное влияние дождя и солнца.

Он упрямо молчал, и мы скоро перестали выкрикивать ругательства. Мы шествовали в процессии, возглавляемой человеком без головы, и представляли его каждому встречному.

— Оставьте его в покое, это Манни! — крикнули нам.

Это имя пришло к нам уже иссякавшую фантазию. После нескольких взрывов хохота мы закричали:

— Послушай-ка, тебя зовут Манни? Нет ли у тебя манной крупы, Манни? Будь же мужчиной, Манни!

Ответа не последовало, и наконец он исчез в одном из домов, а мы занялись чем-то другим.

Манни остался в нашем маленьком поселке, и постепенно мы узнавали о его жизни. В ней не

было никаких примечательных событий, и мы, собственно, ничего толком не знали ни о нем, ни о том, откуда он явился. Он был несчастным человеком, неудачником, бродягой, полоумным — вот все, что мы слышали. Говорили, что он стал «таким» не то из-за девушки, не то из-за водки. Он подавал большие надежды, пока «это с ним не случилось». Прекрасный поэт, но падкий на выпивку, как большинство исландских поэтов. Он был бы богат и знаменит, если бы не «это». Короче говоря, все было похоже на не связанные друг с другом странички, вырванные из книги сказок.

Конечно, Манни когда-то жил обычной человеческой жизнью, но мы слышали только отрывочные рассказы о его никчемности и о его таланте, относившиеся к этой прежней жизни. Во всяком случае, когда-то у него было такое же имя, как у всех людей, но никто больше не помнил ни его имени, ни его стихов. Ему же было безразлично, что о нем думают; он никогда не пытался напомнить о своем прошлом или как-то отличаться в настоящем. Он жил как бы в полном оцепенении, никогда не затевал разговора и едва отвечал, когда к нему обращались. Язык его в таких случаях был неповоротливым, неуклюжим, ведь он так редко им пользовался. Часто он часами стоял неподвижно, опустив голову на грудь, засунув руки в карманы и тупо глядя себе под ноги.

— Он сочиняет стихи, — говорили мы друг другу.

И мы говорили это не с насмешкой, а с благоговением, ибо Манни был именно таким, каким, по нашему мнению, должен быть поэт. Мы совершенно изменили свое отношение к нему, когда немного узнали о нем и убедились, что он не отвечает на наши насмешки.

Он поселился в заброшенном сарайчике у самого берега, опущенного прибоем. В сарайчике когда-то помещалась рыбная лавка. На берегу Манни собирал выброшенные морем щепки, разводил огонь и варил на нем тресковые головы или еще что-либо, что ему давали, вернее, бросали, когда он молча стоял, наблюдая за тем, как чистят рыбу. Никто о нем не заботился, никому не было дела от того, жив он или умер. Но люди не были враждебны к нему. Если он находился поблизости, когда чистили новый улов, ему давали свежую рыбу. Случалось, что какая-нибудь женщина в разгаре уборки приглашала его на кухню выпить кофе, но вообще-то он был полностью предоставлен самому себе.

Мы часто стояли в дозоре у сарая, но никогда нам не удавалось увидеть, что Манни там делает. Он плотно закрывал дверь и завешивал мешковиной окошко. Мы же никогда не пытались проникнуть внутрь. Мы вообще перестали его преследовать и даже взяли его под свое покровительство. Нам нравилось, что он живет здесь, и мы удивительно часто думали о нем, даже в разгар самой веселой игры. Мы всегда говорили о нем и питали к нему далеко не обыденный интерес. В нем мы видели не грязного, отупевшего бродягу, а нечто другое. Он был чем-то мистическим, загадкой, мечтой о таинственном.

Однажды мы собрали прутья и стружки и принесли их Манни. Мы

¹ Игра слов: манни по-исландски — мужчина. Прим. пер.

ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНИКИ МАЛОЙ КАРАГАНДИНСКОЙ

— Извините, но провоз животных в вагонах воспрещен, — решительно заявляет пассажирке дежурная по станции.

Дежурная Люда Анименко учится в 9-м классе. Пассажирке, явившейся к отходу поезда с кошкой на руках и купившей в кассе целых два билета, нет еще и семи лет. Конечно, девочке можно простить незнание порядков, существующих на железных дорогах, и Люда меняет официальный тон на дружеский. Она советует оставить кошку на попечение родителей, пока поезд совершит очередной рейс от станции Победа до станции Абай и обратно.

Главный кондуктор шестиклассник Витя Иващенко дает свисток — и состав трогается. Миниатюрный паровоз тянет за собой нарядные вагоны. На каждом из них большими серебряными буквами четко выведено: «Малая Карагандинская железная дорога». Протяженность маршрута — всего полтора километра. Но за время путешествия, совершаемого по берегу реки Ишим, вокруг Акмолинского парка железнодорожников, пассажиры увидят и паровозное депо и будущую стрелочницу, проедут и лесом, и полем, и по мосту. Многие из них тотчас после первого рейса прибегут к начальнику дороги Антонине Петровне Рыжовой с просьбой зачислить их «на службу».

— Пожалуйста, ребята, — с улыбкой отвечает им Антонина Петровна. — Но прежде чем водить поезда и работать на станциях, вам надо кое-чему научиться. Записывайтесь в железнодорожные технические кружки при школах.

Такие кружки работают при восьми школах Акмолинска. В них ребята знакомятся с паровозным хозяйством, сооружениями пути, диспетчерской службой. Каждую весну на Малую Карагандинскую приходят новые «специалисты».

Летом, когда в Акмолинском парке железнодорожников открывается пионерский лагерь, Малая Карагандинская работает в две смены. С утра до вечера нет отбоя от пассажиров.

На подножке паровоза сидит седобородый человек в промасленной спецовке. Это Константин Григорьевич Михайленко — инструктор. Один из старейших машинистов большой, настоящей Карагандинской железной дороги, он проработал на транспорте более 40 лет.

— Толковые ребята, — говорит Константин Григорьевич про своих юных учеников. — Дайте срок, поведут они поезд по Южсибу.

Смогул Мусабаяв и Жалил Манажанов, например, мечтают по окончании семилетки получить образование в железнодорожном техникуме и пойти работать на новую железную дорогу Акмолинск — Павлодар, которая явится одним из звеньев будущей Южно-Сибирской магистрали.

Немало акмолинских школьников — активистов Малой Карагандинской — учится сейчас в транспортных техникумах и вузах. Владимир Жеребетьев стал помощником машиниста. Нередко бывшие школьники, ныне учащиеся Акмолинского железнодорожного техникума, в свободные часы приходят в парк проводить своих младших товарищей и, вспоминая недавнее прошлое, с увлечением водят поезд, работают на станциях, приводят в порядок пути. Это их первая производственная практика.

С. МОРОЗОВ

нести Манни еду. Наши матери снабдили нас бутербродами, а Бьосси оказался изобретательнее всех нас, — он притащил бутылку молока. Мы не решались сами отдать все это Манни: нам не хотелось, чтобы он воспринял это как милостыню. Мы положили еду в пакет, и я написал на нем: «Господину Манни, в Сарай». Мы оставили пакет у его двери и спрятались поблизости.

Ждать пришлось долго, наше терпение почти уже истощилось. Но вот Манни вышел. Он остановился у двери, долго смотрел на пакет, медленно наклонился, прочел написанное, взял пакет и ушел в сарай.

— Тебе бы следовало написать, от кого это, — сказал Ионни, но никто не присоединился к этому мнению: от него отдавало безвкусицей.

Однако на другой день Манни чрезвычайно убедительно доказал, что не нуждается в милостыне. Он отправился прямым путем в лавочку и купил сухарей на целых два-

дцать эре.

За все лето с Манни не произошло ничего примечательного. Казалось, его окружают могильный покой и мир, и иногда, когда мы видели, что он попрежнему стоит неподвижно, молча и отупело, нам казалось, что время остановилось. Но к осени мы стали замечать, что взрослые что-то замышляют против Манни. Он замерзнет в сарае зимой. Лучше отделаться от этого бродяги, пока есть время. Его приход должен позаботиться о нем. Нельзя допускать, чтобы он стал обузой для нашего прихода.

Мы все чаще слышали такие разговоры и поняли, что Манни грозит какая-то опасность. Мы считали, что мы открыли Манни и что только нам принадлежит нераздельное право на него. Поэтому мы попытались вывести, в чем дело, и заявили друг другу, что не допустим, чтобы с ним случилось что-либо дурное.

На наши расспросы нам отвечали, что его, конечно, отправят в тот приход, откуда он родом. Мы не успели еще придумать план

спасения Манни, как однажды увидели, что полицейский, председатель местного муниципалитета и два дюжих парня вошли в сарай. Немедленно были посланы гонцы за всеми ребятами, и вскоре мы были все в полном сборе. Мы были серьезные, ругались, но, правда, не очень громко, и не знали, будем ли протестовать или помогать.

Вскоре подошло несколько взрослых мужчин, и мы сочли благоразумным не прибегать к насилию, чтобы освободить Манни из рук властей предержащих.

Мы видели, как два здоровых парня вытащили Манни из сарая и повели к причалу, где стояла моторная лодка. Манни волочил ноги, оказывая молчаливое сопротивление, но власти предержащие науськивали на него подчиненных, а полицейский сказал ему:

— Тебе следовало бы сдать добровольно, несчастный бродяга.

Мы плелись сзади, молчаливые и растерянные. Мы вынуждены были быть свидетелями того, что нашего строптивого опекаемого тащили таким позорным образом.

У причала, когда Манни увидел моторную лодку, его охватила внезапная решимость, и он вырвался, собираясь бежать.

— Нет, нет! — закричал он.

Тотчас же подоспели шедшие сзади и казавшиеся непричастными к делу люди. Они схватили Манни и отнесли его в лодку. Больше он не вымолвил ни слова.

Мы посмотрели друг на друга. Неизвестно, кто начал первым, но мы все запели:

«Вперед, сыны отечества...»

Мы толпились на причале, оттолкнув удивленных и ругавшихся парней в сторону, и звонко пели боевую песню марсельцев.

Моторная лодка отошла от причала. Манни стоял у рубки в своей обычной позе, засунув руки глубоко в карманы и опустив голову на грудь, но нам показалось, что он улыбнулся мимолетной улыбкой, и песня наша зазвучала угрожающе:

«Вперед, вперед, напоим нашу землю вражьей кровью...»

...А может быть, этот первый в нашей жизни организованный протест против грубого произвола был только плодом фантазии юных бунтовщиков.

Перевела Н. Крымова.

добыли их не совсем-то честным путем, но это ничуть не отягощало нашу совесть. Оказывая ему эту помощь, мы были исполнены любопытства и надежды, что он, может быть, пригласит нас в сарай. Но наши надежды разлетелись в прах. Он стоял у двери и упорно глядел на пальцы ног, начавшие вылезать из сапог. Он даже не взглянул в нашу сторону и ничего не сказал нам, когда мы принесли свой дар. То ли из уважения к скальду, то ли из сострадания к обманутой любви, но мы не вошли в сарай со своей ношей. Мы молча сложили ее у стены и удалились.

Только Ионни был недоволен: проклятый козел, даже не пригласил в свою лачугу.

— Он сочиняет стихи, — тихо сказал Стейни, который был гораздо моложе нас и слышал это ранее от нас, но мы, конечно, не могли считаться с тем, что говорит Стейни, и захохотали.

Все лето мы говорили о Манни. Мы собирали рассказы о нем и украшали их своими собственными измышлениями. Теперь он был народным героем и мучеником, за которого мы несли ответственность. Мы начали собирать его стихи в старую тетрадь, но хорошо, что ни один критик не увидел их, он бы, конечно, узнал их авторов.

Бывало, кто-нибудь из нас останавливался, опустив голову на грудь и засунув кулаки в карманы брюк, глядя на свои ноги, но никто даже не приблизился к рекорду выдержки, поставленному Манни: слишком уж нетерпеливой была кровь в наших жилах, да и товарищи не оставляли в покое того, кто занимался этим упражнением в мудрости.

Оли принадлежал честь предложения от-

— Пожалуйста, получите билет!..

— Извините, но провоз животных в вагонах воспрещен.

НА МАЛОЙ КАРАГАНДИНСКОЙ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГЕ

Инструктор К. Г. Михайленко дает последние указания перед отправкой поезда.

Раздался свисток главного кондуктора Вити Иващенко...

Фото Я. Рюмкина.

На московском стадионе «Динамо».

Фото К. Владимирова.

Трудный этап кросса.

Фото Е. Умнова.

В КРАЮ БЕРНСА

Ал. СУРКОВ

Трансатлантический четырехмоторный самолет, совершающий рейсы на линии Лондон—Нью-Йорк, оторвался от бетона взлетной дорожки Норхолтского аэродрома и, пробивая сетку надоедливой, многодневной дождя, взял курс на север. Самолет настойчиво лез ввысь, пока солнечные лучи не заблестели на его влажных от дождя крыльях. По мере движения на север стала редеть ткань мохнатого ковра сплошных облаков, обнажая сначала малые, причудливо очерченные просветами кусочки земной поверхности, потом неоглядную ширину зеленых полей и рощ, испещренную самой разнообразной геометрией населенных пунктов.

Расстояние между Лондоном и транзитным шотландским аэропортом Прествик наш крылатый корабль покрыл так быстро, что не удалось даже как следует разглядеть пеструю, сугубо космополитическую компанию пассажиров. Несколько крутых виражей, мелькание летящих снизу навстречу и резко увеличивающихся в объеме построек, самолетов, стоящих на линейке, деревьев, телеграфных столбов — и мы оказываемся единственными пассажирами, извергнутыми из чрева «Викинга» в прествикском аэропорту.

Так в первых числах июня нынешнего года очутились мы в краю великого поэта Роберта Бернса — в юго-западном, омываемом волнами Атлантического океана шотландском графстве Эр.

Сквозь сутолоку большого аэровокзала наши гостеприимные хозяева — супруги Хьюз — протискивают нас к своему «кару». Хозяйка привычно садится за руль, и юркая машина, намотавшая на свои оси немало английских миль, мчится в Аллоуэй, в гости к Бернсу.

Не в пример лондонской, погода в Шотландии хорошая. Раннее лето покрыло холмы и долины изумрудной зеленью молодых трав. В теплом, прозрачном воздухе звенят жаворонки. Истопленно цветут рододендрон и дрок. От их цветения холмы окрашены то в белое, то в красное, то в лиловое, то в желто-золотое. Прикрытые тенистыми купами деревьев, мелькают по сторонам дороги фермы и поместья, и, если бы не возвышающиеся то здесь, то там серые холмы терриконов и шахтные копры, можно было бы подумать, что мы не у сердца черной, угольной Шотландии, а в каком-то идиллическом краю земледельцев и пастухов.

Проехали чистенький, резко своеобразный по архитектурному облику город Эр, и вот на окраине деревни давно знакомая по гравюрам и открыткам продолговатая, глинобитная, крытая соломенной хижина. Мы в Аллоуэе, деревне, где сто девяносто четыре года тому назад родился человек, чьи звонкие строки прозвучали на весь мир, чье имя стало национальной святыней шотландского народа.

С замирающим сердцем перешагиваем порог хижины. Небогато жил родитель великого поэта! Неширок, тесен дворик, где стояла малочисленная живность бедного арендатора. Через закоулки, кладовки, где хранилось скудное добро семьи, входим в довольно просторную, но темную комнату с маленьким оконцем (чтобы не платить лишнего налога на окна). Комната заставлена нехитрым крестьянским скарбом. Вот на этой широкой крестьянской кровати родился Бернс. Осторожно ступаем по полу — по нему давно-давно, в середине позапрошлого века, стучали голые пятки мальчугана, которому суждено было написать слова, столетиями передающиеся в городах и деревнях Шотландии от одного поколения людей другому.

С большим тщанием и любовью почитатели великого поэта восстановили обстановку, в которой протекала его детская пора, годы раннего тяжелого труда, нужды и недетских забот. С не меньшим тщанием собраны в соседнем доме богатые материалы о жизни и деятельности поэта, издания его книг, начиная с самых ранних, драгоценные для потомков рукописи его стихов, портреты, разнообразный материал, рисующий эпоху, в которую жил поэт.

Энтузиаст, хранитель музея, который после долгих лет работы в шахтах к старости пришел в этот тихий уголок, овеянный дыханием бессмертной поэзии, оживляет торжественную тишину музея великодушным, горячим, полным юношеского огня чтением певучих строф Бернса. Кажется, нет строки, вышедшей из-под пера Бернса, какую бы не знал наизусть этот неутомимый старик! Он заражает нас своим энтузиазмом, и вот под крышей старого шотландского дома мы начинаем читать дуэтом: он оригиналы, а я великодушные русские переводы стихов Роберта Бернса, сделанные Самуилом Маршаким. И здесь, в этой старой хижине, какое-то новое очарование приобретает знакомые строки. Язык и ритм оригинала сливаются с музыкой и ритмом перевода. С особой силой чувствуешь, как хорошо, непосредственно и сильно выразил шотландскую душу Бернса в звучном, ясном русском стихе талантливый переводчик.

Из хижины Бернса мы отправились на прогулку по окрестностям Аллоуэя. Неширокая живописная дорога, змеящаяся меж зеленых холмов, вывела нас к берегу реки Дун. Над рекой, на высоком холме, в «Парке Бернса», возвышается памятник поэту. Стоим на старинном, покрытом седым мхом столетий каменном арочном мосту и слушаем тихий шелест струй реки, воспетой в песнях и стихах Бернса. По этому мосту удирал на кобыле от преследования ведьм Тэм О'Шентер, чей причудливо пародийный образ родился в творческом воображении Бернса. Листва вековых деревьев, растущих на окрестных

холмах, шелестя под набегающим ветром, навевала Бернсу мелодии его стихов. Здесь, на этих дорогах, в крестьянских хижинах, которые нет-нет и промелькнут среди новых домов, в старых шотландских трактирах на дорогах, встречал поэт героев своих стихов и песен — горемык «веселых нищих»: солдата, возвращающегося с войны; заданного нуждой крестьянина-арендатора; девушку, несущую суженому свою молодую любовь.

Насладившись слушанием безмолвной музыки истории, мы зашли в сельский ресторан перекусить и стали свидетелями свадебного крестьянского пира. Молодые и старые участники свадьбы после приличествующих случаю возлияний, разгоряченные и веселые, танцевали шотландские танцы и пели песни, которые больше полутора столетий назад сочинил для них их земляк, может быть, не раз заворачивавший в трактирчик прапрадеда хозяина этого заведения, чтобы выпить пинту эля, поболтать с односельчанами и прохожими, припечатать едким экспромтом какого-нибудь местного скрягу, ханжу, издоимца.

Шесть дней мы провели в Шотландии. Тысячи миль исколесили по ее дорогам. Слушали ветер долин и рокот океанского прибоя. Любовались чудесными ландшафтами, зелеными холмами, сбегаящими к морю, зеркально чистыми озерами, заливами, изрезавшими

берега этой суровой, но прекрасной земли. Где бы мы ни побывали: в доме писателя или парламентария, в поместье землевладельца или в скромном домике сельского учителя, в коттеджике рыбака, земледельца, в квартире шахтера, — везде мы обязательно находили томик стихов Бернса, его портрет, висящий на самом почетном месте. И кого бы вы ни попросили: шахтера, собирающегося в шахту, рыбака, только что вернувшегося с океана, десятилетнего школяра или седую крестьянку, — каждый из них с охотой, любовью, воодушевлением и каким-то врожденным артистизмом читал нам наизусть сотни строк стихов Бернса. Везде, где собираются люди, чтобы вместе провести вечер, выпить кружку пива, поболтать, попеть, потанцевать, вы обязательно услышите звучащие молодое и современно стихи Бернса, разливающиеся мелодией своеобразной шотландской песни. И когда шотландцы кончают собрание или большой уличный митинг, запевают волынки, люди берутся за руки и поют слитно, дружно песню Бернса, прославляющую благородное чувство человеческой дружбы.

Великое счастье поэта, — прожив короткую и трудную жизнь, обрести бессмертие в душе народа, откликающегося на слово, рожденное пламенным сердцем гения.

Это счастье выпало на долю Бернса, крестьянского сына из шотландской деревушки Аллоуэй.

Домик Бернса в Аллоуэе. Вид из сада. Внизу — комната в домике Бернса.

Стихи Роберта Бернса

в переводах С. МАРШАКА

Рисунки О. Верейского.

ЛЮБОВЬ И БЕДНОСТЬ

Любовь и бедность навсегда
Меня поймали в сети.
По мне и бедность не беда,
Не будь любви на свете.

Зачем разлучница-судьба —
Всегда любви помеха?
И почему любовь — раба
Достатка и успеха?

Богатство, честь,
в конце концов,
Приносят мало счастья.
И жаль мне трусов и глупцов,
Что их покорны власти.

Твои глаза горят в ответ,
Когда теряю ум я,
А на устах твоих совет —
Хранить благоразумье.

Но как же мне его хранить,
Когда с тобой мы рядом?
Но как же мне его хранить,
С тобой встречаясь взглядом?

На свете счастлив тот бедняк
С его простой любовью,
Кто не завидует никак
Богатому сословью.

Ах, почему жестокий рок —
Всегда любви помеха?
И почему любви цветок
Зависит от успеха?

БЕРЕЗЫ ЭБЕРФЕЛЬДИ

Не пойдешь ли, милый друг,
Милый друг, милый друг,
Не пойдешь ли, милый друг,
К березам Эберфельди?

Холмы, смеясь, уходят вдаль.
Ручей играет, как хрусталь.
Забудем горе и печаль
В зеленом Эберфельди.

Там птицы пестрые поют,
Найдя в орешнике приют,
Или на крылышках снуют
В зеленом Эберфельди.

Струясь вдоль каменной стены,
Вода несется с вышины,
И рощи свежести полны
В зеленом Эберфельди.

Цветут цветы над крутизной,
Поток сверкает белизной,
Кропя, как дождь,
в полдневный зной
Березы Эберфельди.

Пускай судьба дарит свой клад
Кому захочет — наугад, —
Тебе одной я буду рад
В зеленом Эберфельди.

ПОСЛАНИЕ К СОБРАТУ — ПОЭТУ

I

Пусть ветер, воя, точно зверь,
Завалит снегом нашу дверь,
Я, сидя перед печью,
Примуся, чтоб время провести,
Стихи досужие плести
На дедовском наречье.

Пусть вьюга в щели будет дуть
И громоздить сугробы,
Я не завидую ничуть
Вам, знатные особы,

Ни дому
Большому,
Ни жару очагов.
Проклятья
Послать я
Вам, гордецы, готов!

II

Когда глядишь со стороны,
Как все дары поделены,
Нельзя не рассердиться.
Тех, кто получше, гнет нужда,
А богатеют без труда
Невежда и тупица.

Но, Дэви, парень, что роптать
На жребий наш суровый!
Нам не придется голодать,
Покуда мы здоровы.

Мы с горем
Поспорим.
Нам старость нипочем!
Да и нужда —
Нам не беда.
И с ней мы проживем.

III

Ночлег в амбаре на земле,
Когда нуждается в тепле,
Скудеющая кровь, —
Конечно, горькая беда,
Но всё же радость и тогда
Нас посещает вновь.

Кто сердцем чист, душою прям
И прожил так, как надо,
К тому в беде по временам
Приходит и отрада.

Смотри же
Найди же
В себе над страхом власть,
Беду забудь
И счастлив будь,
Что некуда упасть.

IV

Пускай, лишённые жилья,
Как птиц пролетная семья,
С тобой скитаться будем,
Но ширь полей, и листьев свод,
И даль долин, и ясность вод
Открыты вольным людям.

Когда цветут луга весны
И трель выводит дрозд,
Мы честной радости полны,
Бродя с утра до звезд.

На склонах
Зелёных
Случайно подберем
Мотив мы,
А рифмы
Придут к нему потом.

V

Ни громкий чин, ни важный ранг,
Ни лондонский богатый банк
Блаженства не дают,
Ни многочисленные тома,
Ни эти парки и дома,
Ни слава, ни уют.

Когда для счастья места нет,
Простора нет в груди,
Объехать можешь целый свет,
Но радости не жди.

Успехи,
Утехи
Не стоят ни гроша.
Ты прав иль нет,
Пусть даст ответ
Тебе твоя душа.

VI

Неужто, Дэви, я и ты,
Трудясь с утра до темноты,
Несчастней тех господ,
Одетых в шелк или в атлас,
Что еле замечают нас —
Простой, честной народ.

Людей людьми не признают
Хозяева палат.
Удел одних — тяжелый труд,
Удел других — разврат.

В безделье,
В похмелье
Они проводят дни.
Ни в райский сад,
Ни в чортов ад
Не веруют они.

VII

Зачем же, Дэви, милый друг,
Нам скорбью омрачать досуг,
Покоя краткий час?
А коль в беду мы попадем,
И в ней мы доброе найдем,
Как видел я не раз.

Пускай беда нам тяжела,
Но в ней ты узнаешь,
Как отличать добро от зла,
Где правда и где ложь.

Напасти,
Несчастья —
Суровый нам урок,
Но годы
Невзгоды
Порой идут нам впрок.

VIII

Собрат мой милый по судьбе,
Послушай, что скажу тебе.
(Чужда мне ложь и лести!)
С тобой мы радости нашли.
За все сокровища земли
Таких не приобрести.

Они дают покой, уют,
Какого нет в раю.
Твою отраду «Мэг» зовут,
А «Джин» зовут мою.

Довольно
Невольню
Мне вспомнить имя «Джин», —
Тепло мне,
Светло мне,
И я уж не один.

IX

Того, кто создал плоть и кровь,
Того, кто есть сама любовь,
В свидетели зову,
Что эта радость мне милей
Всех благ земных, души моей,
Всего, чем я живу.

Когда досады жгучий яд
Мою терзает грудь,
Довольно вспомнить
Милый взгляд,
Чтоб радость мне вернуть.

В несчастье,
В ненастье
И в солнечные дни
Ее ты
Заботой
Своею осени!

X

Моя награда из наград —
Слеза любви, участия взгляд,
Улыбка добрых глаз!
Давно бы где-нибудь в пути
Я свой конец успел найти,
Не будь на свете вас.

Делю я с другом юных дней
Тревог тяжелый груз.
Но узы есть еще нежней,
Чем дружеский союз.

Милее,
Светлее
Теперь мне этот свет,
Где Джин моя
Любимая
И Дэви, друг — поэт.

XI

Назвал я Джин — и вот ко мне
Несутся строчки в тишине,
Жужжат, сбегаясь в строй,
Как будто Феб и девять муз,
Со мной вступившие в союз,
Ведут их за собой.

И пусть хромает мой Пегас,
Слегка его прищпорь,
Пойдет он рысью, вскачь и впляс,
Забыв и лень и хворь.

Но потное
Животное
Я должен пожалеть.
Пора в пути
С коня сойти
И пот с него стереть.

ТРИ ПОРТРЕТА

I

Напоминает он лицом
Ту вывеску, что над крыльцом
Гремит, блестит,
Лаская слух и взор,
И говорит:
«Здесь постоялый двор».

II

Как эта голова чиста, пуста,
Припудрена, искусно завита!
Такую видишь в лавке
брадобрея.
И каждый, кто проходит
перед нею,
Одни и те же говорит слова:
— Вот голова!

III

А эта голова
Могучего напоминает льва,
Но только льва довольно
мирного —
Трактирного.

НИЧЕГО

С приветом я к вам посылаю
Пегаса — конька своего.
Спросите, чего я желаю,
И я вам скажу: ничего!

Простите беспечность поэта.
Дышу я — и только всего.
А шум деловитого света
Не стбит подчас ничего.

Процентщика мучат тревоги.
Червонец — его божество.
Но вот подведет он итоги
И что же найдет? Ничего.

Отвешивать должен поклоны
Вельможа-старик для того,
Чтоб графской добиться короны.
А что ему в ней? Ничего.

Унылая ряса пресвитера —
Заветная цель одного.
Другой добивается митры.
А суть-то одна: ничего.

Влюбленному жизни дороже
Казалось одно существо.
Но вот он женился — и что же
Нашел под тряпьем? Ничего.

ПЕСНЯ О ЗЛОЙ ЖЕНЕ

Со мной жена не ладит,
Колотит, а не гладит.
Тому, кто волю даст жене,
Она на шею сядет.

Я в ней мечтал найти покой,
Но, видно, дал я маху.
Ах, никогда порыв благой
Не вел к такому краху!

Одну надежду я таю, —
Что ждет меня награда
И, верно, буду я в раю,
Отбив все муки ада!

Рифмует поэт беспокойный
И верит: его мастерство
Торжественных лавров
достойно.
А что его ждет? Ничего.

Храбрится буян, угрожая,
Но тщетно его хвастовство.
И, кроме свирепого лая,
Не жди от него ничего.

Не верит поэту девица —
Ни просьбам, ни вздохам его,
Но скоро она убедится,
Что ей не грозит ничего.

Ей по сердцу ласки поэта.
Упрямец достиг своего.
А что обещал ей за это?
По правде сказать, ничего.

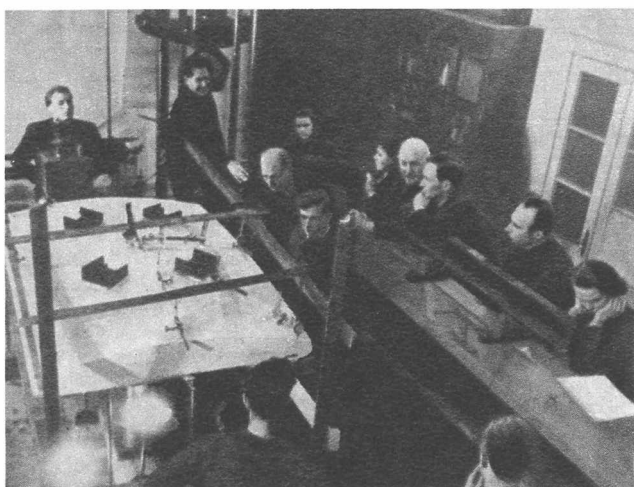
Священник громит за неверие
С амвона ее и его.
Но попусту бьет артиллерия!
Поправить нельзя ничего.

Прощайте! У бурного моря
Я жду корабля моего.
И если погибну я вскоре,
Что вам эта смерть? Ничего.

Останусь готовым к услугам
До смертного дня своего:
Коль есть у вас что-нибудь, —
другом
И другом, коль нет ничего!

Камень из золы

Испытание на прочность купола из сланцезольного цемента в лаборатории Таллинского политехнического института.

Фото С. Давыдова.

Гигантский ковш то высоко взмывает над низкорослым сосняком, то снова зарывается во влажную землю. Это шагающий экскаватор работает на руднике Вивиконд. Заменяя труд многих сотен землекопов, экскаватор легко и быстро снимает верхний четырехметровый земляной покров, обнажая твердый пласт. За машиной идут подрывники, и по их следу в пласте тянется узкий длинный коридор. Стены его — настоящий «слоеный пирог». Между слоями твердой серой плитняковой породы тянутся более мягкие слои светлоричного цвета. Это и есть эстонское «коричневое золото» — горючий сланец, образовавшийся из органических и минеральных веществ. При сжигании он дает много золы — больше половины от общего веса топлива. Если не вывозить ее, то вокруг отапливающихся сланцем промышленных предприятий быстро вырастут желтые горы.

Директор Института строительства и строительных материалов Академии наук ЭССР Владимир Павлович Полонский рассказал, что, изучив богатый опыт сланцевиков Ленинградской области и Поволжья, сотрудники Института нашли широкое применение сланцевой золе. Теперь и в Таллине есть дома, построенные из сланцезольных материалов. Строительный камень, полученный из отходов сланцедобывающей промышленности,

очень хорош для внутренних стен и внутренних частей домов. Камень из золы является самым дешевым строительным материалом.

Многие дороги Эстонии и Невский проспект в Ленинграде покрыты асфальтом, приготовленным на так называемом кукурсите. Кукурсит — это перемолотая зола, получающаяся при сгорании кускового сланца.

Ученые-энергетики изобрели специальные топки для пылевидного сгорания сланца. При этом получается однородная, хорошо обожженная зола. Из нее можно выработать строительные материалы, приближающиеся по своим качествам к цементу. А если их выдержать одну-две недели на воздухе, то они могут быть использованы даже в подводных и грунтовых сооружениях.

Из сланцевых огарков, добавив к ним известь, можно получить и высококачественный портланд-цемент. Опыты, проведенные в институте, показали, что строительные вяжущие вещества, полученные из золы пылевидного сланца, пригодны для кладочных и штукатурных растворов, для бетона и даже железобетона.

В сланцевом бассейне уже работают заводы, производящие сланцезольные строительные блоки. В недалеком будущем здесь возникнут новые предприятия сланцезольных вяжущих веществ и пенобетонных изделий.

Н. ХРАБОВА

С помощью кислорода...

В Москве, на улице Кирова, рядом с почтамтом, есть магазин, в котором продают машины и аппараты, применяемые для газовой резки и сварки металла. Магазин этот отличается от обычного тем, что в нем покупатель — представитель завода, фабрики, стройки — наглядно знакомится с принципами работы механизмов.

Все эти машины и аппараты сконструированы во Всесоюзном научно-исследовательском институте автоматической обработки металлов. В лабораториях института вам покажут самые разнообразные машины.

Одна из них разрезает металлические изделия до метра толщиной. В другом случае специальный аппарат

наносит слой пластмассы на металл, защищая его от коррозии.

...Перед нами на подставке лежит стальной лист толщиной десять-двенадцать сантиметров и несколько метров в длину и ширину. Над ним — шесть кислородных резаков. Рабочий пускает машину. Струя кислорода мгновенно прожигает лист и в течение двух-трех минут автоматически, без участия человека, вырезает шесть деталей нужной конфигурации.

Более двух лет назад, — говорит директор института А. Н. Шашков, — группа инженеров под руководством конструктора Ю. В. Курловича начала работу над созданием дистанционно-мас-

штабной машины для автоматической кислородной резки. Конструкторы добились успеха. С помощью новой машины, применяя шаблоны небольших размеров, можно вырезать фигурные детали из стального листа толщиной до двадцати, а специальным резаком — и около сорока сантиметров, при скорости резания до двухсот сантиметров в минуту. Машина эта не имеет прототипов ни в отечественной, ни в зарубежной технике.

Перед тем как слитки из высококачественной стали поступают в дальнейшую обработку, с них снимают верхний слой металла. Механическая строжка (так называется этот процесс) требует дорогих, очень тяжелых станков, причем производительность труда на них невелика.

Но вот мы видим, как бушующий огненный вихрь охватывает поверхность стальной заготовки. Кислородный резак передвигается из конца в конец обрабаты-

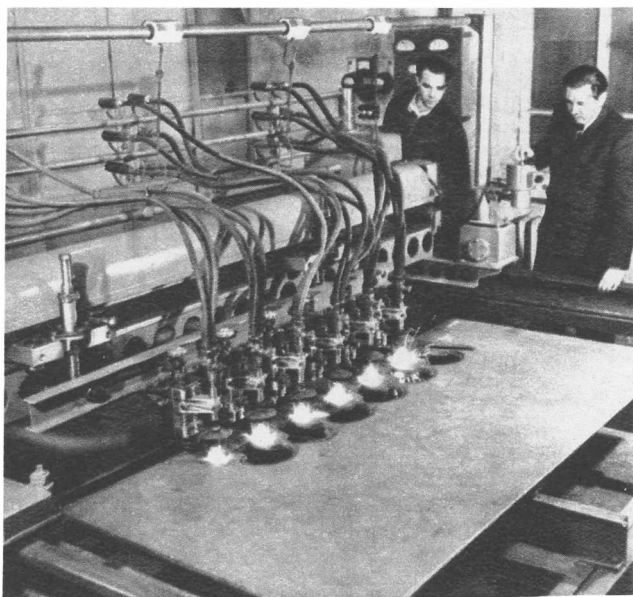
ваемой детали. Проходит не более пяти-шести минут, и одна грань заготовки длинной до полутора метров прострогана. Управление станком полностью механизировано.

— Нам удалось, — говорит конструктор станка Владимир Константинович Дейкун, — значительно удешевить весь процесс строжки и более чем в пять раз ускорить обработку деталей.

Следующая лаборатория. Юрий Вячеславович Курлович поворачивает пусковой рычаг на станке для газопрессовой сварки и поджигает горючую смесь. Синеватое пламя кольцом охватывает металл. Проходит полторы-две минуты, и стальные трубы диаметром семьдесят пять миллиметров сварены между собой. Немногим больше времени требуется, чтобы сварить два куска круглой стали того же диаметра.

Эти станки — новый шаг в автоматической обработке металлов.

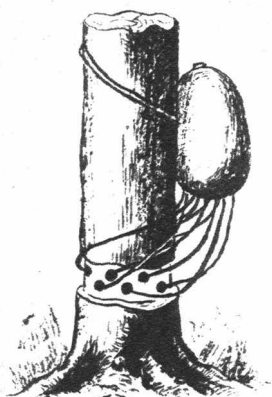
Т. ЛОРДКИПАНИДЗЕ

Машина для автоматической кислородной резки металла.

Фото Я. Рюмкина.

Деревья меняют окраску

В отверстия в стволе вставлены гибкие трубки. По ним поступает краситель.

Перед нами тонкие деревянные дощечки красного, черного, зеленого, фиолетового и других цветов. На некоторых — сразу несколько тонов, гармонически сочетающихся друг с другом. — Такие дощечки можно сколько угодно держать в воде или на солнце, и они

не изменяют своей окраски, — рассказывает инженер-химик П. С. Захаров. — Это объясняется тем, что краситель вошел в состав древесины.

Как это было достигнуто? Крона каждого дерева обладает огромной сосущей силой, которая гонит по стволу полученные корнями питательные вещества, растворенные в воде. Листья испаряют влагу, а вещества остаются в стволе, идут в клетки, из которых он состоит. П. С. Захаров решил «обмануть» дерево — использовать сосущую силу кроны для того, чтобы

«гнать» по стволу не питательные вещества, а красящие.

Для этого со ствола сняли кольцо коры и просверлили в дереве два ряда отверстий. В них вставили гибкие трубки, идущие от резинового мешка. По трубкам стал поступать краситель.

Корни дерева оказались отрезанными от ствола. Растению пришлось впитывать в себя раствор.

То, что сейчас кажется таким простым и несложным, было достигнуто в результате многолетних опытов над сотнями и сотнями деревьев. П. С. Захаров вначале терпел одну неудачу за другой. То, например, дерево усваивало краситель и совершенно не меняло своей окраски. То краситель оказывался нестойким: вымывался водой, — и приходилось одновременно с ним вводить в ствол закрепляющее вещество. Наконец нужный состав раствора был найден.

Простой, дешевый и надежный способ окраски древесины на корню имеет большое практическое значение. Он открывает новые возможности перед мебельной, деревообрабатывающей и другими отраслями промышленности.

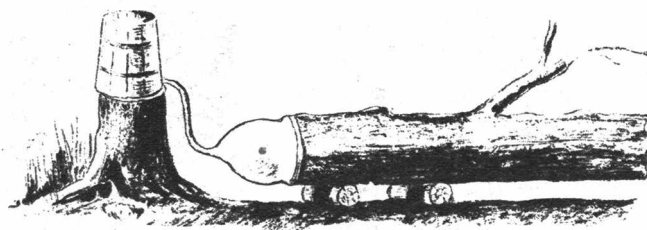
Продолжая свои опыты, П. С. Захаров пришел к выводу, что дерево можно пропитать и другими веществами. Так, ему удалось получить несыроемую древесину. Полено, отпиленное от пропитанного особым веществом ствола, не только не загорается в самом жарком костре, но и не тлеет. Только через очень большой промежуток времени оно может стать хрупким. Такой материал — прекрасная защита деревянных построек от пожара.

При строительстве судов, плотин, мостов, прокладке железнодорожных путей требуется древесина, не поддающаяся гниению. Для этого ее на деревообрабатывающих предприятиях пропитывают антисептиками. Теперь можно антисептировать дерево на корню без больших производственных затрат.

Дереву легко придать и другие совершенно неожиданные качества. Оно может, например, под действием некоторых веществ окаменеть. Его нельзя будет ни срубить, ни спилить. Под действием других веществ оно станет таким гибким, что ствол согнется под тяжестью собственной кроны.

Во всех случаях процесс пропитывания деревьев различными растворами длится недолго — всего несколько летних дней. Он не требует сложной аппаратуры или оборудования, довольно проста и его технология. Этот процесс стал более удобным, когда установили, что поваренное дерево еще живет срок, вполне достаточный для «насыщения» его нужным веществом. Теперь резервуар с раствором красителя прикладывается прямо к торцу спиленного дерева. При этом древесина нисколько не теряет своих физико-механических качеств — ее можно так же обрабатывать, как и обычную.

В. НИКИТИНА

Теперь резервуар с раствором присоединяется к торцу спиленного дерева.

Уральские плясуньи

В пустом светлом зале стоит выдавший виды рояль. На пиютире раскрыты ноты.

Наталья Николаевна хлопает в ладоши:

— Начали!

Раздаются звуки вальса Шопена. Юноши и девушки, час тому назад собиравшие на конвейере моторы и шасси гусеничных тракторов, одновременно поднимаются на носках, плавно сгибаются в медлительном адажио.

— Плохо! Сначала!

Девушка в третьем ряду не улавливает ритма. Сбивается с такта и ее сосед — курчавый паренек. Нет чистоты и в движениях других танцоров.

По несколько раз требовательная руководительница заставляет всю группу повторять фигуры упражнений в классическом танце. Трудная это наука — «азбука» пластических движений, «грамматика» балета!

Наталья Николаевна нетерпеливым жестом обрывает аккомпаниатора, сама выходит на середину зала и показывает фигуры танца.

На Южном Урале имя Натальи Николаевны Карташевой хорошо знакомо тысячам зрителей и участникам художественной самодеятельности.

Темпераментная танцовщица в годы своей юности, вот уже полтора десятка лет талантливо, с яркой артистической выдумкой руководит танцевальными коллективами молодежи — сначала на Магнитогорском металлургическом комбинате, а теперь на Челябинском тракторном заводе.

Помните ли вы фильм «Здравствуй, Москва!»? Помните вихревую пляску «Тройка»? В этих кадрах засняты ученики Карташевой.

Летом прошлого года в концертных залах Москвы тепло встречали молодых плясунцов, привезших с Урала задорный танец «Гусачок». Ставила новую программу та же Наталья Николаевна Карташева.

Десятки ее воспитанников приняты в основные составы известных хореографических коллективов страны. А неутомимый руководитель каждый год снова и снова берет под свою опеку новичков, не умеющих еще даже ходить под музыку.

Но не только этим интересен опыт замечательного педагога художественной самодеятельности.

— Сюда, в танцевальный коллектив, — рассказывает Наталья Николаевна, — нередко приходят парни со скверными привычками. Шапки не снимут, пока им не напомнишь. Просятся к нам и девушки с мещанскими вкусами, с громадным завитком на лбу — это у них называется «кармен». Лица нарумянены, в волосах — бумажные розочки.

Начинаешь бороться со всем этим. Учишь правилам культурного поведения, вежливости, учишь собранности, воспитываешь вкус

к естественности и простоте, прививаешь умение не просто кружиться, а выражать в танце настроение.

Следующая ступень — вызвать у юношей и девушек интерес к хорошей музыке, к настоящему искусству. Раньше, бывало, когда аккомпаниатор начинал на репетициях играть классическую музыку, раздавались недовольные голоса: «Ох, опять тоска... Пускай бы что-нибудь повеселее!» А теперь сами просят играть им для танца произведения Чайковского или Шопена.

Нередко после упражнений мы задерживаемся — читаем, беседуем о произведениях советской литературы, искусства. С репетиций в Доме культуры всегда возвращаемся вместе, тесной гурьбой. И по дороге продолжаем спорить о спектаклях, книгах, о правде жизни и правде художественного образа.

В цехах Челябинского тракторного завода о многих участниках ансамбля Карташевой рабочие отзываются с гордостью. Гена Клыков, у которого раньше бывал в работе брак, сегодня видит свое имя на доске почета рядом с лучшими людьми завода. Слесарь из цеха шасси Саша Синельников не только отлично выполняет производственные задания, но и успеш-

но сдает экзамены в вечерней школе. Такой же содержательной, насыщенной стала жизнь и комсомольца Саши Епимахова, механика заводской машинно-счетной станции. Помимо школы и танцевального коллектива, он успевает еще учиться игре на рояле.

Сегодня во Дворце культуры танцевальный коллектив показывает новую свою работу — «Колхозную свадьбу» по поэме Александра Твардовского «Страна Муравия».

Судьи будут строгие — заводские комсомольцы. Пока зрители нетерпеливо хлопают в ладоши, требуя начала представления, взволнованная Наталья Николаевна придирчиво осматривает сцену, костюмы танцоров и танцовщиц, инструктирует баянистов.

Но вот зажигаются огни ramпы. Девушка-токар в нарядном белоснежном платье бросает в зал певучие строки:

Поспела свадьба новая
Под пироги подовые,
Под свежую баранину,
Под пиво на меду,
Под золотую, раннюю
Антоновку в саду.

Открывается занавес.

Яркие картины народного веселья, жизнерадостные образы людей русской деревни, нашед-

ших свое счастье не в призрачной «Муравской стране», а в родных колхозах, — все богатство содержания одной из самых ярких глав поэмы Твардовского воплощается в каскаде плясок и пантомим.

Стремителен темп пляски. Баянисты не поспевают за танцорами. Узнаешь боевую бригадиршу Аксюту Тимофеевну, светлую Настеньку, Никиту Моргунку и других персонажей. И оживают заборные строчки стихов, где «паренек чечетку точит», где бабка за полу ведет в раздавшийся хоровод упирающегося Никиту Моргунку...

Зал награждает аплодисментами не только отлично танцующих Рину Фирсову (Настеньку) и Нину Панчук («девочка бедовая»), но и Сашу Епимахова, создавшего трогательный образ белоголового деда Мирона Васильевича.

Но вот зал опустел. Девушки и юноши — еще в костюмах, париках и гриме — окружили на сцене Наталью Николаевну. Довольна ли она ими?

А Карташева гонит с лица улыбку и показывает головой с уложенными венком косами:

— Нет, ребятки, это еще не то... Завтра начнем репетиции снова.

Мих. ЗЛАТОГОРОВ

Челябинск.

Репетиция танцевальной сцены «Колхозная свадьба» в Доме культуры Челябинского тракторного завода. Слева направо: Гена Клыков, Нина Панчук, Саша Синельников, Саша Епимахов, Валя Парядина, Рина Фирсова, Саша Резепин, Шура Клевакина, Валя Болдышев. В центре — руководительница коллектива Н. Н. Карташева. Сидит Ваня Карачинцев.

Фото В. Мальянова.

Курортное увлечение

Вл. Дыховичный,
М. Слободской

Рисунки Ю. Узбякова.

1

В сени кипарисовых рощ санаторные баянисты грянули утреннюю зарядку. В курортном парке запахло духами «Магнолия» — огромные белые цветы открывали свои лепестки после ночной спячки.

В этот ранний курортный час по широкой аллее, обсаженной магнолиями, брел Семен Данилович Петухов, ведя на поводке небольшую лохматую собаку.

В глазах С. Д. Петухова светилась собачобоязнь, а во взгляде собаки — человеконенавистничество.

Собака принадлежала жене заместителя председателя Энского горсовета Нине Гавриловне Львовой.

Для того чтобы понять, что еще, кроме поводка, связывало Петухова с собакой жены зампреда Энского горсовета, нужно вернуться на три недели назад.

Семен Данилович приехал из Энска на курорт в подавленном состоянии. Его деятельность в Энске, состоявшая из чередования мелких неудач и крупных провалов, привела к тому, что он в конце концов потерял благорасположение начальства.

А ведь Петухов, как никто другой, знал цену начальственной благосклонности. Он завоевывал ее повседневно и упорно. Завоевывал умением варить уху на рыбалке, активным болельством за любимую начальством футбольную команду, а подчас и лихой, но демократичной пляской на массовке, когда он — руководящий работник — первым приглашал на глазах у начальства скромную уборщицу и пускался с ней в пляс, быстро перебирая пухлыми ножками, гикая, присвистывая, ухая и даже изредка попадая в такт...

Семен Данилович прекрасно знал, что начальство незаметно для самого себя привыкнет считать его «славным мужиком», «рубахой-парнем», «милейшим человеком» и автоматически перенесет это свое доброжелательное отношение и на служебное поприще. В общем так оно и случилось. Причем особенно благоволил Семену Даниловичу заместитель председателя горсовета, добряк и душа-человек товарищ Львов.

При всем этом Семен Данило-

вич, как человек опытный и солидный, никогда не позволял себе ни грубой лести начальнику, ни подношений, ни прочих проявлений того, что он сам нередко клеймил, как «хвостовилие и подхалимаж»...

Напротив, с начальством он был прост, легко переходил на «ты» и держался так свободно, что начальнику даже было приятно ощущать собственную демократичность.

— Я человек прямой, — говорил Семен Данилович. — Я люблю резать правду-матку...

Конечно, Семен Данилович умалчивал о том, что он любит резать только ту правду, которая не режет слух начальника, и что нарезает он эту правду точно отмеренными дозами.

— Безобразия! — строго отчитывал он одного начальника. — Работать не умеете!.. Время не организуете!.. Что значит не можешь пойти на стадион? Глупости! Обязан пойти!..

И начальник охотно принимал критику и шел на стадион.

— Я тебе прямо скажу, — бушевал Семен Данилович в другом кабинете. — Зазнался ты! Отыриваешься от масс!.. Живых людей не видишь!.. Скажи, ты хоть знаешь, как я живу, какие у меня запросы?.. Нет! Ты же у меня ни разу не был!..

Разгневанный, он шел к двери, а смущенный начальник сам напрашивался на приглашение в гости.

Словом, Петухов умел ладить с начальством. И, тем не менее, сейчас положение его было критическим. В очередной раз он был освобожден от очередной руководящей должности, и даже его покровитель зампред горсовета Львов стал поглядывать на него косо.

Петухов уехал на курорт, чтобы собраться с силами и обдумать на досуге, как вернее и лучше вернуть себе утерянную благосклонность начальства.

Какова была радость Петухова, когда в первый же день пребывания на курорте он неожиданно встретил жену заместителя председателя горсовета — Нину Гавриловну Львову, или, как звали ее в Энске, — Львицу, известную своим влиянием на мужа и страстью к роли «хозяйки города».

Львица была на курорте одна.

Семен Данилович мгновенно сообразил, что судьба дает ему последний шанс. Он отчетливо знал, что трудно переоценить роль личности жены начальника в служебной истории его подчиненных.

И Петухов сразу же начал действовать, отдав себя в полное распоряжение отдыхающей Львицы. Он угадывал все ее желания и терпеливо исполнял ее многочисленные прихоти. Семен Данилович не боялся переборщить. Впервые, он знал, что обволакивает заботой и вниманием свою будущую служебную карьеру, а вот вторых, его успокаивало сознание того, что заботы его, которые были бы угодничеством, относятся они к самому начальнику, в данном случае должны были быть истолкованы лишь как рыцарство, поскольку они относились к женщине. Таким образом, и от нежелательных обвинений предупредительный Семен Данилович был застрахован.

На рыцарское служение прекрасной даме и ушли три недели. Как и полагается по канонам рыцарских романов, это было время сплошных испытаний преданности рыцаря, причем каждое следующее испытание оказывалось труднее и мучительнее предыдущего.

Прежде всего было решено, что львицина собака Микки, которую не пустили в санаторий, где отдыхала Нина Гавриловна, поселится пока у Петухова, так как Семен Данилович отдыхал «диким» способом. После этого отдых Петухова стал еще более диким.

Однако разница вкусов Петухова и собаки угнетала Семена Даниловича все же меньше, чем расхождение его вкусов с привычками самой Нины Гавриловны.

Она любила пользоваться курортными мероприятиями в таких масштабах, что даже выдавшие виды санаторные врачи говорили про нее: «Больная, которая хочет употребить столько сил на отдых и лечение, должна обладать исключительным здоровьем».

Таким образом, Петухов, который старался не отходить от нее ни на шаг и стремился использовать любой удобный момент для того, чтобы оставить неизгладимый след в ее памяти, вынужден был испытать с ней до дна полную чашу курортных радостей.

Нина Гавриловна считала, что солнце очень укрепляет кожу. И Петухов стал проводить с ней ежедневно по четыре часа на пляже. Кожу он, может быть, и укрепил, но она, к сожалению, слезла с него, и поэтому крепость

ее носила теперь несколько отвлеченный характер.

Укрепив кожу, Львица переключилась на «горовосхождение». Она уверяла Петухова, что «скалолазанье очень укрепляет ноги и помогает сбросить лишний вес». И Петухов стал таскать свой вес, который он вовсе не считал лишним, по горам и скалам. Семен Данилович никак не мог установить, укрепляются ли у него при этом ноги, так как именно ногами он меньше всего пользовался при горных прогулках. Вверх он поднимался, главным образом цепляясь руками за кусты (почему-то в большинстве случаев колючие), вниз же съезжал, как правило, пользуясь известным с детства способом, в котором ноги играли весьма подчиненную роль.

По вечерам Нина Гавриловна с завидным постоянством водила Петухова на танцы.

Местный джаз, стыдливо именовавший себя эстрадным оркестром, играл попеременно то танго «О, море в Гагре!», то вальс «О, пальмы в Гагре!». Культурник санатория дирижировал танцами, жизнерадостно покрикивая:

— Каждая пара отдельно! Общий вальс! Каждый больной приглашает свою больную!..

Потом все долго танцевали фокстрот под краковяк и барыню, исполняемые оркестром ради соблюдения репертуарного приличия.

Не умеющий танцевать Петухов все время грустно стоял в углу под бананом и наблюдал, как побуревшая от восторга Нина Гавриловна кружилась по паркету. На танцы Нина Гавриловна надевала свое роскошное светлое платье с черными спиральными полосами, от чего во время танца казалось, что она ввинчивается в пол, как гигантский штопор. Петухов смотрел на нее и укачивался. К концу вечера ему становилось совсем плохо. К счастью, в это время обычно раздавался звонок, возвещающий конец бала больных, и Нина Гавриловна, сделав два последних витка, вывинчивалась из паркета.

Она уходила в палату к своей ночной простокваше, а обессиленный Петухов брел в горы, в свою «дику» комнату, где соскучившийся Микки кусал его уже на пороге.

Так прошло три недели. Правда, отпуск у Петухова пропал, но зато подготовительная работа дала свои результаты. Львица все благосклоннее принимала проявление внимания и заботы со стороны постоянного спутника своих курортных экспедиций, которого она лестно, хоть и не совсем точно, называла: «Мой Маклаха-Миклу!»

2

Оставался один день до конца отпуска.

Окрыленный своими успехами, Петухов решил, что благоприятная атмосфера подготовлена и можно попробовать действовать более решительно. Он попросил Нину Гавриловну уделить ему сегодня полчаса для разговора, от которого зависит его, Петухова, дальнейшая судьба.

Нина Гавриловна ненатурально захохотала, повизгивая и поводя плечами, словно ей лили воду за шиворот, что было, по ее мнению, милым кокетством. Однако уделить эти полчаса обещала.

А Петухов действительно считал, что от предстоящего разговора зависит его будущее. Он намеревался прямо и откровенно попросить у влиятельного Львиного покровительства и заступничества. По его расчету, она должна была, приехав в Энск, исклупить для него, Петухова, у мужа какое-нибудь достойное новое назначение.

Но утром разговор не состоялся, потому что Нина Гавриловна потащила Петухова на базар покупать фрукты, которые она собралась отправить с ним в Энск.

На рынке Нина Гавриловна долго и хрипло торговалась с веселым владельцем монументальных груш «кэфир». Жизнерадостный торговец утверждал, будто его груши так хороши, что он бы только сам их ел, если б не такая дикая цена!

Это убедило Львиного. Груши в двух мешках и трех сумках она погрузила на Петухова.

Начинать разговор в таком виде Петухову казалось невыгодным. Нельзя было начать его и дома. Здесь уже ждали приготовленные Львиной решетчатые ящики, и Семен Данилович взялся упаковывать фрукты. Часть груш так и не вошла в ящики. Но это оказалось очень кстати, так как оставшимися грушами Петухов заколачивал гвозди в тару.

Нина Гавриловна, обрадованная тем, что фрукты ей обошлись в общей сложности всего на пять рублей за килограмм дорожке, чем если бы она их покупала в родном городе Энске, резвилась, как дитя. Она не стала слушать Петухова и после окончания упаковки.

— Нет, нет! Не здесь!.. — сказала она. — Идем прощаться с морем!..

Усевшись на ненавистные расклеванные камни, Петухов сразу попытался перейти к делу.

— Дорогая Нина Гавриловна, — торжественно начал он. — За эти дни вы меня узнали как человека, но вы меня почти не знаете как работника. Я хотел сказать вам...

— Погодите! — перебила его Нина Гавриловна. — Будем сниматься!..

И она потащила Петухова на встречу бродячему фотографу, который появился на пляже с треногой на плече, полуголый, но в фетровой шляпе и засученных до колен полосатых визиточных брюках. Снимал он курортников всегда одинаково — или стоящими под одной и той же пальмой или лежащими в одной и той же прибрежной пене. Ходили слухи, что все эти группы он наснимал

давным-давно, а сейчас лишь щелкал грушей перед пустой кассетой и выдавал потом заказчикам что-нибудь подходящее из готового. Так как узнать на фотографии все равно никого нельзя было, то с этим мирились.

Семену Даниловичу не удалось развернуть перед Ниной Гавриловной свою административную автохарактеристику с тем, чтобы она потом передала ее мужу, так как при виде фотографа резвая Львиная радостно захлопала в ладоши и непременно захотела сняться на карточку с нацарапанной белой надписью: «На дружескую память!»

Моментально к этому предложению сфотографироваться «на дружескую память» присоедини-

лось много народу, в том числе ряд совершенно незнакомых людей. Коллективная съемка заняла много времени, и Семену Даниловичу пришлось перенести объяснение на время дороги к озеру Рица, куда они решили отправиться во второй половине дня.

Как только открытый автобус с экскурсантами двинулся с места, Петухов понял, что поступил правильно, отложив решающий разговор на часы дороги. Теперь Львиная угомонится, пораженная красотами летящего по сторонам пейзажа, и он сможет изложить ей все, что наметил, все, что она должна будет передать мужу.

А дорога действительно была хороша! Так хороша, что по ней жалко было ехать.

По обеим сторонам шоссе пролетали ослепительно белые здания санаториев, слишком уютные для того, чтобы их можно было называть дворцами. Зеленые всех цветов бушевала вокруг них. Белые оливковые рощи и черные аллеи кипарисов сменяли друг друга. Гордо высились серебряные эвкалипты. Пронзительно желтые подсолнухи подхалимски поворачивали головы вслед за солнцем.

И действительно, Нина Гавриловна, глубоко погруженная в свои неглубокие мысли, сосредоточенно молчала.

— Дорогая Нина Гавриловна! Я давно хотел сказать вам, — вдохновенно начал было Петухов, но тут заговорил культурник-экскурсовод, и Семену Даниловичу пришлось замолчать. Экскурсовод говорил самозабвенно и безостановочно. Он терпеливо и настойчиво объяснял курортникам окружающую их красоту.

Вначале он больше налегал на ассоциации.

— Попрошу обратить внимание на эту скалу, — призывал он. — Не напоминает ли она мохнатую грозозовую тучу, похожую на медведя, пьющего воду?

И, переждав эффект от своего сравнения, он добавлял:

— А сейчас, за поворотом, я вам ее покажу в другой позе!

Потом, не удовлетворившись сравнительным методом, культурник начал переводить окружающую поэзию на язык цифр. Почему-то он считал, что этим облегчает экскурсантам восприятие окрестных красот, а для ясности приводил очень остроумные расчеты и арифметические выкладки.

— Слева мы наблюдаем изумительно красивую вершину, — пояснил он. — Высота ее составляет 1392 метра над уровнем моря. Если мы с вами возьмем двадцать десятиэтажных домов, водрузим их друг на друга, а сверху поставим на попу парашот типа «Росси», то нам не хватит всего одного четырехэтажного дома, для того чтобы достигнуть вершины этой горы!

А на этот ажурный мост, — вдохновенно продолжал он, — пошло столько железа, что если б его разобрать и из полученного металлолома надеть, скажем, подков, то этими подковами можно было бы подковать на все четыре ноги 300 247 коней!..

Петухов никак не мог понять, от чего его укачивает: от крутых ли серпантинов дороги или от образной речи экскурсовода. Во всяком случае, его мучило.

Наконец из-за поворота дороги выплыло на фоне зеленого озера светлое здание гостиницы «Рица». Автобус остановился, и больные бодрой рысцой бросились занимать столики в ресторане.

Оживившийся Петухов вырвался вперед и успел занять столик в уединенном углу веранды, выступающей над озером. Здесь, именно здесь, он должен был использовать сейчас последнюю возможность высказаться Нине Гавриловне все, что накопилось в его истерзанной душе.

С холодной решимостью заказал он для своей дамы роскошный ужин и даже шампанское.

— Дорогая Нина Гавриловна! — сказал он чуть дрожащим голосом. — Для вас не составляет секрета мое отношение к вам. Вы могли проверить мою преданность и готовность идти ради вас на все, кроме служебного преступления!..

Нина Гавриловна внимательно слушала и задумчиво кивала облупившимся носом.

— Дорогая Нина Гавриловна! — взволнованно продолжал Петухов. — Все это дает мне право спросить у вас: согласны ли вы сделать для меня то, что даст мне возможность считать себя счастливейшим человеком в нашем городе?

— Да, я согласна. Я все видела и все поняла, — твердым и хриплым голосом произнесла Нина Гавриловна и, подняв на Семена Даниловича мутные очки, тихо добавила: — Петухов, я все решила. Я ваша!..

— Чья... наша? — тупо переспросил Петухов.

— Персонально ваша! — потупила очи Нина Гавриловна. — Я никогда не забуду этого месяца, Семен!..

— То есть как же это моя?.. В каком смысле не забудете?.. — даже зажмурился от страха Семен Данилович, мгновенно сообразив, в какое катастрофическое положение ставит его это роковое недоразумение. — Нина Гавриловна, ваш муж, уважаемый товарищ Львов, он же никогда не простит мне такого... повышения!..

— Простит, простит, — поспешно возразила Нина Гавриловна. — Тем более, что он, негодяй, оставил меня!..

— Как оставил? — взвизгнул Петухов. — Когда оставил?

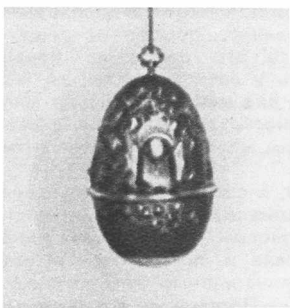
— Уже два месяца!.. — всхлинула Нина Гавриловна. — После того, как я пригостила его сюрпризом — по секрету от него построила нам собственную дачу из отходов строительства городского Дворца культуры!.. Он меня выгнал и еще помпадурой обозвал!..

Но Петухов уже не слушал... Перед внутренним взором Петухова мгновенно пронеслись кошмарные маршруты принудительного альпинизма, цистерны проглоченной зря соленой воды, дни солнечных самосожжений и ночи собачьих безумств!..

Семен Данилович медленно встал и, не говоря ни слова, пошел к выходу. Он шел, задумавшись, слегка покачиваясь, не столько от выпитого вина, сколько от горя и бешенства!.. Выйдя из ресторана, он, не оборачиваясь, плотно прикрыл дверь и бросился бежать. Он бежал, все ускоряя шаг, не обращая внимания на кусты и камни. Со свистом рассекая темноту, он несся все дальше и быстрее по петляющему в темноте белому ночному шоссе!..

Часы И. П. Кулибина

Недавно исполнилось 135 лет со дня смерти замечательного русского механика-самоучки Ивана Петровича Кулибина (1735—1818).

Выходец из нижегородских «посадских людей», он с детства увлекся механикой. Слава об его неистощимой изобретательности достигла столицы, и в 1770 году Кулибин начал работать механиком Петербургской академии.

Ему принадлежит много оригинальных изобретений: проект арочного однопролетного моста через Неву длиной в 298 метров, «водоход» — судно, которое «шло» противу воды, помощью той же воды, без всякой посторонней силы, фонарь-пржектор, при помощи сложной системы зеркал в пятьсот раз увеличивающий свет обычной свечи, «повозка-самокатка», оптический телеграф и десятки других уникальных приборов и механизмов.

Современники называли Кулибина «Архимедом наших дней». Генералиссимус А. В. Суворов, приветствуя

Кулибина и низко кланяясь ему, воскликнул: «Вашей милости! Вашей чести! Вашей премудрости мое почтение!»... «Помилуй бог, много ума! Он изобретет нам ковер-самолет!» — говорил Суворов о русском изобретателе-самоучке.

К сожалению, у Кулибина не было возможностей целиком отдаться любимой механике. По капризам царедворцев ему приходилось тратить свой талант для оформления различных придворных празднеств и увеселений.

До наших дней сохранились не только многие чертежи изобретателя, но и некоторые сконструированные им механизмы.

В отделе истории русской культуры Государственного Эрмитажа в Ленинграде экспонированы уникальные «часы яичной фигуры». Размещены в гусиное яйцо часы заключены в причудливую золотую оправу. Циферблат обращен вниз. Для удобства посетителей Эрмитажа под висячими часами перпендикулярно к стене приставлено зеркало, позволяющее зрителям видеть миниатюрный диск циферблата.

Каждые пятнадцать минут раздавался бой этих часов. По истечении каждого часа хитроумный механизм распахивал створчатые дверцы, и в открывающемся за ними золоченом чертоге фигурки ангелов и воинов под звон колокольчиков и мелодичную музыку разыгрывали довольно сложный спектакль.

Эти часы были одной из ранних работ Кулибина.

Г. ПАНОВ

Из почты «Огонька»

Вулкан в Крыму

Мало кто знает, что в Крыму имеется настоящий вулкан, правда, бездействующий в наше время. Это вулканическая группа Карадаг в 20—25 километрах от Феодосии.

Если ехать на автомашине из Феодосии в Судак, то степной ландшафт будет постепенно сменяться вулканическим: все выше и выше вздымаются остроконечные глыбы.

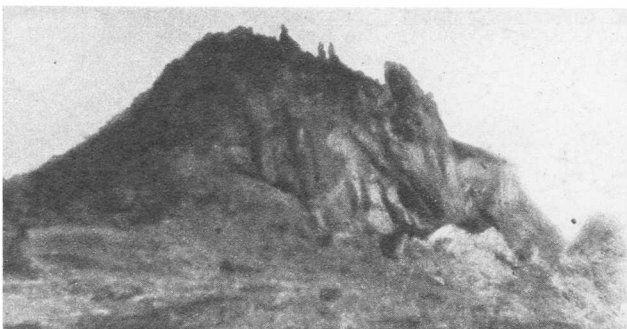
Скалы Карадага состоят из изверженных пород. Это минералы типа траппа, брекчии, вулканического туфа.

Выветривание придает скалам причудливые формы. Около санатория «Крымское приморье» есть остроконечная скала, вблизи вершины которой природа создала сквозное отверстие, — через него видно небо.

Вулкан Карадаг действовал еще в Юрском периоде и давно потух. Но о страшной силе, выбросившей на поверхность массу лавы, можно судить по строению горы Карадаг, находящейся около Карадагской биологической станции Крымского филиала Академии наук СССР. Высота ее — 270 метров. Гора состоит из пластов земной коры, выброшенных из недр земли и поставленных в вертикальное положение.

М. ГАЛИН

Карадагская биостанция
Крымского филиала Академии наук СССР.

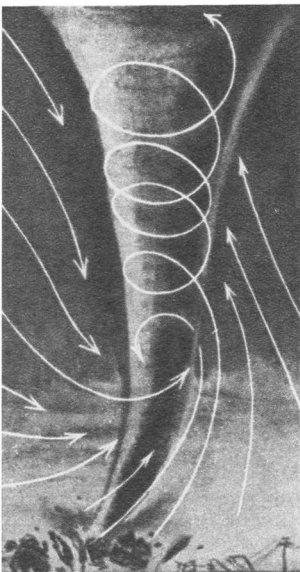

В этом номере на вкладках: репродукции картин Ф. А. Васильева «После грозы», «Оттепель», «Мокрый луг», «Пейзаж», «Осень» и четыре страницы цветных фотографий.

Грозное явление природы

Весь день 8 июня 1953 года тяжелый, гнетущий зной стоял над штатами Мичиган и Огайо. С юга неслись темные мучевые облака. Они затянули небо сплошной свинцово-серой пеленой. Температура сильно поднялась. Слой раскаленного воздуха, как одеяло, покрывал землю. Поверх же этого «одеяла» дули прохладные ветры с северной части Скалистых гор. Черные, грозные тучи протянулись до побережья озер Гурон и Эри. И вдруг в разных местах из туч свесились до земли шесть хоботовообразных воронок. То были смерчи, или, как их называют в Америке, торнадо.

В США смерчи — довольно частое явление. В среднем там за год проходит 150 смерчей, причиняя смерть опять-таки в среднем за год 222 человекам и материальный ущерб в размере 14 миллионов долларов. Но в

Схематический рисунок смерча. Стрелками обозначено движение воздуха в смерче и вокруг него.

1953 году уже значительно превзойдена эта «средняя норма». Только за первую половину нынешнего года по США прошло 250 торнадо, унесших 400 человеческих жизней.

Итак, 8 июня в 8 часов 30 минут вечера один из шести смерчей дошел до города Флинт (штат Мичиган). В несколько мгновений множество жилых домов было обращено в руины. Из пробитого газопровода началась утечка газа, который каким-то образом загорелся. Всю ночь спасательные команды, освещаемые призрачным светом газовых огней, извлекали из-под обломков раненых и убитых. В городе было убито 113 человек и ранено 547.

На город Кливленд смерч обрушился вместе с градом, причем градины по величине не уступали куриному яйцу. За полчаса смерч оставил за собой извилистую опустошенную полосу длиной около 20 километров и шириной в 800 метров. В результате много убитых и раненых, разрушено около 1 900 домов и причинен материальный убыток в 20 миллионов долларов.

На следующий день в штате Массачусетс, когда бюро погоды предсказало

Здание колледжа в Ворчестере, подвергнутое разрушительному действию смерча.

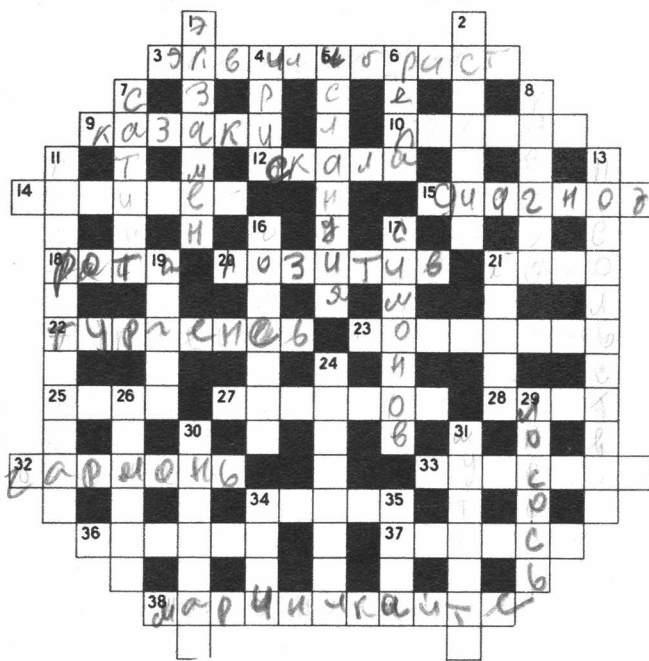
«местами грозы», вновь разразились смерчи.

Особенно пострадал город Ворчестер. Такой силы торнадо здесь не случилось за последние 75 лет. Исковерканы кирпичные дома, несколько кварталов стандартных сборных домов разнесе-

но на отдельные доски и куски. И в Ворчестере очень много жертв. Семь тысяч человек остались без крова. Нанесенный смерчем материальный ущерб достигает 75 миллионов долларов.

М. ШУБНИКОВ

КРОССВОРД

По горизонтали:

3. Цирковой артист. 9. Повесть Л. Н. Толстого. 10. Рукав реки. 12. Утес. 14. Тропическое растение. 15. Определение болезней. 18. Военское подразделение. 20. Фотографическое изображение. 21. Водное пространство. 22. Русский писатель. 23. Сырье. 25. Хищное животное. 27. Орудие навесного огня. 28. Сорт яблок. 32. Народный музыкальный инструмент. 33. Действующее лицо пьесы А. Н. Островского «Поздняя любовь». 34. Краска. 36. Суждение, выражающее оценку. 37. Рамка для патронов. 38. Литовская партизанка-комсомолка, Герой Советского Союза.

По вертикали:

1. Проверочное испытание. 2. Русский контр-адмирал, один из героев обороны Севастополя в 1854—1855 годах. 4. Яркий цветок. 5. Остров в Атлантическом океане. 6. Овощ. 7. Бумажная ткань. 8. Представитель народа Азии. 11. Исключительное право, привилегия. 13. Представительство государства. 16. Соотношение красок. 17. Советский поэт. 19. Тропическое южноазиатское дерево. 21. Материя, затканная золотыми или серебряными нитями. 24. Сорт капусты. 26. Растение, из которого получают эфирное масло. 29. Рыба из семейства лососевых. 30. Огнеупорный и водонепроницаемый кирпич. 31. Веселая, забавная проделка. 34. Система путей, линий. 35. Полуостров.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 32

По горизонтали:

7. Конкурс. 8. Цицерон. 9. Питомник. 11. Антрацит. 12. Лапта. 13. Онис. 14. Адрес. 17. Хрестоматия. 18. Сероуглерод. 22. Ареал. 23. Стая. 24. Агния. 27. Искандер. 28. Рыльский. 29. Дивизия. 30. Аксаков.

По вертикали:

1. Номинал. 2. Акрости. 3. Бруно. 4. Пихта. 5. Зеландия. 6. Колизей. 10. Конструктор. 11. Аккумулятор. 15. Зебра. 16. Отра. 18. Сказание. 19. Дагестан. 20. Престиж. 21. Филлидор. 25. Сдвиг. 26. Улика.

Главный редактор — А. А. СУРКОВ.

Редакционная коллегия: Б. С. БУРКОВ (зам. главного редактора), А. С. ВАРШАВСКИЙ, В. С. КЛИМАШИН (зам. главного редактора), Е. Н. ЛОГИНОВА, Б. Н. ПОЛЕВОЙ, Н. С. ЩЕРБИНСКИЙ.

Адрес редакции: Москва, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-38-61.

Оформление И. Уразова.

А 05002. Подп. к печ. 11/VIII 1953 г. Формат бум. 70×108%, 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 550 000. Изд. № 620. Заказ 1820. Рукописи не возвращаются.

Типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

Святогорск. Дом отдыха для шахтеров на берегу Северного Донца.

Фото Н. Федорова.

Цена 3 руб.

